

Агнесса Виноградова

РАССТРЕЛЯННАЯ МЕЧТА

А. Виноградова

РАССТРЕЛЯННАЯ
МЕЧТА

Агнесса Виноградова

РАССТРЕ- ЛЯННАЯ МЕЧТА

*Хроника жизни лейтенанта П.П. Шмидта.
Письма, воспоминания родных, близких, сослуживцев,
современников, документы, материалы.*

Николаев 2004

УДК 94(47)1905
ББК 63.3(2)522
В49

Виноградова А.В.

В49 Расстрелянная мечта. Хроника жизни лейтенанта П.П.Шмидта. Письма, воспоминания родных, близких, сослуживцев, современников, документы, материалы. — Николаев: ЧП Гудым И.А.; 2003. — 288 с.

ISBN 966-96187-5-4

Он сошел в Вечность с палубы восставшего в ноябре 1905 года в Севастополе крейсера “Очаков” как командир повстанцев, - лейтенант Шмидт. Матушка- природа воистину с царской щедростью одарила Петра Шмидта талантами. Похоже, этим и рассердила капризницу-Судьбу. Та будто решила вступить в единоборство с природой, зло ехидничала над ее избранником. Поманила на мятежный “Очаков”, дабы предотвратить кровопролитие, и... утопила в крови сотни повстанцев и ни в чем не повинных людей. Сделала “красным адмиралом”, но... всего лишь на неполные сутки. Распалила в его чутком сердце альтруиста вулканическую любовь к женщине и... заперла в камеру в каземате таинственного острова. А потом, наладившись страданиями новоявленного “адмирала”, отправила его на эшафот.

Как это было, кто он, овеванный легендами лейтенант Шмидт, - рассказывает эта книга.

УДК 94(47)1905
ББК 63.3(2)522

ISBN 966-96187-5-4

© Виноградова А.В., 2004
© ЧП Гудым И.А., 2004

Книга издана благодаря поддержке Николаевского городского головы В.Д.Чайки, Благотворительного фонда “Николаев-2000” (председатель правления В.Ю.Пучков), государственного предприятия “Дельта-Поцман” (директор В.В.Бездольный), совместного предприятия “Нибулон” (генеральный директор А.А.Вадатурский), Очаковского городского головы А.Л.Карпенко, директора хозяйства “Ольвия” Ф.А.Иванова.

ВИНОГРАДОВА
Агнесса Викторовна,
заслуженный журналист
Украины.

ОТ АВТОРА

“Локомотивом Истории” бравурно величали общественно-политические революции их теоретики и обанкротившиеся практики. Этот бронепоезд уперся в тупик. Время и История осудили такой метод борьбы за “всеобщее счастье”. Крови много, а всенародного благополучия как не было, так и нет. Некогда овеянное романтикой, облаченное в красные знамена слово “революция” ныне стало почти бранным. И все чаще отождествляется с неприятными, как булыжник, понятиями “переворот”, “бойня”. А нередко и вовсе предается анафеме. И, чего греха таить, далеко не всегда знаем мы, “сколько светлых душ под этой колесницей сгорело в пепел, в прах...”. А ведь были, были! - чистые, нетро-

нутые корыстью собственной выгоды личности, которые искренне хотели изменить жизнь народа к лучшему. И революция, как гигантская кровавая воронка, всосала их в свое ненасытное жерло.

Петр Петрович Шмидт один из них. Тот самый, который 15 ноября 1905 года с восставшего крейсера “Очаков” объявил на всю многострадальную Россию: “Командую флотом. Шмидт”. Послал телеграмму Николаю Второму: “Славный Черноморский флот, свято храня верность своему народу, требует от Вас, Государь, немедленного созыва Учредительного собрания и перестает повиноваться вашим министрам. Командующий флотом гражданин Шмидт”.

О правомерности столь дерзкого заявления с точки зрения государственных и этических законов судить Истории. У стихии восстания свои законы.

О лейтенанте П.П.Шмидте написано много и художественной литературы, и документальных исследований, и воспоминаний. Но ярче, обстоятельней, искренней, чем рассказал о себе он сам в своих многочисленных письмах, записках, речах, достоверней, чем написали о нем в воспоминаниях сестра Анна Петровна Избаш, сын Евгений Петрович Шмидт-Очаковский, вряд ли напишет даже самый талантливый мастер слова. Огромную ценность для объективной трактовки образа легендарного “красного адмирала” и его роли в Севастопольском вооруженном восстании в ноябре 1905 года имеют воспоминания друзей, близких, сослуживцев, непосредственных участников восстания на крейсере “Очаков”, оппонентов.

Цель этого повествования - дать слово самому мятежному лейтенанту Шмидту, его близким, тем, кто шел с ним на Голгофу, его сторонникам, а также критикам и врагам. Целесообразность такого рассказа, основанного только на подлинных письмах, воспоминаниях, документах, на переломе двух веков и общественно-политических систем диктует сама жизнь. Дело в том, что в советской историографии и художественной литературе лей-

тенант Шмидт представлен на фоне эффектно развевающегося алого стяга, в ореоле революционного романтизма, таким альбатросом революции “без страха и упрека”. Иконописный портрет руководителя восстания на крейсере “Очаков” советского образца в значительной степени вытеснил из исторической памяти Шмидта-человека с его достоинствами и слабостями, личность сильную духовно и болезненную физически, необыкновенно талантливую и чрезвычайно трагическую.

В постсоветское время наблюдается другая крайность. Некоторые, особенно дружно шагающие в ногу со временем и вдыхающие полной грудью “ветры перемен”, литераторы, а чаще журналисты с новых импровизированных трибун нещадно и подчас без разбора клеймят все, что было, и Шмидта заодно, походя, не зная сути дела. По полной программе, вменяя в вину недавнему красному герою поражение в восстании черноморских матросов и гибель сотен повстанцев. В качестве аргумента его восхождения на палубу восставшего крейсера одни выставляют “неудовлетворенности” в личной жизни, другие - “президентские амбиции”, третьи - банальное тщеславие и прочие своевольные предположения.

Предлагая эту книгу вниманию читателей, никоим образом не считаю, что она исчерпывает тему, является истиной в последней инстанции. Не ставлю своей целью с кем-то полемизировать, что-то категорически отрицать или утверждать. Стремлюсь, насколько позволяют мои скромные возможности, помочь услышать самого Петра Петровича Шмидта, его современников без аккомпанемента политической конъюнктуры. А вместе с ними и голос Ее Величества Истории.

Сей труд стал возможен благодаря бесценным документам, собранным и сбереженным Лидией Ивановной Иващенко, заслуженным работником культуры Украины. Она создатель уникального музея П.П.Шмидта в г.Очакове, которому отдала всю сознательную жизнь и трепетную любовь неравнодушной души. Ее стоические усилия по собиранию и сбережению памяти об этом

периоде нашей истории достойны самостоятельного рассказа. Великодушно предоставив документы и материалы для создания настоящей книги и участвуя в ее редактировании, Л.И.Иващенко внесла благородную весомую лепту не только в эту, а в саму Книгу истории нашего культурного и исторического наследия. Спасибо вам, Лидия Ивановна.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

Александр Михайлович был немало удивлен, когда получил телеграмму от Всероссийского Адвокатского Союза из Петербурга. Каким образом его, присяжного поверенного из Екатеринослава, отыскиали в Ялте? Здесь он почти инкогнито. Переехал, опасаясь террора властей за “излишнюю самостоятельность мышления”. Боялся за семью. Как вообще нашла его эта телеграмма в пик забастовки почтово-телеграфных служащих, буквально парализовавшей Россию? Вгляделся еще раз в отрывистые строки. Телеграмма требовательно извещала, что он, адвокат Александров, должен немедленно выехать на защиту Шмидта.

Какого Шмидта? Вдруг вспомнилось сообщение в “Крымском вестнике”: Главный Командир Черноморского флота и портов Черного моря адмирал Чухнин приказал выселить из Балаклавы, вообще из Крыма, писателя Куприна за очерк о ноябрьском восстании матросов в Севастополе. В памяти вспыхнуло: “Командую флотом. Шмидт”. Дерзко, дерзко... За этой последовала другая мысль, вызвавшая удивление: неужто ему, Александрову, предлагают защиту того самого Шмидта?

О восстании черноморских матросов 11 - 16 ноября 1905 года и его “красном адмирале” кричали, трубили, зывали все российские газеты. Эхо кровопролития в Севастополе взбудоражило не только родные пенаты, докатилось до Европы и даже Америки и Англии. Личность его у разных людей вызывала разные чувства. У одних полное категорическое неприятие: “Предатель... Изменник... Подлец...”. У других восхищение: “Герой... Жертва... Революционный романтик...”.

Колебания были недолгими. Александров выехал в Севастополь, как того требовал императивный тон телеграммы, немедленно. В городе еще не остыл “пепел революции”. Общую подавленность не мог скрыть скороспешный внешний порядок. Сквозь косметическую припудренность проступал гигантский душевный кровоподтек погрузившегося в жуткое молчание города. Александр Михайлович поселился в гостинице “Кист”. Здесь его ждали коллеги из Петербурга: российская знаменитость Зарудный, члены Петербургского союза адвокатов Балавинский и Винберг. Они сообщили, что защищать Шмидта и других участников восстания вызвался светило юриспруденции, “краса и гордость” польской адвокатуры Врублевский.

Некоторые прознавшие о месте пребывания столичных адвокатов севастопольцы приходили в гостиницу, чтобы поведать им о подробностях восстания, его участниках. Старались, как могли, высветить истину. Подчас это были проявления решимости, за которую вполне можно было поплатиться не только местом службы, но и “местом под солнцем”, угодить за тюремную решетку. Делу внутреннего сыска и наружного наблюдения в Севастопольском жандармском управлении после матросского восстания уделялось особенно серьезное внимание. По приказу обоих министров: внутренних дел и морского - на укрепление, совершенствование, увеличение численного и качественного состава сыскной агентуры правительство выделило кругленькую сумму. Плюс весомый аванс, который исправно пополнялся по мере “насуточных” расходов и предоставления надлежащей отчетности началь-

ника жандармского управления. Сам он, его агенты и штатные сотрудники свой хлеб с маслом даром не ели.

И, тем не менее, письмо от инженера-механика Виктора Генриховича Володзько адвокат Александров получил. В нем офицер, близко знавший арестованного Шмидта, рассказывал о нем как о человеке и моряке. Это послание еще более усилило интерес адвоката к личности Шмидта. И не только как к подзащитному. Изучая дело “очаковцев”, адвокаты решили защищать в суде не только Шмидта и активно присоединившихся к восставшим студентов Императорского Новороссийского университета - Александра Пятина, Петра Моишеева и рабочего Григория Ялинича, а всех матросов мятежного крейсера. Севастопольские власти ходатайство защиты не удовлетворили. Адвокаты обратились к премьер-министру России Витте. Тот был более великодушен. Против решения адвокатов не возражал. Сорок один обвиняемый по делу об участии в восстании на крейсере “Очаков” в ноябре 1905 года получил реальную надежду на защиту в военно-морском суде. Всего арестованных участников севастопольского восстания было более 4000.

Наконец адвокатам было разрешено следовать в г.Очаков, где и должен был состояться суд над бунтовщиками. Доставить туда защитников было приказано экипажу транспорта “Прут”. После июньского восстания на самом “Пруте” и неудачной поддержки им команды взбунтовавшегося броненосца “Князь Потемкин-Таврический” - “Прут” был превращен в плавучую тюрьму. Старший офицер любезно показал гостям каюты, разрешил экскурсию по кораблю. На море был штиль, как вскоре выяснилось - кратковременный и обманчивый. Мысль о том, что здесь, в бронированном чреве плавучего застенка могут находиться мятежники и их “красный адмирал”, пульсировала тревожным ожиданием.

Александр Михайлович прошел на бак. У бочки с водой, где плавало множество окурков, курили, беседовали матросы. При виде штатского пассажира они поначалу смутились. Но быстро освоились. Поняли, с кем имеют дело. Дали понять, что гость среди своих. Здесь адвокат и узнал, что обвиняемые матросы

находятся в трюме, но Шмидта среди них нет. В кают-компанию Александров спустился вместе с Зарудным. Офицеры встретили гостей тяжелым, леденящим молчанием. Атмосфера оттаивала постепенно. Среди офицеров даже объявились сочувствующие Шмидту. А лейтенант Лебедев (Александров запомнил его фамилию) громко заявил, что после случившегося в Севастополе расстрела не считает возможным оставаться на флоте, подаст в отставку.

Капитан великодушно разрешил свидание с подзащитными. В трюмном отсеке лязгнули засовы, заскрежетали бронированные двери. Адвокатам открылось полутемное вместилище плавучей тюрьмы. В иллюминатор с оглушительной силой врывалась штормовая волна. На нарах лежали матросы. Смерд, тяжелый, удушливый воздух. Увидев вошедших, узники вскакивали с нар. Многие, шлепая по залитому студеной водой полу босыми ногами, окружили защитников. Что-то эпическое было в этой живой картине, напоминающей преисподнюю. Гнетущий полумрак. За отверстием иллюминатора бушующая стихия с ревом бьется о борт. А в плавучей железной клетке - свинцовое спокойствие обреченности. Узники знали, куда их везут.

Среди крепких, мускулистых молодых фигур особенно выделялся скульптурной красотой и мощью черноволосый, с мужественными чертами лица и грустными глазами матрос. Потом Александров узнает в “Самсоне” комендора крейсера “Очаков” Никиту Антоненко, который один, вручную поворачивал восьмидюймовые орудия. Это он, Антоненко, вопреки приказу командующего флотом адмирала Чухнина и командира “Очакова” Глизына не дал разоружить мятежный крейсер. Заявил громогласно флотскому начальству, что “офицеры сами устраивают бунт”. Александров предчувствовал всю сложность, а возможно, и безуспешность предстоящей защиты. Состояние правового бессилия, преднамеренности исхода судебного процесса переживал и Зарудный. Но желание адвокатов помочь несчастным было сильнее интуитивных сомнений.

С горем пополам “плавучая похоронная процессия” - “Прут” добралась до захолустного Очакова. Выжженные солнцем рыжие, глинистые лбы берегов. Низкорослые, хмурые хаты. Тусклый, дрожащий свет редких керосиновых фонарей на унылых улицах. Где-то в их нехитрых лабиринтах затаилась гауптвахта. Там ждет своей участи лейтенант Шмидт. Александров ждал встречи со своим подзащитным. И вот наконец приземистое одноэтажное здание из красного кирпича - гауптвахта. Окна наполовину густо замазаны известкой. Двойной караул. Внешняя охрана - солдаты. Внутренняя - жандармы. Пристальные взгляды охранников в лицо, на фотографии в документах, удостоверяющих личность. Зубовный скрежет засовов. И, наконец, разрешение войти.

Открылась дверь, легкой походкой навстречу шел Шмидт. Крепко, как давним знакомым, пожал руки адвокатам. Со светской учтивостью, и в то же время располагающе просто, пригласил сесть на диван. Он ходил из конца в конец довольно большой комнаты и говорил, говорил... В слабом свете керосиновой лампы лицо его по мере удаления и приближения, казалось, меняло выражение. Потом, через много лет, адвокат Александров, член четвертой государственной думы России и доверенное лицо лейтенанта Петра Петровича Шмидта, возглавившего восстание матросов на крейсере “Очаков”, напишет в своих воспоминаниях: “Я видел перед собой действительно замечательное лицо. Ни одна фотография подлинного Шмидта не запечатлела: на фотографиях нет того самого главного, что было в нем и что могло быть запечатлено только кистью великого художника, - именно его одухотворенность”.

Откровения узника во время первой встречи с адвокатами сводились к тому, что в личном спасении он совершенно не заинтересован. Свою смерть считает более необходимой для будущей свободной России, чем свою жизнь. А для спасения матросов от смертной казни приложит всю силу своего убеждения и энергии.

А.И.Куприн, встретившийся со Шмидтом, незадолго до восстания, на литературном вечере в Севастополе, где писатель читал отрывки из своего “Поединка”, тоже запомнил лицо тогда еще неизвестного “красного адмирала”. “Бледность скорее врожденная, чем признак болезни. Несомненно, из аристократов. Лицо умное, с признаками усталости... в молодости было красивым. Запавшие щеки увеличивали нос, а вертикально глубокие складки у переносицы добавляли лет. Легко можно было дать 45, хотя ему было 38”.

Несмотря на усиленную охрану, у адвокатов сложилось впечатление, что их подзащитный может легко выйти из здания гауптвахты. Было в Шмидте что-то неуловимо притягивающее к нему людей. Сочувствие к арестованному у некоторых стражников хоть и пряталось ими в недрах душевных, но порой приближалось к критической отметке.

Через коридорчик от комнаты, где находился Шмидт, содержались тоже под мощной стражей кондуктор крейсера “Очаков” Сергей Петрович Частник, студенты Новороссийского университета Петр Моишеев, Александр Пятин и рабочий Григорий Ялинич. Частнику было 31 год, остальным по 22-25 лет. Александров запомнил картину ужина узников. Огарок свечи излучал дрожащий мертвенный свет. Кусочки “окаменевшей” колбасы на столе. Оловянные кружки. Сдержанная приветливость обреченности. Заключенные пригласили гостей к столу “закусить колбасой”. У адвокатов создавалось впечатление, что все участники трапезы были равнодушны к своей грядущей судьбе. Красивое, с тонкими чертами лицо Частника, с едва заметными оспинами, было спокойно. По-видимому, он для себя все решил и смотрел на предстоящий суд, как на неизбежную неприятную формальность, которую надо пережить с достоинством. Голубоглазый, близорукий, застенчивый юноша - подросток в очках Пятин тоже не выражал тревоги. Моишеев был выше ростом своего товарища, смотрел мрачно. Ялинич, красивый, черноволосый, - сдержан, неразговорчив.

На окраине Очакова, в каземате ждали своей участи другие обвиняемые. Подходя к месту их заключения, адвокаты услышали довольно стройное пение, проникавшее в душу. Матросы протяжно пели: “солнце всходит и заходит, а в душе моей темно...” И здесь, в каземате, - отсутствие интереса к исходу судебного дела. Больше из душевной деликатности матросы говорили своим защитникам общепринятое: “вы уж постарайтесь”. Эта душевная тонкость, не показное смирение, жертвенность недавних бунтовщиков не ложились в материалы “Дела”, но оставались в памяти тех, кто с ними соприкасался. Запомнился Александру Михайловичу матрос, внешне ничем не приметный. Он просто сказал защитникам: “У меня есть 70 рублей. И если меня приговорят к расстрелу, то я вам передам эти деньги, а вы уж отдайте их сиротам. Я сам сирота и хочу, чтобы деньги достались сиротам”.

Почему матросы “Очакова” восстали, - адвокатам было понятно. Но почему возглавить восстание они позвали именно Петра Петровича Шмидта, господина офицера из родовитой семьи потомственных адмиралов, “белую кость”? Что объединило его с матросами? Наконец, что за жизнь простиралась за казенными строками судебного дела с надписью “Лейтенант П.П.Шмидт”?

РОДОСЛОВНАЯ

В XVII столетии в числе других, выписанных Петром I из Франкфурта-на-Майне корабельных дел мастеров прибыл в Россию работающий, основательный кузнец - мастер на все руки Шмидт. Женился на русской. Остался в России. Дети и внуки его стали русскими подданными. Строили корабли. Служили главным образом по морскому ведомству, в армии. Дед будущего мятежного лейтенанта Шмидта, Петр Николаевич Шмидт (1764 - 1843), служил в Николаевском адмиралтействе. Был весьма уважаемым в среде морского офицерства. В ту пору Главный Командир Черноморского флота, военный губернатор Николаева и Севастополя адмирал А.С.Грейг высоко ценил П.Н. Шмидта как знающего морское дело специалиста, человека чести, крепких нравственных устоев, благоволил его семье.

Благодаря покровительству Грейга все дочери Петра Николаевича Шмидта были устроены в различные институты на казенный счет, а два его сына, родившиеся в Николаеве, старший Владимир и младший Петр (отец будущего лейтенанта П.П.Шмидта), определены на учебу в Николаевское училище юнкеров флота. Оба брата успешно окончили его. Умер и похоронен Петр Николаевич Шмидт в Николаеве.

Все Шмидты отличались усердием в работе и службе, преданностью России и воинскому долгу, гражданской порядочностью. Имя Петр в родословной стало своеобразным символом почитания царя Петра I. У обоих братьев, Владимира и Петра, хорошо складывалась карьера. Оба участвовали в Крымской войне 1854-1855 г.г. Воевали в самом ее пекле, на знаменитом четвертом бастионе в Севастополе. Владимир Петрович за проявленную в боях доблесть был награжден золотым оружием, стал кавалером почти всех орденов Российской империи и полным адмиралом, одно время командовал Тихоокеанской эскадрой, императорской яхтой “Тигр”, назначен в Адмиралтейств Совет. Пользовался большим уважением и расположением императора Александра Второго.

Отец будущего мятежного лейтенанта, Петр Петрович Шмидт (тоже Петр Петрович; 1828-1888 г.г.), дослужился до чина контр-адмирала. Был человеком долга, честным, добрым, простодушным, доверчивым, но чрезвычайно неуравновешенным, вспыльчивым до самозабвения. Статный “капитан с синими глазами”, так иногда называли Шмидта-отца, после Крымской войны женился на вдове своего начальника, убитого капитана первого ранга Скоробогатова, Екатерине Яковлевне, урожденной фон Вагнер, дочери заслуженного боевого генерала, по материнской линии княгине Сквирской. Екатерина Яковлевна отличалась образованностью, редкой душевной чуткостью, сострадательным отношением к людям, особенно, как тогда принято было говорить, низшего сословия. Увлекалась общественными науками. Но главной ее заботой были семья, дети.

Брак этот был заключен по взаимной любви, со стороны Шмидта (отца будущего лейтенанта) - страстной, порывистой. Было в его чувстве к жене, как и в самом его характере, нечто штормовое. Екатерина Яковлевна стойко выдерживала бурные перепады характера мужа. Но семейное счастье постепенно покидало супругов. Жили они в ту пору в Одессе. Там П.П.Шмидт служил капитаном на одном из пароходов вновь организованного Русского Общества Пароходства и Торговли (РОПиТ). В Одессе 5 февра-

ля 1867 г. (все даты и далее приводятся по старому стилю) у них родился сын. Назвали его опять-таки в честь Петра I - Петром.

Глава семейства оставил службу в РОПиТ. Попытался стать главным учредителем Новороссийского пароходства. Вложил в это предприятие все деньги семьи и... прогорел. Не расчетливый, не умеющий ни жить, ни служить в полсилы, в “полшага”, незадачливый учредитель остался ни с чем, а семья, жена и трое детей без средств существования. С помощью влиятельного старшего брата Владимира Шмидт-отец получил место начальника города и порта Бердянска, которому отдал 10 лет. Много сделал для его обустройства, чем и заслужил уважение сограждан и добрую память потомков.

Потеря семейного капитала была не самой большой бедой Шмидтов. До рождения сына Петра (будущего лейтенанта Шмидта) в семье умерли от воспаления мозга друг за другом три сына. Всю последующую короткую жизнь Екатерина Яковлевна мучилась тревогой о здоровье маленького Пети. Он тоже рос болезненным ребенком, необыкновенно чувствительным и тонким душой. Мать и сына неразрывно связывали нежная любовь и сильное духовное и душевное единство. Маленького Петю “поцеловали” многие музы. Он обладал отличным музыкальным слухом, хорошо играл на скрипке, рояле, пел, рисовал, отличался недюжинными математическими способностями. Рос общительным, любимцем сверстников и, вместе с тем, бывал задумчивым и по-взрослому грустным. Суждения подростка иногда поражали мудростью, за что домочадцы называли его с любовью и шутливо “главой семьи”.

Уже в раннем отрочестве будущий лейтенант Шмидт выходил с отцом в море под парусом и смело управлял им. Хорошо плавал, серьезно увлекался гимнастикой. Любил море. Но самой большой его любовью и трогательной привязанностью была мама. Как писала в своих воспоминаниях сестра лейтенанта Шмидта, Анна Петровна Избаш, урожденная Шмидт, “Петя любил мать тревожной любовью очень нервного ребенка и постоянно боялся

потерять ее. Раз ночью маленький Петя разбудил нас и бросился в комнату матери с криком: “Мама, мне снилось, что ты умрешь через два года!..”. Мать умерла через два года после его сна”. Екатерине Яковлевне минуло 42 года. Ее любимому единственному сыну исполнилось 10 лет.

Все дни до похорон мамы он рыдал горько и безутешно, не успокаиваясь ни на минуту. Смерть матери была самым большим ударом для сына Петра Шмидта. “Любовь к матери полосой светлой и нежной прошла через всю его жизнь. Он вспоминал мать всегда. В детстве, уже после ее смерти, он громко звал ее в минуты своих детских горестей, позже, взрослым, в письмах ко мне говорил о ней всегда, когда ему было тяжело... Приезжая в разные периоды своей жизни в Бердянск, где похоронена мать и куда мы переехали из Одессы незадолго до ее смерти, - он всегда, даже ночью, зимой, останавливал лошадей у ворот кладбища, далеко за городом, и шел к ее могиле... Смерть матери сделала одиноким его на всю оставшуюся жизнь”, - вспоминала сестра “мятежного” лейтенанта.

Но костлявой старухе с косой было мало, она словно преследовала семью Шмидтов. Вскоре трагически уйдет из жизни старшая сестра Анны и Петра Мария. Набожная, аскетичная, она какое-то время заменяла им мать. Мария Петровна Шмидт вышла замуж за гвардейского офицера, владельца поместья на Орловщине, старше ее на 30 лет, человека иного склада и воззрений. Супружеская жизнь ее была безрадостной. В один из дней 1890 года Мария повесилась в своей спальне.

Своего сына градоначальник Бердянска П.П.Шмидт определил, по традиции, в Морское училище в Санкт-Петербурге. Было Пете Шмидту 13 лет. Вторая жена 56-летнего П.П.Шмидта-отца, 35-летняя, перезревшая девица О.Н. Бутенко, была полной противоположностью его покойной супруге. Не столь образованная, меркантильная, властная, Ольга Николаевна имела на своего престарелого мужа парализующее влияние. Некогда волевой, энергичный адмирал-градоначальник превратился в развально-

ху. Почтенные супруги переехали в Одессу, где поселились в наследном доме покойной первой жены П.П.Шмидта, Екатерины Яковлевны. Прежде всего мачеха отсекла от наследного родительского дома детей своего дряхлого супруга - падчерицу Анну и пасынка Петра. Поссорила их с отцом. Сама же не проявляла ни малейшего внимания к их судьбе, вообще жизни.

Юному Петру Шмидту остались в наследство от горячо любимой, незабвенной мамы ее библиотека, кое-что из семейных реликвий, в числе которых, пожалуй, самой дорогой для него была чернильница, принадлежащая еще бабушке - княгине Сквирской. И еще - чуткая, сострадательная до болезненности озабоченность Екатерины Яковлевны Шмидт жизнью простых, не обласканных фортуной сограждан.

О жизни и учебе Шмидта в Морском училище, как, впрочем, и всей его жизни, лучше всего рассказывает в своих, воистину исповедальных письмах он сам. Вот строки из некоторых писем шестнадцатилетнего гардемарина знакомой гимназистке из Бердянска Евгении Тилло: *“Итак, я пребываю у хладных неvkских берегов, в туманном Петербурге, т.е., вернее сказать, живу себе безвыходно в разлюбезном здании училища. Необычайная злость овладевает мною. Отчего именно злость, спросите Вы? Представьте себе идеалиста, да еще молодого вдобавок, который твердо верит в существование хорошего, чистого на земле. Это верование составляет одно из основных начал его религии, во имя которой он существует. Он ищет житейского опыта, чтобы иметь большие данных о правильности того, к чему он привязан всем существом своим, - о правильности сложившихся у него верований. И в то же время он боится этого опыта, который может разочаровать его.*

И вот наш идеалист попал в среду полнейшего разврата и грубой глупости... На каждом шагу он видит пошлое поругание над всем, что свято для него. Он видит слишком много совсем молодых и испорченных до последней крайности людей. Сперва он убегает от этого общества, но это невозможно. Тогда, пере-

ломив себя, он входит в него и всеми своими молодыми силами старается влиять на окружающих. Но куда ему до влияния? Он еще сам сильно нуждается во влиянии”.

Некоторое время брат и сестра Петр и Анна жили в Петербурге вместе. Они много читают. Петр особенно любит Достоевского. В прохожих, бывало, видел схожие черты с героями почитаемого писателя. “Вот идет Мармеладов...”. Пытался понять: почему в жизни так много несправедливости? Почему бедность духовная и социальная стремительно расширяют горизонт жизни? Любознательный, жадный до знаний, юный воспитанник Морского училища Петр Шмидт слушает лекции известного профессора-экономиста Н.А.Карышева, знакомится с публицистом Н.В.Шелгуновым и идеологом научного социализма Н.К.Михайловским. С сыном Шелгунова Николаем они друзья-однокашники по училищу. Вместе и создают в Морском училище кружок юных вольнодумцев. Эрудированному “магистру”, так называют за широкие знания сокурсники Петра Шмидта, гардемарины симпатизируют. Интеллектуальной троице - Шмидт, Шелгунов, Михайловский - импонируют революционно настроенные представители Северной Пальмиры.

Но “магистр” - вовсе не заиклившийся на революционной идее ортодокс. И безразличным к жизни “книжным червем” его тоже не назовешь. Он любит море. Много ходит под парусом. Увлекается шахматами, гимнастикой и, конечно, музыкой. Сестра и брат бывают в театрах, концертах, на выставках. И все-таки самое большое увлечение юного Шмидта-- жизнь, люди. Уже тогда к нему приходят радужные мечты о “социалистическом государстве будущего”, о всеобщем счастье. На эту “жар-птицу” у юного мечтателя свой взгляд. *“Все люди укладывают свою жизнь на достижение счастья и все они только и рознятся во взгляде на счастье. Дурной человек удовлетворяет своим грубым животным инстинктам и тем достигает своего счастья. Хороший человек видит свое счастье в других. Только понятие о счастье и подразделяет людей”*, - пишет молодой философ Петр

Шмидт гимназистке Евгении Тилло. Он считает, что каждый должен стремиться сделать счастливым хотя бы одного человека.

Будущий “морской волк” отнюдь не пустослов. В один из приездов на каникулы в Бердянск, уже в звании мичмана, Петр устраивается рабочим на завод сельскохозяйственных орудий. Хочется ему познать жизнь и труд рабочих на “своей шкуре”. Уродливые условия, тяжкая работа, нищенское существование, обездоленность создателей материального богатства общества возмущали его до глубины ранимой души, а иногда и до слез. Надо отдать должное градоначальнику Бердянска, Шмидт-старший не препятствовал “странному”, по мнению многих знакомых “своего круга”, стремлению сына. Его работу на заводе сельскохозяйственных орудий англичанина Гривеза в качестве рабочего формовочного цеха не считал блажью. Может, и это знание жизни “на своей шкуре” потом легло в фундамент убеждений лейтенанта Шмидта, “социалиста вне партий”, каким он себя считал: “Роскошь всегда безнравственна, а поэтому недопустима”.

ЖЕНИТЬБА

В 1886 году Петр Шмидт успешно окончил Морское училище. Судьба улыбалась юному интеллектуалу и альтруисту. Уже, было, пообещала покровительствовать в карьере. Четвертое учебное плавание на корвете “Аскольд” прошло успешно. Петр Шмидт произведен в первый офицерский чин мичмана.

Но так удачно складывавшейся служебной карьере двадцатилетнего мичмана суждено было “споткнуться” не в море, а на холодных берегах Невы. Некоторые исследователи жизни лейтенанта П.Шмидта высказывают предположение, что с будущей женой Доминикией Павловой его познакомил сокурсник по училищу и черная тень до конца дней Михаил Ставраки. Не будем настаивать на этой версии. Скорее, свою роковую роль здесь сыграл господин случай. Возможно, на гранитной набережной Петр увидел одинокую девушку. Похоже, она никуда не торопилась. Юный идеалист сразу вспомнил героиню нашумевшего романа Достоевского Сонечку Мармеладову. Образ ее до крови “царапнул” чуткую душу.

Перед ним была не литературная, а живая представительница древнейшего промысла. Миловидное, скуластое лицо с широкими бровями, грустный взгляд. Кто она? Не состоявшаяся горнич-

ная? Прислуга? Отчаявшаяся заработать на хлеб швея? Порывистый выпускник Морского училища хоть и отличался недюжинным умом, нередко шел на поводу у чувства, в особенности сострадательного. Но послушаем лучше самого неисправимого альтруиста. Вот что писал о том, как это было, сам П.П.Шмидт 18 января 1906 г. из каземата Очаковской крепости в письме к З.И.Ризберг (письмо публикуется впервые - **А.В.**): *“С самой ранней юности, читая, познакомился со всеми ужасами проституции. Твердо решил никогда в жизни не быть участником этого узаконенного преступления, обвиняя во всем мужчин. 20-ти лет случайно познакомился с проституткой, она была моих лет, жаль мне ее стало с первого же вечера невыносимо, и я решил спасти ее. Я не хотел вступать с ней в связь, и влечения к ней, как к женщине, у меня не было, хотя многие другие женщины мне нравились и влечение было. Я был вполне здоровым человеком. С первого же вечера, просидев у нее и узнав ее жизнь (она лгала), я остался ночевать, но в спальню к ней не входил, я решил, что спасу. Наутро пошел в Государственный банк, у меня было там 12 тысяч, взял эти деньги и отдал ей. На другой день увидел так много душевной грубости в ней и так верил, что это навеяно жизнью, понял, что отдать тут нужно не только деньги, а всего себя, чтобы вытащить ее из тьмы, решил жениться. Думал, что, создав ей обстановку, в которой она вместо людской грубости найдет одно внимание и уважение, обставив ее собою, вытащу”*.

И еще одно его письмо: *“Я не могу видеть, как человек погибает, я спасаю его для себя, чтобы избавиться от страданий при виде его гибели, и раз я это делаю для удовлетворения своей душевной потребности, само собой, никто из нас никогда не имеет права и основания требовать к себе такое же чувство со стороны других”*.

С романической Сонечкой Мармеладовой, кроткой, жертвенной, по-христиански смиренной, у реальной, земной Доминикии Павловой общего было разве что способ добывать пропитание.

Жениться немедленно мичман Шмидт не мог. По тогдашним законам, новоиспеченный офицер имел право вступать в законный брак только по истечении трех лет службы после окончания военного учебного заведения. И непременно на представительнице дворянского сословия, в крайнем случае, купеческого, но не ниже второй гильдии. Доминикия не верила этому. Подозрительность, злобность, недовольство обрушились на голову молодого мужа. Атмосфера в семье накалялась. Доминикия ждала ребенка. Ему нужно было дать имя. Преданный чувству долга, нравственного и служебного, Петр Шмидт мучился угрызениями совести. И, в конце концов, решил подать рапорт о внеочередном отпуске в связи с “болезнью”.

Период жизни П.П.Шмидта с 1888 по 1889 г.г. в его послужном списке значится такими записями: “Внеочередной 4-месячный отпуск внутри Империи”, “Продолжение отпуска еще на 3 месяца по домашним обстоятельствам”, “Шестимесячный отпуск по болезни”. 28 февраля 1889 года в семье П.П.Шмидта и его жены Доминикии Гавриловны, урожденной Павловой, родился сын Евгений. А 24 июня этого же года был удовлетворен рапорт П.П.Шмидта об отставке. Он был свободен и без средств существования. О том, чем был занят Шмидт в 1890-1892 г.г., есть некоторые сведения в фондах музея П.П.Шмидта в Очакове. Фотокопии воспоминаний, знавших Петра Петровича по работе в Азово-Черноморском банке в Таганроге. В них рассказывает, как любил Петр Петрович кататься на велосипеде вместе с маленьким сыном, которому он тоже купил детский велосипед. Тогда это была новинка. Фотография дома, в котором жила молодая семья Шмидтов. В фондах этого же Очаковского музея П.П.Шмидта есть также копии газетных сообщений, относящихся к этому периоду, о показательных полетах на воздушном шаре некоего Леона Аэр. В одном из них после имени Леон Аэр в скобках значится: (Шмидт). Некоторые исследователи жизни лейтенанта Шмидта утверждают, что, получив наследство после смерти тети А.Я.Эггер (сестры матери Е.Я.Шмидт. - **А.В.**), он

уезжает в Париж с женой и маленьким сыном. Поступает в школу воздухоплавания Эжена Годара. По окончании школы якобы покупает у Годара воздушный шар и под псевдонимом Леон Аэр выступает в Польше, Киеве, Петербурге с показательными полетами.

Вместе с тем, в послужном списке лейтенанта П.П.Шмидта есть запись о том, что с 14 ноября 1888 г. по 24 июня 1889 г. он находился в отпуске по болезни. Лечился в частной лечебнице доктора Савей-Могилевича для нервных и душевнобольных в г. Москве, где находился с 10 марта по 10 апреля 1889 года, что дало ему возможность уйти из флота.

По-видимому, сановный дядя адмирал В.П.Шмидт не мог примириться с двусмысленным положением, на которое обрек себя сам его племянник. Это, можно сказать, тень на весь уважаемый род. Подающий надежды гардемарин, а потом мичман Его Величества Императорского русского флота, и вдруг... Да еще и нищенское существование. Деньги, которые оставила племяннику тетушка, молодая чета успела прожить. В общем, другого выхода нет: надо возвращаться на флот. Летом 1892 года не без помощи дядюшки Владимира Петровича, в ту пору старшего флагмана Балтийского флота, Петр Шмидт зачислен в 18-й флотский экипаж в прежнем чине мичмана. Снова флотская среда, родная с детства стихия, плавания в Балтийском море. Служба в разных должностях в 18-м флотском экипаже. И слабая, но все же улыбка фортуны! Приказом по Военно-Морскому ведомству от 5 марта 1894 года мичман П.П.Шмидт переводится на новое место службы в Сибирский Флотский экипаж. Прощание с Петербургом было не столько желанным, сколько целесообразным. Военно-революционная организация Балтийского флота, которую возглавлял друг-однокашник по Морскому училищу Николай Шелгунов, разгромлена, а сам он арестован.

Петр активно разделял взгляды молодых революционных флотских романтиков. Скрывать свои симпатии не умел. Но

участь товарищей его миновала, друзья всячески старались выгородить “магистра”, спасти его от ареста.

Служба в Сибирском Флотском экипаже, плавания в дальневосточных морях оплачивались значительно больше, чем на Балтике, что для молодой семьи имело немаловажное значение. Отправились супруги вместе с маленьким сыном из Одессы во Владивосток на пароходе Добровольного флота “Москва”. Вместе с четой Шмидтов к новому месту службы следовал инженер-механик Виктор Володзько, впоследствии верный друг лейтенанта Шмидта. В отличие от Шмидта, Володзько имел достаточно основательный материальный фундамент. Его отец был довольно состоятельным человеком. И по характеру Виктор, веселый рубаха-парень, душа компаний, отличался от Петра. Но следовал потом за ним, “как нитка за иголкой”.

Путешествие пролегало через экзотические Суэц, Коломбо, Сингапур, Шанхай и т.д. И вполне могло бы быть приятным. Для маленького сына Шмидтов Жени это так и было. Но от наблюдательного, чуткого взгляда молодого отца семейства не ускользнула печальная сторона плавания. В трюмах, на нижней палубе “Москвы” теснились переселенцы из Украины, России, отправившиеся в поисках лучшей доли в неведомый, таинственный Дальневосточный край. Их было много. Иногда в чужих, далеких от неньки Украины портах с парохода уносили на носилках тела безвестных искателей счастья. А некоторые из них, зашитые в рогожных мешках, нашли успокоение на дне Тихого океана.

Владивосток встретил пассажиров “Москвы” в преддверии весны и тепла. Тихоокеанская эскадра в бухте Золотой Рог олицетворяла военную силу. Серые мощные айсберги броненосцев, крейсера, миноносцы... Поодаль от военных кораблей отдыхали торговые трудяги под флагами разных стран. После “притирания” на новом месте службы в качестве вахтенного начальника миноносца “Янчихе”, крейсера “Адмирал Корнилов” Шмидт переведен в ноябре 1894 года на ледокол “Силач”.

Неказистый с виду, “Силач” строился как портовый буксир, но проявил себя с лучшей стороны и в выполнении более серьезных задач. На ледоколы “Силач” и “Надежный” возлагалась обязанность круглогодичной проводки судов по акватории порта. Летом они использовались на гидрографических работах. Командир “Силача” капитан первого ранга П.С. Павловский, бывалый моряк, известный на флотах гидрограф, был доволен новым вахтенным начальником. Племянник знаменитого адмирала не чурался никакой работы, отлично вписался в экипаж, смекалист, тактичен.

Как писали дальневосточные газеты, в декабре 1895 и январе 1896 г.г. Владивосток не выморозило и не выветрило до основания только потому, что он был завален снегом. Но, несмотря на сложные метеорологические условия, погрузка, выгрузка и обратная проводка океанских пароходов Добровольного флота “Тамбов”, “Кострома” и др. была осуществлена успешно. В приказе командира Владивостокского порта контр-адмирала Энгельма по этому поводу говорилось так: “ Не имея праздников, работая ежедневно от восхода до заката солнца и даже по ночам догружая уголь с портовых барж, зимующих в бухте Улисс, матросы и офицеры “Силача”, вместе с приданной командой гарнизона, хорошо решили сложную задачу. Результатом такой настойчивой работы получился факт, еще небывалый со времени освоения Владивостока. 14 января пароход “Кострома” по рейдовому каналу тронулся малым ходом в обратный путь, а выйдя за мыс Голдобина, дал полный ход... В силу изложенного, с искренним удовольствием объявляю сообщенную мне благодарность его превосходительства управляющего Морским министерством: капитану второго ранга Павловскому, старшему механику Малахавец, мичману Шмидту “.

Во время службы на “Силаче”, в декабре 1895 г., П.Шмидт произведен в лейтенанты. Награжден юбилейной медалью в память императора Александра III. Исследователи жизни П.П. Шмидта приводят эпизод, как “на большом грузовом пароходе

“Хирошима-Мару”, стоявшем под выгрузкой в Нагаскском порту, загорелся хлопок. Огонь грозился перекинуться на керосиновые склады, а потом на городские кварталы. Стоявшие поблизости суда оттянулись на безопасное расстояние. Петр Петрович, не дожидаясь приказа командира, на свой страх и риск поднял по тревоге свободных от вахты матросов. Они по-русски схватились с огнем врукопашную. За героические действия все получили благодарности от старшего на рейде и особое выражение признательности от представителей городской префектуры”.

Служба в Сибирской флотилии была для новоиспеченного лейтенанта хорошим профессиональным университетом. Было у кого учиться, с кого брать пример. Перевод с “Силача” на должность вахтенного начальника транспорта “Ермак”, а потом канонерской лодки “Горностай” и последующая служба на ней оставили добрые воспоминания и у самого Петра Петровича, и у его сослуживцев о нем. Командир “Горностая” капитан второго ранга А.А. Новаковский, широкообразованный офицер, известный гидрограф, переведший с английского на русский язык лоции Японского и Охотского морей, имевший труды по гидрографии и синоптике, был известен и как журналист, отмечал в вахтенном начальнике лейтенанте Шмидте добросовестность, ум, общительность, воспитанность. Тот сторонился пьяных застолий, не любил скабрзностей. Новаковский был автором очерков об истории русского флота. Беседы с командиром на эту тему для Шмидта стали своего рода продолжением образования и радостью для души.

Послужной список лейтенанта Шмидта в Сибирской флотилии пестрит названиями кораблей и должностей. Служба не всегда шла как по маслу. На канонерской лодке “Бобр” он был ротным командиром. Сослуживцы запомнили, как трепетно любил Петр Петрович своего маленького сына, всегда, когда предоставлялась возможность, старался сойти на берег, чтобы повидать его. Во время заграничного плавания дала знать о себе хроническая болезнь почек, Шмидт оставлен на лечение в офи-

церском госпитале в Нагасаки. По излечении назначен старшим штурманом на ледокол “Надежный”. Что было причиной довольно частых переводов П.П.Шмидта с одного места службы на другое? Банальная охота к перемене? Желание быть поближе к семье? Неурядицы по службе? С командиром ледокола “Надежный” у него отношения не сложились. Шмидт с молодых ногтей и до конца жизни считал, что каждый человек должен быть честным, а не казаться таковым.

Есть в воспоминаниях сына мятежного лейтенанта такие строки: “Отец любил море и его тайны, но военной службы не выносил и, как большинство моряков, всю жизнь мечтал о береговом месте”. В какой-то степени объясняет не вполне ровную служебную дорогу и сам Шмидт. В письме к З.И.Ризберг из каземата Очаковской крепости от 13 января 1906 года он пишет: *“...К кому я всегда относился несправедливо и враждебно, это к начальству. Ко всякому моему начальству, начиная с гимназии, морского училища и всей моей службы. Оттого у меня и нет ни одного ордена, что приводило в справедливый гнев мою супругу. Я всегда был начальству моему на службе нужен, потому что я морское дело знаю, и они часто только мною, при своем невежестве, и держались, они заискивали у меня, хотя я был подчинен им, но не любили меня, и, когда я переставал служить с ними, то обыкновенно дурно отзывались обо мне за мою “продерзость”.*

Доминикию Гавриловну сердило упорное возвышенное “легкомыслие” супруга. По ее разумению, с начальством лучше ладить, с любым. И не упускать своей выгоды никогда. Ну как можно было отдать родовое, наследное гнездо, дом в Одессе, принадлежащий матери, второй супружнице отца П.П.Шмидта? Та, и глазом не моргнув, прибрала к своим рукам дом покойной Екатерины Яковлевны Шмидт. А истинным наследникам, пасынку Петру и падчерице Анне, не дала ни копейки. Поступок мачехи мужа Доминикия Гавриловна очень уж предосудительным не считала. А вот непрактичность мужа почитала причиной многих неудобств в их семейной жизни. Отсуди Петя свою законную

долю наследства у Бутеноп, жили бы они припеваючи в солнечной Одессе, а не у черта на куличках.

А вот кто особенно не терпел лейтенанта Шмидта, так это младший флагман Тихоокеанского флота контр-адмирал Г.П.Чухнин. Казалось бы, какая связь - один из сотен лейтенантов и контр-адмирал? А связь, хоть и не прямая, все-таки была. Несколько лет назад Григорий Павлович Чухнин, в бытность свою капитан второго ранга, служил старшим офицером на одном из кораблей эскадры, которой командовал адмирал В.П.Шмидт. Запомнился сослуживцам и матросам Чухнин непомерной жестокостью и диким нравом. Наказания провинившимся матросам придумывал такие, что и в страшном сне не приснится. Например, по его приказу ослушнику связывали руки за спиной и поднимали на пояском ремне к рее. Бывало, что чухнинский корабль с таким “украшением” входил и в иностранные порты.

Командующий эскадрой адмирал В.П.Шмидт порицал столь рьяное несение службы. Крейсер, которым командовал капитан второго ранга Чухнин, в эскадре В.П.Шмидта никогда не выходил в число лучших, а сам Григорий Павлович долго не был произведен по службе по причине откровенного презрения к нему преуспевающего адмирала. Злопамятный и мстительный Чухнин помнил это всю жизнь. Но как и чем может он отомстить адмиралу, члену Адмиралтейств Совета В.П.Шмидту, имеющему второго орла на погонах?

Но если очень хотеть сделать кому-то добро или зло, возможность всегда найдется. Лейтенант Шмидт? Петр Петрович? Племянник высокопоставленного адмирала? Чрезвычайно пристальное внимание адмирала Чухнина сделало службу лейтенанта Шмидта на Тихоокеанском флоте испытанием. В этой связи представляют интерес некоторые приказы Г.П.Чухнина. “...За противодисциплинарные поступки относительно своего судового командира и за таковой же рапорт, поданный 23 августа, лейтенант Шмидт арестовывается с содержанием на гауптвахте на три недели”. (Из приказа командира Владивостокского порта

контр-адмирала Г.П.Чухнина от 30 августа 1897г.). Нет необходимости подробно рассказывать о не сложившихся отношениях лейтенанта Шмидта с командиром ледокола “Надежный” капитаном второго ранга Юрьевым, у них было разное понимание понятий “честь”, “честность”. Адмирал Чухнин выяснять истину не стремился.

За этим последовал другой его приказ. “...Вследствие рапорта лейтенанта Шмидта предлагаю главному доктору Владивостокского госпиталя В.Н.Попову назначить комиссию из врачей и при депутате от Экипажа освидетельствовать здоровье лейтенанта Шмидта... Акт комиссии предоставить мне”. (Из приказа командира Владивостокского порта контр-адмирала Г.П.Чухнина от 28 октября 1897г.).

Но не только мрачными моментами была отмечена жизнь Петра Петровича на Дальнем Востоке. Его картина “Лунная ночь на Дальнем Востоке” (масло) на краевой выставке в Хабаровске была удостоена золотой медали. А другая его живописная работа - “Мыс Хинган”, - серебряной. Но служба не задалась. В сентябре 1898 года лейтенант Шмидт как подавший рапорт об увольнении из флота отчислен в запас. Болезнь не оставляет Петра Петровича. Операция на почках, сделанная в России, проблему его здоровья не решила. Семья переезжает в Одессу. Лейтенант запаса П.П.Шмидт получает приглашение на работу в Русское Общество Пароходства и Торговли (РОПиТ). Плавает старшим помощником капитана на пароходе “Королева Ольга”, капитаном грузового судна “Игорь”, пассажирских пароходов на ближневосточных и черноморских линиях.

В 1902 году Шмидт капитан большого океанского транспорта “Диана”. Семья живет в Одессе.словно по иронии судьбы, - в доме, расположенном напротив бывшего дома Е.Я.Шмидт, покойной мамы Петра Петровича. Но теперь это уже чужой дом.

МЕЖДУ НЕБОМ И ОКЕАНОМ

В письме П.П.Шмидта к З.И.Ризберг от 5.09.1905 г. есть такие строки: *“...Перешел по вольному найму в торговый флот, войдя таким образом в ряды рабочего пролетариата, жил и живу интересами рабочего сословия. Я очень мало прикасался к земле, так, например, последние 10 лет плавал только на океанских линиях, и в году набиралось не больше 60 дней стоянки в разных портах урывками, а остальное время обретался между небом и океаном. Последние 5 лет был капитаном больших океанских пароходов”.*

Одним из них был транспорт “Диана” РОПиТ, в то время один из лучших транспортов торгового флота России. Шмидт любил и умел обустраивать свое местожительство на кораблях и пароходах. Вместе с сослуживцами приобрел в кают-компанию “Дианы” бюст богини Дианы (в римской мифологии - богиня лесов, животных, плодородия, покровительница женщин), граммофон. Петр Петрович доволен и “Дианой”, и командой. В свободные вечера, как он сам выражается, “пилит на виолончели”. Если бы не мрачные письма Доминикии Гавриловны (он называет ее Диной), доставляющие ему воистину “миллион терзаний”, можно было бы считать, что жизнь лейтенанта запаса в торговом флоте

обещает душевный просвет. В письмах домой он просит, умоляет жену не преувеличивать ее, в значительной степени надуманные, страдания.

“Оглянись кругом и ты найдешь на каждом шагу истинное горе... Благодарить надо Господа ежечасно за наших здоровых хороших мальчуганов (кроме сына Евгения, в семье Шмидта воспитывался племянник его жены Сергей. - А.В.) и за тот кусок хлеба, который мы имеем, а не призывать смерть, как избавление... Умереть, Дина, всякому легче, чем жить, и не нервной системой и больным, разбитым организмом, - а здоровым телом и душой; только тогда мы относимся правильно к детям, и из них не выйдут психопаты”.

Письма Петра Петровича к жене того периода изобилуют сообщениями: “послал 1500, 250...”, вопросами: “получила ли 300?” и т.д. В письмах пульсирует надежда получить место на берегу. Ему улыбалась перспектива стать начальником морского училища в Риге. Стремится заключить контракт на сплав леса по Северной Двине, чтобы выпутаться из долгов. “Неужели настанет время, когда перестанут угнетать долги?”. И постоянно просит сына любить и не заставлять нервничать “бедную страдалицу мамочку”. Сожалеет, что в новой квартире, которую сняла Доминикия Гавриловна, нет балкона и ей будет мало воздуха, и т.д.

Сквозь эпистолярный поток нервной, испепеляющей душу заботы отца семейства иногда проскальзывают откровения: “Занял у Коли Кондрашова 1р.50 коп., чтобы отправить телеграмму”, “... Перехворал сильно... Спасибо моим помощникам, Винлярлярскому, они оказались такими душевными ребятами, что ходили за мной, как няньки... тяжело мне плавать, совсем здоровья мало для таких непрерывных плаваний... Господи, помоги мне достать денег в Риге, чтобы отдать долги. Какое это тяжкое бремя с этой унижительной беготней за деньгами”.

Но каждодневные бытовые заботы капитана “Дианы” мелочи в сравнении с бедой, которая случилась с пароходом в декабре 1903 года у берегов Дании. В газете “Одесские Новости” 20 нояб-

ря 1905 года опубликована статья за подписью “Моряк”, который плывал помощником П.П.Шмидта на “Диане”. Вот что он писал: “... Мы все, сослуживцы, глубоко уважали и любили этого человека, мы смотрели на него, как на учителя морского дела, Петр Петрович был просвещеннейшим капитаном. Он пользовался новейшими приемами в навигации и астрономии, и плавать под его командованием была незаменимая школа, тем более, что Петр Петрович всегда не жалел сил и времени, учил всех, как товарищ и друг. Один из его помощников, долго плававший с другими капитанами, сделав один рейс с Петром Петровичем, сказал: “Он открыл мне глаза на море”. Шмидт умел и любил передавать свои обширные познания морского дела.

Мы шли из Риги в Одессу поздно осенью. Петр Петрович вследствие тяжелых условий плавания не мог заснуть двое суток подряд, т.к. он был неутомим и не любил сваливать своих обязанностей на других. На третий день погода улучшилась, и Петр Петрович, попросив разбудить его, заснул. Не прошло и двух часов, как погода изменилась, нашел туман. Помощник, стоявший на вахте, по непростительной небрежности не сообщил об этом капитану и не разбудил его. “Диана” налетела на гряды камней у острова Мэн. Страшный удар о камни, треск всего корпуса парохода заставил выскочить на палубу весь экипаж. Темнота ночи, шторм, жесткие удары о камни, неизвестность - все это невольно вызвало панику. Команда шумела, начался беспорядок.

И вот раздался тихий, но какой-то особенно твердый и спокойный голос Петра Петровича. Этот голос призвал к спокойствию. Это была сила влияния необыкновенная. Не прошло и минуты, как все были спокойны, все почувствовали: у них есть капитан, которому они смело вручают свою жизнь. Эта спокойная отвага Петра Петровича не оставляла его все дни аварии, и он спас “Диану”.

На третий день пароход был в положении опасном. Петр Петрович приказал команде и помощникам садиться в шлюпки и выбрасываться на берег острова Мэн. Он сам спокойно распоря-

жался каждой шлюпкой, заботливо относясь не только к людям, но к каждому матросскому узелку вещей. Он передал нам спокойствие, и мы все благополучно выбрались на берег в бурунах. Когда мы все сели в шлюпки, то обратились к нему, чтобы и он садился. Он грустно посмотрел на нас и со своей доброй улыбкой сказал:

- Я остаюсь, я не покину “Дианы” до конца.

Мы все, едва удерживая слезы, уговаривали его, но он остался при своем решении. Тогда мы сами пожелали остаться, но он разрешил это только четверем из нас, находя, что эти люди могут понадобиться ему для сигнализации и сообщения со спасательными пароходами, если бы таковые пришли.

Как он был прекрасен в своей спокойной решимости - лучше погибнуть, чем изменить долгу!

Это основная черта характера этого нервного и впечатлительного человека. При всей его горячности когда дело касалось правды и справедливости - Петр Петрович делался необыкновенно спокоен когда дело шло к опасности. После аварии с “Дианой” мы были невольно озлоблены все на помощника, который был виновником несчастья. Петр Петрович не произнес ни слова упрека и потом в своих донесениях директору РОПиТ старался всеми способами снять вину с помощника и принять ее на себя.

- Я капитан, - говорил он, - значит, я один виноват.

Недаром было так сильно влияние этой безукоризненной личности на всех, кто соприкасался с ним.

Все мы, моряки, знавшие его, находимся в величайшей тревоге за его судьбу”.

Об аварии “Дианы” Шмидт пишет жене и сыну из Копенгагена в начале декабря 1903г. *“...Я сам пришел своей машиной в Копенгаген, это после того, что она была вся полна водой и 16 суток билась на камнях. Господь милостив, не допустил гибели... Трудно мне было бы жить на свете, если бы я знал, что мой пароход погиб. Понимаю тех капитанов, которые стреляются, и горячо благодарю Господа, что моя “Диана” стоит в порту и*

разгружается как будто бы здоровый пароход. В те страшные минуты, когда я спасал людей, я знал, что останусь на пароходе один без шлюпок, но я не покинул бы парохода никогда, а похоронил бы себя вместе с ним. 16 дней без сна, как умирающий слушает свое дыхание, так я слушал, как скрипела и тонула моя “Диана”, и я знал, что это не она, а я умру... Сыночка, мой мальчик, голубчик, когда я решился погибнуть вместе с “Дианой”, я знал, что оставляю тебе имя честного моряка, а лучшие этого отец не может ничего оставить своему сыну-другу”.

Письма вырываются из чуткой души Петра Петровича, как птицы из клетки. Он словно торопливо выдыхает их из себя, забывая о законах грамматики, синтаксиса. Это письма-исповеди. В них тяжкая доля моряка-труженика, без флера и романтики. И даже яркие впечатления от экзотических заморских стран не могут скрасить этой жизни между небом и океаном, которую точнее можно назвать мучительным ожиданием встречи с домом.

Но каким бы сильным ни было это щемящее душу желание встречи с сыном и женой, верность долгу, гражданскому и профессиональному, для Шмидта прежде всего. После пережитого во время аварии он очень волнуется, боится заболеть, ибо в случае болезни не сможет лично участвовать в подсчете нанесенного РОПиТ материального ущерба. В письме к сыну от 18.12.1903 г. Шмидт пишет: *“Надо, сыночка, смотреть на вещи по-мужски и не допускать в душе слабостей. Если пароход под моим командованием потерпел такую жестокую аварию, то мой долг не избегать всей работы для приведения дела в порядок. Я хочу, чтобы “Диана” после несчастья и починки была бы лучше и крепче, чем раньше, а для этого нужен мой хозяйский глаз. Если я не буду больше на ней плавать, то пусть она плавает еще долго и благополучно без меня вполне исправленная”.*

Трудно сказать, как бы сложилась жизнь П. Шмидта после аварии, если бы свои коррективы в жизнь России не внесла начавшаяся в январе 1904 года русско-японская война. Капитан РОПиТ Петр Шмидт был призван из запаса в военный флот. Он просился

на подводную лодку - “воевать - так новейшим оружием”. Командование назначило лейтенанта Шмидта старшим офицером на угольный транспорт “Иртыш” в составе эскадры адмирала Рожественского.

Командиром “Иртыша” был капитан второго ранга Ергомышев. По воспоминаниям служившего в ту пору на “Иртыше” Г.К.Графа, офицера дореволюционного русского флота, откровенного монархиста, после Октябрьской революции белоэмигранта, - Ергомышев в свое время подавал немалые надежды, но сгубил свою карьеру вином. В симпатиях к Шмидту Графа тоже трудно заподозрить. В его труде “Моряки. Очерки из жизни морских офицеров”, не опубликованном в России, говорится: “... Вначале хорошие отношения у Ергомышева со старшим офицером Шмидтом вскоре переменились к худшему, особенно потому, что Шмидт всегда держал себя независимо. Он хронически не ладил с начальством, от этого страдал по службе и считал себя борцом за угнетенных, обиженных и этим создавал себе неприятности”.

Петр Петрович и сам говорил, что предостережения признавал только в лощях. В житейских ситуациях они обостряли у него желание идти напрямик. И даже профессиональные знания, умение находить наиболее верные решения в сложнейших моментах корабельной жизни не спасали его от негативных последствий в отношениях с некоторыми начальниками. Довольно часто вышестоящие командиры не прощали лейтенанту Шмидту его независимости. В этой связи интерес представляет публикация в “Современнике” 1913 г. матроса, служившего в то время на “Иртыше”. Привожу ее с небольшими сокращениями.

...“Иртыш” снялся с якоря и пошел в Ревель, куда собралась на императорский смотр вся эскадра. Из канала в другой канал “Иртыш” выводили два буксирных катера. Нужно было сделать крутой поворот. Стали разворачиваться, но вследствие ветра, дувшего с моря, развернулись неудачно. Буксир вытянулся и заскрипел. Вдруг раздается оглушительный выстрел, как из пушки; буксир ломается, и транспорт полным ходом идет к берегу. Ката-

строфа была бы неминуемой, если бы ее не предупредил старший офицер. Не потеряв присутствия духа, лейтенант Шмидт перевел обе ручки телеграфа в машинное отделение, и обе машины заработали полный ход назад. Старший офицер командовал, как всегда, красиво, отдавая приказания спокойным, звучным голосом (далее следуют команды, которые при этом отдавал Шмидт. - **А.В.**).

... Не прошло и минуты, как лотовый закричал: “Назад пошел!”. Старший офицер быстро перевел телеграф на “стоп”, и катастрофа миновала.

Командир, все время стоявший на мостике, как изваяние, наконец сообразил, какой опасности подвергался транспорт. Вздвоненный, он подошел к старшему офицеру и молча пожал ему руку. В это время на мостике произошла бурная сцена. Буксирами командовал заведывающий гаванями. Он стоял на мостике, когда катастрофа миновала; после маневра старшего офицера он вновь вступил в командование катерами. Старший офицер подошел к нему и резко сказал: “Уходите! Я без вас лучше бы управился”. - “А кто бы вам дал катера?” - спросил его заведывающий. “Я и без ваших катеров под своими парами управился бы, уходите с мостика!”. - “Я отправлю рапорт адмиралу!..” - бросил заведывающий старшему офицеру... Потом наш старший офицер, лейтенант Шмидт, сидел в каюте под ружьем. Этому наказанию на 15 суток подвергся он по распоряжению адмирала Рождественского, вследствие рапорта заведывающего гаванями...”.

Это далеко не единственный факт, свидетельствующий о том, что лейтенант Шмидт никогда не изменял своим главным принципам, какими бы последствиями это ни угрожало.

... “Иртыш” стоял в Либаве в ожидании приказа Главного Морского Штаба принимать или не принимать 8000 тонн угля для эскадры Рождественского. Средств погрузки никаких. Только матросские спины. Срочная телеграмма свыше: принять уголь и через три дня выйти в Порт-Саид. Шмидт доложил своему командиру, что для погрузки такого количества угля нужно не менее недели с ночными работами. Командир приказал “исполнять, а

не рассуждать”. Грузили день и ночь в непогоду. Матросы надры-
вались, выбились из сил. И все равно не успели. Тогда Ергомы-
шев распорядился наполнить морской водой балластные цистер-
ны транспорта, чтобы “Иртыш” имел вид принявшего уголь.

Везти вместо угля через океан морскую воду воюющему фло-
ту?. “Приказывайте кому-нибудь другому, а я в таком преступле-
нии участвовать не хочу”, - заявил старший офицер лейтенант
Шмидт. И снова - конфликт.

“Шмидт никогда не заискивал у команды и относился к ней
так же, как и другие офицеры, но всегда старался быть справед-
ливым”, - пишет в своих воспоминаниях Г.К.Граф. А служивший
с будущим “красным адмиралом” на грузовом пароходе “Игорь”
подшкипер В.Карнаухов-Краухов запомнил, как Шмидт покупал
для матросов учебники за счет судна, обязывал штурманов зани-
маться с малограмотными матросами, рассказывал им о странах,
в которые следовал пароход.

Служба на “Иртыше” была тяжелой. *“Эскадра точно похорон-
ная процессия, вся черная и мрачная. Настроение на всех судах
ужасное. На берег Рождественский никого не пускает. Сам, как
зверь. У одного лейтенанта заболела жена, он не пустил в Крон-
штадт на один день. Жена умерла, остались дети без никого из
близких, и он, подлец, не пустил этого несчастного съехать на
один день устроить детей... Это настоящее зверство, ничем
не оправданное. Все офицеры со всех судов просили дать им
помимо выданных авансов еще за 2 месяца морское довольст-
вие, чтобы оставить дома деньги. И штаб запретил. Подумай,
Дина, что это за подлое отношение к людям, которые идут на
верную почти смерть. При всем этом учений почти никаких,
даже самых необходимых, неподготовленность полная, про-
сто плавающая тюрьма. Пьют, как никогда, пьют горькую. Нет,
таких людей, доведенных до отчаяния, в бой вести нельзя, без
дружных и доброжелательных отношений никого не победишь.
Люди, озлобленные на своего вождя, за ним в бой никогда не пой-
дут и будут беречь только свою шкуру”.* О себе коротко: “...

Кидаем уголь беспрерывно круглые сутки. Я не раздеваюсь, весь пропитался углем”, - писал Петр Петрович жене из Ревеля в апреле 1904 г.

А Доминикия Гавриловна шлет мужу свои жалобы на сына. “Холодная война” между ними перерастает в стойкую, изнурительную неприязнь. Педагогические советы мужа раздражительная супруга не воспринимает. Петр Петрович взывает к сыну: “Сыночка, не убивай меня, раскрой свое сердце для любви к маме... Ваши отношения ужасны. И все это в такое время, когда всякое волнение отзывается на ее здоровье...”.

И вдруг неожиданное - Доминикия Гавриловна поведала, что ждет ребенка. Сообщение очень удивило Петра Петровича. Но он рад безмерно! Ведь это великое чудо - рождение человека! И он уже мечтает... Если родится мальчик, назвать его Николенькой (“Хватит Петров!”). А если девочка, непременно Екатериной... Катенькой. Только бы Диночка берегла себя! Только бы все у нее было хорошо! Наконец родилась доченька! 14.12.1904 г. Петр Петрович пишет жене: *“Господи, как я рад, что именно девочка... Я почти перестал спать, а если и засыпаю, то мне все во сне кажется, что Катуся моя крохотная около меня спит... Ведь это чудо, Дина, что наша девочка милая именно в день Николая Чудотворца родилась... Господи, ты знал, что делал, посылая нам дочурку... Нам нужен был ангел Божий, маленький и нежный... потому что мы заблудились и устали. И не туда шли, и не так жили. И ты научил нас, и пожалел...”*.

И... как выстрел в сердце - сообщение жены в январе 1905г.: “Катуся умерла...”.

В злокозненных ухищрениях супруги Петр Петрович убедится позже. А пока он убит горем. Сестра Шмидта, Анна Петровна Избаш, в своих воспоминаниях по этому печальному поводу заметит: “Симуляция ожидания ребенка... в отсутствие брата - что-то преступное, темное, измышленное для каких-то личных выгод этим лживым и враждебным брату существом...”.

ПЕРЕД БУРЕЙ

Эскадра Рождественского: 7 броненосцев, 5 крейсеров первого ранга, 3 крейсера второго ранга, 8 миноносцев, 3 военных и 7 транспортов Добровольного флота, 2 - Восточно-Азиатского пароходства, 3 - РОПиТ (“Меркурий”, “Юпитер”, “Метеор”) - отправлялась на театр военных действий. День и ночь занятый организацией погрузочно-разгрузочных работ по снабжению кораблей эскадры углем, старший офицер “Иртыша” со щемлящим чувством отметил, что “Дианы” среди транспортов РОПиТ нет. Значит, еще ремонтируется, а может быть, ждет ремонта его многострадальная “Диана”. Ее спаситель по поводу войны России с Японией откровенничает в письме к сестре: “Зарвались мы с нашей манией расширять территории и горько расплачиваемся теперь”.

Русско-японская война выстрелила и непосредственно в род Шмидтов. 31 марта 1904 года на mine подорвался броненосец “Петропавловск”, на борту которого находились командующий Тихоокеанской эскадрой адмирал С.О. Макаров, художник-баталист В.В.Верецагин и два брата лейтенанта Шмидта (по второму браку его отца с Ольгой Николаевной Бутеноп) - флаг-адъютант С.О.Макарова Владимир Шмидт и его брат Лев. Лев погиб.

Ему было 20 лет. Владимир тяжело ранен. По поводу гибели Льва Петр Петрович писал жене и сыну 12 апреля 1904 г.: “Несчастный мальчик. Он, наверное, из дружбы к Володе пошел с ним в бой на “Петропавловске”. Упокой, Господи, душу его”. В севастопольской квартире в кабинете Шмидта будут висеть портреты Учителя - С.О.Макарова и погибшего брата Льва.

Чтобы хоть как-то помочь воюющим русским войскам, Петр Петрович разработал план доставки им продовольствия и медикаментов. “... Я предлагаю лично доставить в Порт-Артур пароходы с мясными консервами и всем необходимым, предлагаю прорваться в этот порт на коммерческих, не вооруженных артиллерией пароходах... в худшем случае эта экспедиция окончится потерей одного, впереди идущего парохода, командование которым беру на себя. Остальные же дойдут благополучно... Помогите же, русские люди, выполнению мною задуманной экспедиции!”. Потом, во время ареста на броненосце “Три святителя”, о причинах поражения в войне и бедственного положения народа России мятежный лейтенант напишет: “Все, что умело лгать, воровать и не думать, все это нагло лезло наверх и командовало не только кораблями, но всем русским народом... Кто не был раб, тот был преступник”.

Эти же суждения встречаются в фельетонах “Морские разговоры”, которые печатались в газете “Сын Отечества” под псевдонимом Олд Кэптен (Старый капитан). Никто и не подозревал, что их автор старший офицер транспорта “Иртыш”. “Шмидт был хорошим моряком, любил море и морскую службу. Но не на военном флоте. Ему всегда хотелось являться господином своих действий, что на военной службе в полной мере никогда невозможно... Он был склонен работать порывами, а не систематически. Шмидт был незаменимым членом кают-компании: веселым собеседником, хорошим товарищем и приятным компаньоном при съездах на берегах, и мы, молодежь, за это его очень любили. Но и его общительность и веселость отличались порывистостью,

и часто на него находили периоды хандры и апатии, тогда разговорчивость пропадала, и он ходил мрачный и нелюдимый...

Что мы особенно в нем ценили, это игру на виолончели. Когда он по вечерам имел настроение, то садился у дверей своей каюты и начинал играть... Нежные задушевные звуки лились так красиво, сливаясь с шепотом морских волн, и исчезали где-то вдали, в темноте сгустившихся сумерек... Мы как очарованные сидели кругом и слушали. Много приятных вечеров он доставил нам, и мы обязаны его музыке приятными переживаниями на "Иртыше". В игре Шмидта выливалась вся его душа - мятежная, неудовлетворенная, уносящаяся за химерами, и всегда несчастная, но гордая. Он, несомненно, был поэтической натурой и сам себя не понимал. И, во всяком случае, меньше всего походил на революционера-фанатика. Ни холодного расчета, ни честолюбия и цинизма в нем не было. Увлекаясь сделать России что-то хорошее, он попал на ложный путь и заблудился", - вспоминал Г.К. Граф.

В феврале Шмидта списывают с "Иртыша" по болезни. Сообщение это нашло его в море. "Шмидт и тогда был болен. Припадки случались раза два-три в месяц. Лицо чернело, делались конвульсии, он задыхался. По словам очевидцев, с кем он плавал, одной из причин, по которым Шмидт покинул в Порт-Саиде свое судно, были обостренные отношения с командиром на почве заступничества за офицеров и команду". Шмидт переведен на Черноморский флот и зачислен в 28-й флотский экипаж.

В 1904-м и с самого начала 1905 года Россию сотрясают грозные события. В конце 1904 г. японцы захватили первоклассную крепость и базу русского флота на Тихом океане - Порт-Артур. 9 января в Петербурге расстреляна мирная демонстрация. Как искра по бикфордову шнуру, прокатилась по стране волна протеста. Заполыхал мятежный лозунг над потоком бастующих: "Долой самодержавие!". "Число стачечников в январе достигло огромной цифры. За один месяц бастовало рабочих больше, чем за все предыдущее десятилетие". В мае 1905 г. японцы разгромили рус-

ский флот в Цусимском сражении. У России тысячи погибших и позорная сдача немногих уцелевших русских кораблей японцам. Война проиграна. В народе, в войсках, на флотах опасное брожение. По указанию правительства при военном министерстве создается особая комиссия, а в военных округах и на флотах - "особые совещания" с целью пресечения антиправительственных настроений и пропаганды.

В "особом совещании" при Командующем Черноморским флотом кроме самого Главного Командира состоят: комендант Севастопольской крепости, начальник 13-й пехотной дивизии, командир севастопольской крепостной артиллерии, начальник учебного отряда ЧФ, младший флагман Черноморской флотской дивизии, военно-морской прокурор, начальник Таврического губернского жандармского управления, начальник севастопольской жандармской крепостной команды, представители отдельных кораблей и частей и др. Докладывая на одном из "особых совещаний" о настроениях в частях и на кораблях Черноморского флота, военно-морской прокурор подчеркнул, что особенно оживилась революционная пропаганда во флотских экипажах и на кораблях, в частности, на корабле "Екатерина Вторая", среди артиллеристов и саперов Северной стороны, Белостокского и Брестского полков, а также на достраиваемом крейсере "Очаков".

Строительство бронированного трехтрубного крейсера, строившегося по немецкому проекту в Лазаревском Адмиралтействе, завершалось. Правительство и военно-морское ведомство рассчитывали, что "Очаков" будет украшением торжеств в честь 50-летия победного Синопского сражения русского флота, которые планировались на осень 1904 г. Торжества предполагались как всероссийские. Намечались открытия памятников в честь героической Севастопольской обороны, Крымской войны. Но русско-японская война перепутала все планы. Приоритет в обеспечении достроечных работ отдавался кораблям, предназначенным для усиления Тихоокеанской эскадры.

Черноморский флот напоминал огромный кипящий котел, готовый выплеснуться наружу, ошпарить и смыть в небытие ненавистную власть. Подливали масла в огонь недовольства листовки севастопольского комитета российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП). Наступательный накал их подогревал настроение матросов и солдат: “Общими усилиями мы добьемся лучшей жизни и свободы! Итак, за ружья, товарищи! Обратите их против ваших угнетателей! Стреляйте в ваших кровопийц командиров!”. “Учредительным собранием, созванным на основе прямого, равного, тайного и всеобщего голосования, мы установим власть народа. Долой войну! Долой самодержавие с царем во главе!”. Ситуация на ЧФ выходила из-под контроля. Осложнялась действительно бедственным положением, в котором находились солдаты и матросы. В разные концы матушки России улетали солдатские и матросские письма, которые впору назвать скорбными. Вот строки из некоторых таких посланий.

“... По приезде нашем из Севастополя в Николаев командир обратился к нам с речью, в которой говорил, что так как мы ни с кем не знакомы, то он и не советует ни с кем знакомиться, иначе будет строго взыскивать. В особенности же советовал он не иметь никаких связей “с жидами и студентами... Они введут вас в беду и вы будете пропащими людьми”. Казарма представляет собою тюрьму. Белье помыть не всегда захватишь места, т.к. команды у нас до 1000 человек, а удобства для мойки всего на 8 человек. Воды тоже всегда недостаток не только для стирки, но часто даже и пить нечего. Посуда - гнилые кадушки и сильно воняют гнилью... И живешь так, не как военный, призванный на службу, а как какой-то арестант... Градоначальник издал приказ, что т.к. команда ходит возле его дома и никакого внимания не обращает на дом, то всякий, кто идет в одиночку, должен отдавать честь его дому, а если фронтом, то, кто есть из старших, должен отдавать команду: “Смирно!” ... Чай и сахар мы должны покупать на свои деньги. А на завтрак варят кашу из пшенной крупы и очень жидкую, почти одна вода, сала никогда не быва-

ет, лишь звездочки сальные плавают. Это не завтрак, а просто помои. Хлеб всегда черствый, напеченный на целую неделю и очень кислый... Пообедаешь одного борща, тех же помоев, как и на завтрак, перемен никогда не бывает...”

“... Наступает день в 5 утра. Горнист играет команду вставать. Завтрак - каша из прелой крупы пополам с песком, от нее страшно пахнет котлом. От такой каши бывает сильная изжога. Хлеб трещит на зубах, от кислоты глаза слипаются. Мы очень рады бываем, когда есть кипяток, но когда пьешь чай, то на треть стакана остается песку. В 6 утра боцман разводит всех по работам. Команда одна: “Скорее, скорее... “. В 11 приходим обедать. Борщ, в котором в постные дни плавают червивые бычки, немного червивых грибов и бураки, капусты самый малый процент. В скоромные дни вместо мяса - гнилая печенка, мослы и жилы - настоящего мяса совсем не бывает. Но и плохого берут не сполна. Когда заболеешь и приходится идти до врача, то врач начинает глумиться над тобой: “лодырь, отлыниваешь от работы, уклоняешься от службы...”

“... Если попадается унтер-офицер с душой, хороший до команды и со знанием дела, то этот человек не нравится начальству, его за малейшую оплошность стараются разжаловать... так что если кто и был хорошим человеком, то он обязательно должен плохим быть для команды, предателем и каждую пустяковину должен доносить начальству. А начальство наказывает в карцер или под винтовку, т.е. насыплют мешок земли пуда полтора, надевай на шею и стой, не шевелись, да еще винтовку держи на плече... Начальство говорит, на то и служба, что надо служить верой и правдой, что мы за то получим царствие небесное... Служба сделала меня не человеком, а каким-то зверем. Когда я пришел на службу, был тихий и смирный человек, а теперь стал просто расстроенный жизнью, потому что не могу сам разьяснить свою жизнь”.

Жизнь матросов П.П.Шмидт знал не понаслышке. В его сострадательной до болезненности чуткой душе едва ли не каждая

судьба, вся горемычная жизнь простых людей отзывались острой болью.

СЕВАСТОПОЛЬ. СОЮЗ-ОФИЦЕРОВ-- -ДРУЗЕЙ-НАРОДА

Период жизни в Севастополе Петр Петрович и его 16-летний сын будут до конца дней считать лучшим. Хотя он был далеко не безоблачным. Отношения с сыном-подростком у Доминикии Гавриловны изначально хронически не ладились. Как ни старался отец семьи направить их в нормальное русло взаимопонимания или хотя бы уважения (“... Сыночка, открой свою душу маме...”), по мере взросления Жени они ухудшались все больше и больше. Эпистолярная связь с мужем со стороны Доминикии Гавриловны зижделась на “трех китах” постоянных жалоб: на “несносный характер” сына, свои бесконечные хвори и недостаток денег. Петр Петрович как только мог старался нормализовать отношения между матерью и сыном, обеспечить всевозрастающие финансовые запросы жены. Занимал, перезанимал деньги, экономил на насущном.

Письма Шмидта 1903, 1904, начала 1905 годов изобилуют сообщениями о денежных переводах семье. Он посылал их едва ли не из всех портов, куда заходили пароходы и корабли, на которых ему доводилось плавать. Среди бесконечных нежных,

деликатных, успокоительных строк встречаются и горькие откровения: *“У меня за душой 40 коп.”*, *“Я уже 30 дней не съезжал на берег. Тоска на душе. Хожу по мостику, как зверь в клетке. Нелегко дается копейка, да еще такая ограниченная. Долг мой у командира не уменьшился и давит меня. Вышлю 20-го все, что дадут...”*.

Денежный “вопрос” мучает его. Но еще больше страдает Петр Петрович от безотрадного отношения к нему супруги.

“... Я много, целыми днями неотступно думаю и мучаюсь всеми нашими неладами, кажется, так бы и перелил в тебя, голубка моя, свое крепкое желание веры друг в друга и дружбы. И чувствую, что стоит между нами стена, непреодолимая и холодная, и что не рушить мне ее, потому что это не в моих силах. Ты мне илешь упрёки, что я не хочу тебе высылать денег. Дина, веришь ли ты сама в этот ужас, который ты говоришь? Если веришь, то горе нам обоим навсегда. Я достану непременно еще 100 руб., не беспокойся. Но на судне взять не у кого, а в городе ростовщики не дают... Я только и был жив до сих пор, что имел табак... Я высылал тебе решительно все, что мог...”. “... Стыдно сказать - у меня не было денег уплатить гербовые марки... Мы все без гроша и не знаем, получим ли хоть что-нибудь...”. (Из письма Шмидта жене от 29 ноября 1904 г.).

Когда лейтенант Шмидт приехал в Севастополь, Доминикия Гавриловна уехала в Петербург. Навсегда. Отец и сын оставили большую квартиру на Екатерининской, откуда Доминикия Гавриловна вывезла все более или менее ценное, и сняли маленький флигель на ул. Соборной, 14. Здесь Шмидт со свойственной ему любовью к уюту, цивилизованному обустройству быта создал теплую, приятную домашнюю обитель. Провел электричество, водопровод, канализацию. Флигель на Соборной был расположен на одной из севастопольских возвышенностей, откуда вся бухта была видна, как на ладони. И, вместе с тем, неподалеку от центра города. Отец и сын любили свой домашний уголок. Нравился он и их друзьям. Сюда охотно приходили товарищи Евгения по

реальному училищу. Здесь, в своем маленьком кабинете любил работать, предаваться мыслям и Шмидт. 17 лет супружеской жизни, в которой у Петра Петровича были в основном обязанности и почти никаких прав, были позади.

Весну и начало лета 1905 года Евгений Шмидт вспоминает с теплым чувством. Это были самые счастливые лучезарные каникулы в его жизни! Отец был дома. Они любящие и преданные друзья. Когда Шмидт-старший был свободен от службы, они вместе гуляли на Приморском бульваре, купались, слушали оркестр, который играл на летней эстраде... А вечером читали вместе Достоевского, Тургенева... Принимали друзей. Бывало, и спорили. Петр Петрович потом напишет о своих взаимоотношениях с сыном: *“... он мой друг, сын, брат, и мне кажется, что я заменяю ему даже мать. Я горжусь нашими отношениями. Он - моя бесспорная цель и смысл жизни”*. Евгений Петрович Шмидт в свою очередь заметит: *“Отец заменял мне не только мать, но и весь мир. С его смертью жизнь для меня потеряла всякую ценность...”*.

Однако интересы лейтенанта Шмидта простирались за пределы дома. Кругом его забот, надежд, радостей и горестей была вся Россия, ее труженик-народ. Неугомонного лейтенанта до глубины души возмущало политическое и человеческое равнодушие, безучастность коллег-офицеров к жизни матросов. Шмидт активно участвует в общественной жизни Севастополя. Он член городского родительского комитета. Есть сведения, что Петру Петровичу принадлежит идея создания кассы взаимопомощи для моряков. Он живо интересуется политическими программами социал-демократов (РСДРП), социал-революционеров (эсеров) и др. К какой партии принадлежит или тяготеет сам лейтенант Шмидт?

В Морском Собрании Севастополя он высказывался на предмет жизни народа и устоев России столь смело, что офицеры остерегались не только слушать коллегу - лейтенанта Шмидта, а даже находиться рядом с ним. А он не уставал говорить, что “...

долг присяги обязывает довести до Государя, что они - флот, дети народа, - не могут, не хотят идти по велению преступных царских советчиков против своего народа, их вскормившего". Публичные заявления такого рода беспокойного лейтенанта произносились им нередко запальчиво, некоторых раздражали.

И все же как определить партийную принадлежность мятежного лейтенанта Шмидта? "Я социалист вне партии", - охарактеризовал свое политическое кредо сам Шмидт. В одном из писем к сестре весной 1905 года он пишет: *"По политическим убеждениям каждый социалист - республиканец; я хотя и склонен сам больше к республике - но нахожу пока возможным осуществление социалистических форм при демократической конституции и выборном начале, проведенных по всем ступеням власти"*. Созыв Учредительного Собрания на основе всеобщего, прямого, равного, тайного избирательного права мятежный лейтенант считал целью своей жизни.

О партийных, политических взглядах П.П.Шмидта его сын Евгений пишет: "Отца принято считать монархистом. Он им и был, но только применительно к времени и месту, но никак не по принципу... Во всяком случае, царь для него являлся национальным символом, исторической традицией, наиболее удобной и привычной формой, но никак не властью "Божьей милостью"... Отец принадлежал к той категории прекрасодушных русских идеалистов, социалистические убеждения которых исходили, скорее, из сердца, из глубоко осознанной мировой несправедливости, чем представляли продукт теории... Но одно могу сказать с полной уверенностью: к марксистам отец питал худо скрываемую антипатию. Их интернационализм, их безличное (в лучшем случае) отношение к идее национальной государственности, теория борьбы классов, низведение к нулю человеческой личности, как в истории, так и в жизни - все отталкивало отца от марксистов, все внушало ему убеждение в беспочвенности, неприемлемости и вредности их идей для русского народа".

Словно предчувствуя эти дебаты о его партийной принадлежности, вообще о своей личности, Петр Петрович будто предупреждает: *“Сильно прошу вас, не наклеивайте на меня билетика с точной ценой. Верьте, не гожусь я ни для определения, ни для оценки”*.

Шмидт мечтал создать Великую Всероссийскую партию социалистов-рабочих и, по всей вероятности, хотел стать ее вождем. Бесспорно одно - лейтенант П.П.Шмидт был бескорыстным, бескомпромиссным, искренним патриотом России. Ее беды и поражения воспринимал, как личные. В его трудной жизни было немало тяжелых ситуаций и дней. 15 мая 1905 года Евгений Шмидт считает одним из страшных роковых в жизни своего отца. В этот день в Севастополе была получена телеграмма о разгроме русского флота в Цусимском сражении. Петр Петрович пережил поражение России в войне с Японией как страшную беду русского народа, свою личную трагедию, после которой, как писал его сын, так и не смог прийти в себя.

Вот как запомнилось 15 мая 1905 года Евгению Петровичу Шмидту-Очаковскому. “За час до обеда с треском распахнулась дверь и в столовую ворвался отец. Я взглянул на него и обомлел. Он был в пароксизме такого невероятного сумасшедшего бешенства, в каком я ни разу не наблюдал его (а я видел виды!). Лицо его почернело и дергалось судорожными гримасами, глаза потеряли человеческое выражение и стали стеклянными и незрячими, чуждыми и страшными. В горле у него кипело и клокотало. Видимо, отец боролся со спазмами, душившими его, не мог их осилить и задыхался. Я в ужасе бросился к нему. Отец на меня и не взглянул, да вряд ли он и видел тогда перед собой. Рванув обеими руками воротник белоснежного кителя так, что отлетели крючки, отец в иступлении забегал из угла в угол, отбрасывая ногой попадавшие ему по дороге стулья. Наконец душивший его страшный гнев получил выход, и стекла нашей квартиры зазвенели от его неистового крика.

- Альфонсы! - гремел отец. - Альфонсы на содержании у государства! На голову народа обрушился позор кошмарный, неслыханный, невероятный, а эти мерзавцы, эти предатели, эти сутенеры в белых перчатках и лакированных башмаках сидят с бл-ми в ресторанах и гнусают: “Ну что ж, пошлем новую эскадру”. То есть, пусть новые жертвы, новая кровь, новый позор, а нам дела нет, мы, по-прежнему, будем кутить с проститутками и состоять на содержании у народа! Мы - белая кость! Откуда эти люди? Кто они? Идиоты или преступники? Русские или мексиканцы? Что они думают? Чем живут, какие чувства владеют их жалкой душой?”.

Неделю Петр Петрович был вне себя, близок к полному отчаянию. Он почти не спал. А когда несколько оправился от пережитого, поведал сыну свой план создания Союза офицеров - друзей народа. “Верю... хочу верить, что найдутся во флоте смелые, честные люди, готовые рискнуть всем - карьерой, самой жизнью ради Отечества... Сорганизовавшись, мы сумеем привлечь на свою сторону слабых и нерешительных. Мы убедим их, что преступно думать о теплых местечках в тот страшный час, когда родина гибнет, когда решаются судьбы многих поколений! Нет, не может русское офицерство быть поголовно врагом вскормившего его народа!”, - излагал свои мысли Шмидт сыну.

В Союз вошли, кроме автора идеи, давний друг Шмидта, сослуживец по Сибирской флотилии капитан инженер-механик военного транспорта “Дунай” Виктор Генрихович Володзько-Костич, инженер-механик поручик 29-го флотского экипажа Максимилиан Гармсен и флотский артиллерист Вердеревский. Евгений воспринял затею отца скептически. Заметил ему, что даже его преданный друг Володзько идет в Союз не за идеей, а за Шмидтом... Что этот Союз четырех против отлаженной многотысячной флотской бюрократической машины жалкая пушинка... Но лейтенант Шмидт верил: “Нашего полку прибудет...”.

Написал воззвание к офицерам Черноморского флота. Вот некоторые строки из этого обращения к господам-офицерам:

“Вы не можете не знать, что правительство, навязавшее стране неслыханно-позорную войну, продолжает душить свой народ, стремящийся сбросить цепи тысячелетнего рабства... Как часть российских вооруженных сил, вы не можете не знать, что многое от вас зависит в завязавшейся кровавой борьбе. Как русские люди, вы не можете желать зла своему народу, желать видеть его несчастным и поработленным. Составляйте петиции на Высочайшее имя! Просите, умоляйте, требуйте у Государя Императора дарования действительно конституционных гарантий, давно составляющих неотъемлемую собственность всех культурных народов... Организуйтесь и присоединяйтесь к нам.

Союз офицеров - друзей народа”.

Сие воззвание было адресовано: Главному Командиру Черноморского флота и портов Черного моря, начальнику минной дивизии, в штаб линейных кораблей Черноморского флота, в кают-компанию броненосца “Ростислав”, крейсера “Очаков”, нескольких минных крейсеров, транспорта “Дунай” и др. И надо же такому случиться! Когда последний конверт с “возванием” скрылся в почтовом ящике, когда с плеч его неугомонного автора “свалилась гора” и отец и сын отправились на Приморский бульвар, перед ними, как из-под земли, возникла грозная фигура Главного Командира Черноморского флота. Вице-адмирал Чухнин прибыл в Севастополь с Тихоокеанского флота в мае 1904 года. Антипатичного ему лейтенанта Шмидта Григорий Павлович узнал сразу. Стал грубо отчитывать его за то, что тот одет не по форме, “щеголяет в плаще”. Увидел, что воротник застегнут на один крючок. Бросив еще несколько оскорбительных нареканий в адрес своевольного офицера, воскликнул гневно:

- О чем вы думаете, хотел бы я знать?

- О России, ваше превосходительство, - ответил, едва сдерживая себя, лейтенант Шмидт.

Неподалеку на скамейке сидела в ожидании мужа Мария Павловна Володзько. Адмиралу, видимо, доставляло особое удо-

вольствие “песочить” строптивца в присутствии молодой очаровательной дамы.

30 мая 1905 г. штаб старшего флагмана Черноморской флотской дивизии направил начальнику губернского жандармского управления в Севастопольском градоначальстве и Евпаторийском уезде три экземпляра отпечатанного на гектографе воззвания за подписью Союза офицеров - друзей народа. Жандармы очень старались, но обнаружить авторов послания им не удавалось. Как вспоминал потом Евгений Петрович Шмидт-Очаковский, отношение к листовкам Союза офицеров преобладало безразличное, иногда - ироничное, редко - враждебное.

Пока ни о чем не подозревавший Главный Командир Черноморского флота предписал назначить лейтенанта П.П.Шмидта командиром миноносца 253, которому вменялось патрулирование по Дунаю с портом приписки в г. Измаиле.

БУНТ НА “ПОТЕМКИНЕ”

13 июня Шмидт вместе с сыном смотрели с Приморского бульвара, как уходил в учебное плавание эскадренный броненосец “Князь Потемкин-Таврический”. А на следующий день Женья провожал отца в двухмесячную командировку в Измаил. Что произошло в тот день прощания с Севастополем на броненосце “Потемкин”, Шмидт узнает позже. Так же, как и о готовившемся плане комитета представителей революционных партийных групп, который матросы окрестили “Матросской централкой”. “Централка” планировала вооруженное восстание Черноморской эскадры на лето-осень 1905 г. Сигнал к восстанию должен был дать броненосец “Императрица Екатерина-II”, но восстание вспыхнуло стихийно на броненосце “Князь Потемкин-Таврический”. После спуска броненосца на воду в г. Николаеве из-за глубокой осадки и мелководья Южного Буга броню, орудия на броненосец ставили в Севастополе.

На борту бронированного гиганта было 750 человек команды, 27 офицеров и 30 рабочих-судостроителей и инженеров-артиллеристов. Броненосец уходил на учения первым и должен был подготовиться к общим учениям эскадры до ее прихода. Для обслуживания “Потемкину” был придан миноносец 267. Вместе они

и взяли курс на остров Тендра. Как вспоминал потом участник восстания на броненосце “Князь Потемкин-Таврический” И.И. Атамасов, команда, выходя в море, не намеревалась начинать восстание до прибытия всей эскадры к Тендре. Но нередко планы рушатся от непредвиденного и, на первый взгляд, незначительного обстоятельства. В скоплении горючего материала достаточно маленькой искорки для того, чтобы заполыхал огромный пожар. Так произошло и на “Потемкине”.

13 июня на броненосец было доставлено из Одессы тухлое мясо. Провизию для матросов покупали ту, что подешевле. Командир броненосца капитан второго ранга Голиков явился к возмущенным этим фактом матросам в сопровождении судового врача Смирнова. Тот, понюхав мясо, заключил: “Ничего особенного. Червячки появились потому, что жарко, лето... Смыть их горячей водой и годится в пищу”. Борщ “с мясом” команда есть не стала, как ни гневался по поводу такой гастрономической разборчивости матросов и старший офицер Гиляровский. Он приказал кондукторам и офицерам накрыть бунтовщиков брезентом, чтобы было легче расправиться с командой. Когда из-под брезента послышалось: “Братцы, не стреляйте!”, раздался другой клич: “К оружию, братья!”. Гиляровский дважды выстрелил в вожака матросов, любимца команды Григория Вакуленчука, смертельно ранив его. Как утверждают участники восстания - матросы, выстрелы не были случайными. Старший офицер нацелился обезглавить бунтовщиков. Но...”русский бунт, бессмысленный и беспощадный”, уже крушил на корабле все, что ему было ненавистно.

Большинство офицеров бросались за борт, пытаясь спастись бегством. Офицеров, не примкнувших к восставшим, бунтовщики расстреливали из винтовок. Еще несколько минут назад властный, грозивший всех, кто не подчинился ему, перевешать Голиков теперь, как вспоминали участники восстания, “ползал на коленях перед матросами, умолял о пощаде и клялся, что никогда больше не посмеет обидеть матроса”. Но доказывать этого ему не пришлось. Голикова, Гиляровского, Смирнова в числе других

25-и офицеров матросы “Потемкина” расстреляли и выбросили за борт. Голиков и Гиляровский были однокашниками лейтенанта Шмидта по Петербургскому Морскому училищу. Позже, возвратившись из Измаила, основатель романтического Союза офицеров - друзей народа заметит в разговоре с сыном, что “... инициатива бунта на “Потемкине” принадлежит не матросам. Это очень и очень радует. Но... если какая бы то ни была инициатива не может и не должна исходить от матросов, то может и должна принадлежать офицерам... или офицеру”, - поправился он, грустно улыбнувшись”.

По поводу восстания на “Потемкине” в Севастополе было множество разных суждений, слухов, кривотолков. В числе их и молва о том, что к организации восстания на броненосце якобы причастен лейтенант Шмидт. Но это были слухи. Пока мятежный “Потемкин” в поисках поддержки других судов эскадры, а потом провизии, пресной воды и топлива 11 дней под красным флагом бороздил воды родного Черного моря и, в конце концов, 25 июня 1905 г. второй раз появился у берегов Румынии, заявив о своем согласии сдаться румынским властям, опальный командир миноносца 253 изнывал в знойном Измаиле. Писал в “Сын Отечества” статьи о неотложной необходимости реформ на флоте под тем же псевдонимом “Старый капитан”. В измайльский период вынужденного бездействия в жизни лейтенанта Шмидта произошли два значительных события. Первое из ряда нежелательных. Второе можно отнести к счастливым...

Он получил письмо от единственной и любимой сестры. Анна Петровна сообщила брату о семейных неурядицах. Петр Петрович, со свойственной ему порывистостью, решил немедленно ехать к сестре в Керчь, чтобы уладить супружескую размолвку. Решение это пришло в канун выходных дней, вечером, банки были закрыты. Судовую кассу сдать было некому. 2500 руб. казенных денег пришлось взять с собой. Когда, выполнив свою “миротворческую” миссию, Шмидт возвращался в Измаил и

после всех треволнений крепко уснул в купе вагона, деньги у него украли.

По поводу этой беды Шмидт пишет своей знакомой - Зинаиде Ивановне Ризберг: *“Я предан суду за потерю казенных денег, двух тысяч, о чем я, конечно, донес. Мне дали только две недели льготы пополнить эти деньги, и я, конечно, достать деньги в такой срок не мог, а потому и отдан в руки правосудия. Вся моя прошлая жизнь - лучшая моя заступница, т.к. мне вверялись миллионные пароходы и грузы, и мошенником я никогда не был. Нравственные мучения мои велики, все сочувствуют, но никто денег не дает, хотя знают, что, уйдя на коммерческий флот, я зарабатываю до 5-6 тыс. руб. в год и, стало быть, отдать могу. Теперь я получаю 80 руб. в месяц, а потому и кредита нет, да и город мне чужой”*. На совет Зинаиды Ивановны попросить деньги в долг у К.Р. (Екатерина Васильевна Ростковская. - **А.В.**), близкой подруги сестры Шмидта, давней знакомой всей их семьи, - Петр Петрович отвечает: *“... Принять от нее (К.Р.) денежную помощь я не могу, лучше погибнуть. Если бы она относилась ко мне так, как раньше, и так, как отношусь к ней я, чисто по-дружески, братски, то тогда и сомнений не могло быть никаких; я бы смело взял у нее деньги, но теперь в ее отношениях ко мне примешалось что-то новое, и эксплуатировать это чувство, да еще в женщине, это что-то такое уродливое и унижительное, что я предпочитаю какой угодно позор и ужас, но от нее скрываю, хотя знаю, что она будет этим подавлена”*.

В эти же дни в местной севастопольской газете появилось объявление и адрес человека, который продает виолончель. Как написала потом в своих воспоминаниях Евгения Николаевна Рахт (они с мужем дружили с П.П.), это был адрес Шмидта. “О потере казенных денег он не сказал даже своему лучшему другу, В.Г.Володзько, который располагал средствами и мог выручить Шмидта из беды”. После немалых мытарств деньги П.П. Шмидт все-таки нашел, получил кредит в Международном банке и Обществе взаимного кредита. Украденные деньги в судовую кассу

миноносца 253 возвратил. Судебное дело против него было прекращено.

Второе событие. Тогда же, возвращаясь из Керчи, Шмидту предстояла пересадка в Киеве, откуда он должен был ехать дальше в Измаил. Поезд его уходил из Киева в 11 часов ночи. Перерыв между поездами был большой. Петр Петрович, прочтя афишу о бегах на ипподроме, решил скоротать время, поехал на ипподром. Там обратил внимание на небольшую компанию, расположившуюся неподалеку. А точнее, на одну из женщин в этой компании. В поезде, в вагоне 2-го класса, он встретил показавшуюся ему прекрасной незнакомку, на которую обратил внимание днем, на бегах. Она сидела у окна. Их кресла были одно против другого. Незнакомка ехала в Дарницу. Через 40 минут она сойдет с поезда и навсегда останется в сердце ее случайного визави. Инициатива в разговоре принадлежала ему. Узнав, что ее попутчик морской офицер, молодая женщина неодобрительно отозвалась о роли морского офицерства в русско-японской войне. Собеседник согласился с ней. Попросил разрешения написать ей письмо. Молодая женщина назвала свой адрес: Дарница, Лесная, 25, и имя - Зинаида Ивановна Ризберг.

В память о знакомстве лейтенант вручил ей огромную красную коробку конфет “Сухое варенье. Балабуха”. С этого позднего рокового вечера 22 июля 1905 жизнь П.П. Шмидта наполнилась новым, неведомым ему доселе сильным чувством и содержанием. Как потом напишет Евгений Шмидт, “...на отцовском письменном столе появился большой кабинетный портрет незнакомой мне женщины еврейского типа...”. Однако Петр Петрович находил, что его знакомая похожа на прекрасную испанку... Правда, вскоре после знакомства он напишет ей: *“Вы для меня бесплотный дух, Зинаида Ивановна, потому что я так мало вас видел, что теперь при моей плохой памяти на лица я совершенно не могу себе вас представить. Осталось в памяти только общее впечатление, характер внешности, но не сама внешность”*. Зинаида Ивановна тоже не очень хорошо запомнила внешность

своего попутчика. “В вагоне был полумрак, горели свечи. Я не могла разглядеть лица говорившего со мной, а на бегах я его вовсе не рассмотрела: я видела одни лишь его глаза”.

“Нечто новое, чуждое мне, вошло в жизнь моего отца. Он почти совсем перестал спать и писал кому-то до утра бесконечные письма”, - вспоминал потом Евгений Петрович. Лейтенант Шмидт напишет своей случайной попутчице более 100 писем - шедевров эпистолярного жанра. Истерзанная страданиями, жаждущая любви пылкая душа нашла, а точнее, нафантазировала образ, которому адресовала поток неизбывного, трепетного чувства обожания. “Любовь к жизни, напряженная, “неприличная”, как говорил Иван Карамазов, такая любовь - это основная черта моей натуры”, - так объяснил своей корреспондентке себя П.П.Шмидт.

КЛЯТВА

Природа щедро одарила лейтенанта Петра Петровича Шмидта. Он прекрасно рисовал. Помните? Его картина “Лунная ночь на Дальнем Востоке” была удостоена золотой медали на выставке в Хабаровске. Хорошо пел, особенно русские и цыганские романсы. Играл на рояле, скрипке, гитаре и цитре. На виолончели научился играть в 36 лет и играл так, что завораживал своей музыкой слушателей. Писал стихи, хотя, как вспоминал сын Евгений, относился к этому своему дару иронически. Был замечательным математиком, серьезно занимался социологией, журналистикой, был талантливым публицистом, хорошим гимнастом, умело управлял парусом. Педагогический талант Петра Петровича - самостоятельная тема. В Севастополе он был одним из активных членов городского педагогического совета. Молодежь тянулась к нему, советовалась по разным вопросам.

Но, пожалуй, самым сильным даром Шмидта был дар оратора, трибуна, способного своим словом подчинить своей воле многотысячную толпу. Тому свидетельством события в Севастополе 18-20 октября 1905 г. До этого лейтенант Шмидт в столице Черноморского флота среди матросов и офицеров был известен в основном как “хороший моряк”, “хороший капитан”. В октяб-

ре он стал кумиром многих севастопольцев, как военных, так и гражданских.

Всероссийская забастовка набирала обороты. Стачка железнодорожников парализовала движение. Стачные волны угрожали царскому трону. Шмидт с энергией юноши вовлекся в гигантскую воронку народного протеста. Писал письма, телеграммы матросам Одесского пароходства, призывая присоединиться к всеобщей забастовке. В Севастопольской городской думе мятежный лейтенант присутствовал едва ли не на всех заседаниях. Новоявленные его поклонники, как вспоминал Евгений Петрович, “рвали отца на части. Он, бедный, метался по всему городу, не зная сна уже много ночей и почти не принимая пищи”. 18 октября в Севастополе стал известен знаменитый царский Манифест 17 октября. Он извещал: “Божьей милостью мы, Николай Второй, император и самодержец Всероссийский, Царь Польский, Великий Князь Финляндский и прочая и прочая и прочая, объявляем всем Нашим верным подданным:

Смуты и волнения в столицах и во многих местностях Империи Нашей великою и тяжкою скорбью переполняют сердце Наше. Благо Российского Государя неразрывно с благом народным и печаль народная - Его печаль. От волнений, ныне возникших, может явиться глубокое настроение народное и угроза целости и единству Державы Нашей.

Великий Обет Царского служения повелевает Нам всеми силами разума и власти Нашей стремиться к скорейшему прекращению столь опасной для Государства смуты. Повелев подлежащим властям принять меры к устранению прямых проявлений беспорядка, бесчинств и насилий в охрану людей мирных, стремящихся к спокойному выполнению лежащего на каждом долга, Мы, для успешнейшего выполнения предназначенных Нами к умиротворению государственной жизни мер, признали необходимым объединить деятельность высшего правительства.

На обязанность правительства возлагаем Мы выполнение непреклонной Нашей воли:

1. Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов.

2. Не останавливая предназначенных выборов в Государственную Думу, привлечь теперь же к участию в Думе, в мере возможности, соответствующей краткости остающегося до созыва Думы срока, те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив за сим дальнейшее развитие начала общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку.

И 3. Установить, как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной Думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий, поставленных от Нас властей.

Призываем всех верных сынов России вспомнить долг свой перед Родиной, помочь прекращению сей неслыханной смуты и вместе с Нами напрячь все силы к восстановлению тишины и мира на родной земле.

Дан в Петергофе в 17 день октября, в лето от Р.Х. тысяча девятьсот пятое, Царствования же Нашего в одиннадцатое.

На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукую подписано

НИКОЛАЙ”.

Наконец-то! Неприкосновенность личности! Свобода совести, слова, собраний, союзов! Улицы Севастополя заполнили возбужденные горожане, солдаты, матросы. Многие поздравляли друг друга. Полиция не мешала ликованию. Лейтенант Шмидт только что произнес зажигательную речь на многотысячном митинге и во главе огромной массы народа пошел к зданию городской тюрьмы требовать освобождения политических заключенных. Манифест же провозгласил свободу совести, слова! Сдерживать взбужденную толпу от разрушительного порыва Шмидту стоило

огромного усилия и напряжения воли. Толпа терпеливо ждала, когда он вел переговоры с начальником тюрьмы. Тот пообещал выпустить заключенных через полчаса.

Вдруг ворота тюрьмы распахнулись и... в толпу грохнул залп. Хаос, паника, истошные крики и страх вмиг разметали людскую массу... На земле лежали 8 убитых, 18 тяжелораненых... 40 демонстрантов получили легкие ранения. Накануне трагедии на митинге Шмидт был избран депутатом от народа в Севастопольскую городскую думу. 19 октября по инициативе Шмидта было созвано экстренное заседание городской думы, на котором он заявил: "Городская Дума, являясь избранницей населения, должна быть не только защитницей хозяйственных и экономических интересов, но должна быть охранительницей чести, достоинства и жизни граждан... отнестись с презрением к виновникам вчерашнего убийства". По настоянию Шмидта гласные приняли решение вывесить на стенах Думы некую "черную доску", в которой перечислить фамилии виновников убийства мирных демонстрантов у здания городской тюрьмы и навечно заклеить их позором.

Севастопольский городской голова либерал Максимов предложил мятежному лейтенанту свое председательское кресло, видимо, опасаясь возможной ответственности за случившееся. Наэлектризованные речами Шмидта и охватившим всех настроением протеста, думцы отправились к коменданту Севастопольской крепости генералу Неплюеву с требованием освободить заключенных участников восстания на броненосце "Князь Потемкин-Таврический", а сам город - от полиции и т.д. Энергия Шмидта в эти октябрьские дни была поистине вулканической. Он выступал с многочасовыми докладами перед разными аудиториями, редактировал телеграмму-протест по поводу расстрела у здания городской тюрьмы премьер-министру Витте, активно работал в городской думе и т.д.

До октября 1905 г. Шмидт был скорее оппозиционно настроенный к существующему в России строю интеллигент, чем его нис-

провергатель. С октября стал ближе к революционно настроенным согражданам. И все-таки Шмидт, по мнению руководителя севастопольской организации РСДРП И.Вороницына, "... верил, что спасение и освобождение родины может прийти сверху... пропитан иллюзией, что всему виной "лживая и преступная бюрократия". В этом признается и сам Шмидт: "Я верил, что, подай офицеры флота петицию царю, за ними последуют другие военные, и реформы будут даны... Но глухи были господа офицеры...".

Несмотря на бесконечные заседания в городской думе, митинги, неумный лейтенант выступает перед учащимися Севастополя, посылает в "Крымский Вестник" статью "Письмо учащимся старших классов", в которой дает молодежи советы "не постороннего", как должен вести себя патриот "в минуту великого перелома русской жизни". Работает над "рабочим вопросом", собирается читать публичные лекции на темы социологии: "Влияние женщин в жизни и развитии общества", "Семья, ее формы и история", "Крейцера соната" и т.д. А на средства, полученные от чтения лекций, хочет устроить столовую для голодающих.

Впечатления от неизбывной энергии деятельного лейтенанта были неоднозначны. Князь С.Урусов, присутствовавший на экстренном заседании севастопольской городской думы, запомнил Шмидта так: "Не могу, к сожалению, точно передать содержание речи, произнесенной Шмидтом необыкновенно горячо, с большим подъемом и ярким ораторским талантом, притом без всякой рисовки и аффектации. Почему-то выражение его лица, звук голоса отвлекали внимание, мешая сосредоточиться и следить за ходом его мыслей. Какие-то неуловимые оттенки в его фигуре и тоне заставили меня сразу почувствовать, что перед нами находится человек не вполне нормальный, потерявший душевное равновесие, с чувствительностью чрезмерно повышенной. Шмидт весь горел каким-то внутренним пламенем, смотрел вдаль, мимо лиц и предметов, как будто спеша навстречу чему-то торжественному, прозреваемому в будущем. Видно было, что все сооб-

ражения практического характера, вопросы своевременности, осуществимости и личного интереса для него не существуют... Речь свою он произнес без запинки, слова у него как будто становились в очередь, без всякого напряжения мысли...”.

Речь Шмидта, о которой говорит г. Урусов и которую приводит И.Вороницын в своей книге “Лейтенант Шмидт”, была пропитана идеализмом и мыслью о том, что проявленная севастопольской администрацией жестокость в отношении мирных демонстрантов 18 октября противоречит намерениям и воле создателя манифеста.

На похороны убитых у севастопольской тюрьмы пришло огромное количество горожан (в одних источниках называется цифра 15 тыс., в других - 40 тыс., в третьих - полгорода). Процессия растянулась на три версты, в основном это были рабочие севастопольского порта, ремесленники, интеллигенция, немало солдат и матросов. Реальное училище, где учился Евгений Шмидт, участвовало в похоронах со своим оркестром. Был и специальный военный оркестр. Играли похоронные: “Коль славен”, “На смерть героя”.

Когда гробы опускали в могилы, на возвышении выросла фигура лейтенанта Шмидта в форменном черном пальто с красной повязкой на рукаве. Он обвел глазами устремленные на него лица многотысячной толпы, заговорил медленно...

“- У гроба подобает творить одни молитвы; но да уподобятся молитве слова любви и святой клятвы, которую я хочу произнести здесь, вместе с вами.

Когда радость переполнила души усопших, то первым их движением было идти скорее к тем, кто томится в тюрьме, кто боролся за свободу и теперь, в минуту общего ликования, лишен этого великого блага. Они, неся с собой весть радости, спешили передать ее заключенным, они просили выпустить их и за это были убиты. Они хотели передать другим высшее благо жизни - свободу, и за это лишились самой жизни. Страшное, невиданное преступление. Великое, непоправимое горе.

Теперь их души смотрят на нас и вопрошают безмолвно: “Что же вы сделаете с этим благом, которого мы лишены навсегда? Как воспользуетесь свободой? Можете ли вы обещать нам, что мы последняя жертва произвола?” И мы должны успокоить смятенные души усопших, мы должны поклясться им в этом.

Оратор остановился, окинув взглядом десятки тысяч окружавшего его народа, как бы с вопросом: кто со мной?

- Клянемся им в том, - зазвенел окрепший его голос, - что мы никогда никому не уступим ни одной пяди завоеванных нами человеческих прав.

- Клянусь, - проникновенно сказал оратор, подняв обе руки, как бы призывая само небо в свидетели этой могучей клятвы.

- Клянусь! - пронесся за ним многотысячный голос народа.

- Клянемся им в том, что все силы, всю душу, самую жизнь положим за сохранение нашей свободы. Клянусь!

В неистовом энтузиазме людское море выбросило сорок тысяч рук, и грозно пронеслось из конца в конец: “Клянусь!”.

- Клянемся им в том, что свою общественную работу мы всю отдадим на благо рабочего, неимущего люда. Клянусь!

- Клянемся им в том, что между нами не будет ни еврея, ни армянина, ни поляка, ни татарина, а что мы отныне будем равные, свободные братья Великой, Свободной России. Клянусь!

...Толпа обезумела. Это были уже не мирные граждане, а несокрушимая армия фанатиков, готовая ринуться на неприступные твердыни по мановению руки оратора. И боевым воплем вырвалось из всех грудей полное потрясающего трагизма - Клянусь!

- Клянемся им в том, что мы доведем их дело до конца и добьемся всеобщего избирательного права. Клянусь!

... Повсюду раздавались рыдания. Незнакомые люди обнимались, раскрыв друг другу души и объятия...”.

“Это был экстаз вдохновения. Я сам не узнавал своего голоса, он стал каким-то твердым, не моим... Один адвокат сказал мне: “Вы трибун, за вами пойдут сотни тысяч”, - писал Шмидт Зинаиде Ивановне Ризберг. Ах! Как хотел он, чтобы его “дорогая

подруга, опора, сила, свободная гражданка” - так называл Петр Петрович свою попутчицу, - была рядом, видела его блистательный триумф!

В книге И.Гелиса “Ноябрьские дни в Севастополе в 1905 году” упоминается еще одно обстоятельство во время похорон убитых у городской тюрьмы. “После такой речи, которая сковала волю всех, кто ее слышал, остальные речи казались бледными. Перед самым окончанием похорон разыгралась курьезная паника: стоявшие сзади, чтобы лучше видеть и слышать оратора, взобрались на каменную ограду кладбища. Стена не выдержала напора множества людей и рухнула. От нажима массы камней и людей толпа начала подаваться вперед, и одну минуту казалось, что передние ряды сомкнут кольцо вокруг могил и ораторов и заживо похоронят стоящих посередине. Шмидт спокойно приказал оркестру: “Марш!”. И звуки похоронного марша отрезвили толпу”.

Пока оскорбленные обманным манифестом почитатели свободы митинговали, хоронили убитых, командующий войсками Одесского военного округа генерал Каульбарс объявил главному исполнителю расстрела демонстрантов у здания городской тюрьмы унтер-офицеру Тарасу Жупину благодарность. В ней значилось: “Объявляю ему мое спасибо и предписываю выдать ему серебряные часы с надписью: “За доблестное поведение 18 октября 1905 г.”.

Клятва Шмидта моментально разлетелась по городам и весям России. Ее переписывали, читали вслух и про себя, как молитву. А сама личность мятежного флотского лейтенанта стала всероссийской знаменитостью, символом борьбы за счастье народа. *“Когда я еду по городу, то мне там и сям кучки народа кричат: “Да здравствует Шмидт!”.* И я думаю в это время только о вас, думаю о том, что вас нет около меня, что вы не можете гордиться мной, радоваться за меня”, - сетует Петр Петрович в письме к З.И.Ризберг.

Вера лейтенанта Шмидта в собственные недюжинные силы, в свое призвание быть вождем в октябрьские дни достигла апогея.

И любовь к случайной спутнице - тоже. По мнению И.Вороницына, "... его личная жизнь определяла собою его общественную деятельность. Та страшная, почти сверхчеловеческая энергия, которую он проявлял в октябрьские дни и в дни восстания, в большой степени питалась этим расцветом личного чувства".

Пожалуй, этого не отрицает и сам Петр Петрович. *"Я не имею никого, кроме вас, на свете... Молюсь вам, живу вами, верю вам..."*, - пишет он предмету своих мечтаний.

ПЕРВЫЙ АРЕСТ

Имя автора Клятвы, оратора, трибуна, было на слуху, мельтешило в газетах. Солнечные лучи всероссийской славы ласкали самолюбие еще не так давно неизвестного лейтенанта. Так и не сумевший, несмотря на свои профессиональные и личностные способности, таланты, сделать карьеру в военном флоте (многие соученики Шмидта по Морскому училищу были давно произведены в капитаны второго, первого рангов), Петр Петрович в октябрьские дни воспарил к ослепительным высотам людского поклонения. Его старого недоброжелателя, Главного Командира Черноморского флота и портов Черного моря Г.П.Чухнина, во время триумфальной речи-клятвы в Севастополе не было. Адмирал вместе с морским министром был в море, инспектировал суда.

В гавани стоял поникший “Потемкин”, а точнее, его бронированная коробка. На месте легендарного мятежного имени зияла огромная заплатка из парусины. Вскоре броненосец “Князь Потемкин-Таврический” получит новое имя - “Святой Пантелеймон”. Ког-

да адмирал вернулся в Севастополь, то увидел, что город во власти мятежников. Порядок на улицах сохраняли рабочие патрули, а не полиция. И вполне успешно. Вице-адмиралу доложили о событиях у здания городской тюрьмы и речи лейтенанта Шмидта. Чухнин был в ярости. Опять Шмидт!

Вечером 20 октября Шмидта вызвали нарочным в штаб флота. Начальник штаба контр-адмирал Данилевский тут же и арестовал неугомонного офицера. Теперь уже городскую знаменитость - мятежного лейтенанта Шмидта вели на Графскую пристань через весь город под конвоем двух офицеров и четырех солдат. Препроводили на броненосец “Три святителя”, где и закрыли в крошечном межпалубном помещении. Но Петр Петрович не унывает. Он влюблен, пишет предмету своих мечтаний - Зинаиде Ивановне о себе: *“... Теперь этот “трибун” сидит в железной коробке совершенно без окон, круглые сутки с электричеством... По моей коробке можно сделать только два шага. Чтобы не задохнуться, воздух мне подкачивается через трубу. Есть койка, стол и умывальник. Позволили послать за вещами, и сынишка по моему списку самых необходимых вещей прислал мне ваш портрет”*.

Шестнадцатилетний сын узника, до боли в сердце жалея своего несчастного и вместе с тем необыкновенного, героического отца, наблюдая его холерическую переписку, недоумевает: “Неужели ему недостаточно первого опыта, да еще какого?!”. Но Петр Петрович одержим, пишет письма, статьи. Рассказывает в них свою одиссею, о юности, о том, как тщетно зывал он потом к патриотическим чувствам господ-офицеров и т.д. В записках, написанных на “Трех святителях”, он говорит о своих убеждениях: “Тот, кому дана способность страдать за других и логически мыслить, кто пристально изучал общественные науки, тот убежденный социалист”. В пафосных посланиях на волю, в газеты, призывает всех требовать от правительства, Главного Командира Черноморского флота гласного суда над ним в большом, открытом для всех помещении. Шмидт уверен в великой магической

силе своего вдохновенного слова. Пишет свое обращение к партиям “Объединяйтесь!”. Петр Петрович еще открыто не говорит, но, видимо, уже мечтает о том, чтобы разрозненные партии объединились в Великую Всероссийскую партию социалистов-рабочников, надеется соединить несоединимое.

И вдруг к узнику в железную коробку без окон заглядывает счастье! Женя приносит отцу сообщение о том, что рабочие Севастопольского порта и мастерских на митинге избрали его, лейтенанта Шмидта, своим “пожизненным депутатом”! Петр Петрович на седьмом, нет, на десятом небе! *“Вот какую великую честь они сделали мне... Они сумели своими чуткими душами снять с меня ненавистную мне офицерскую оболочку и признать во мне их товарища, друга и носителя их нужд на всю жизнь... выше этого звания нет на свете. Меня преступное правительство может лишить всего, всех глупых ярлыков: дворянства, чинов, прав состояния, но не во власти правительства лишить меня моего единственного звания отныне: пожизненного депутата рабочих. О, я сумею умереть за них. Сумею душу свою положить за них. Ни один из них никогда, ни они, ни их дети не пожалеют, что дали мне это звание”*, - откровенничает узник в письме к З.И.Ризберг.

Чухнину очень хотелось если не навсегда, то хоть на какое-то время убрать с глаз долой ненавистного возмутителя спокойствия. Но за Царским Манифестом последовала амнистия, которая распространялась и на севастопольского трибуна. И Григорий Павлович вытащил из-под сукна “дело о потере казенных денег”, намереваясь предать Шмидта суду “за воинское преступление” - мол, командир оставил корабль в военное время. Но враждебная адмиралу и симпатизирующая лейтенанту Шмидту общественность настойчиво требовала освободить из-под ареста народного кумира. Тем более, что у него развилась невралгия, нарушилось зрение. Узника перевели в госпиталь. Командир Черноморского флота намеревался после лечения отправить трибуна на гауптвахту.

Но очень уж активничали городские оппозиционеры в защиту мятежного лейтенанта. Ситуация грозила выйти из-под контроля. Однажды в госпитале почему-то охраны у дверей палаты, где находился “опасный” пациент, не оказалось. И-Шмидт беспрепятственно покинул богоугодное заведение. 3 ноября Петр Петрович вернулся в свою уютную квартиру на Соборной, 14. И сразу же послал телеграмму в редакцию “Сын Отечества”: “Спасибо за помощь, соратники. Я вновь в ваших славных рядах. Гражданин лейтенант Шмидт”.

После некоторого замешательства военная власть в Севастополе снова поднимается во весь свой устрашающий рост. Но и недовольство матросов, солдат, горожан, особенно в рабочих кварталах, растет соответственно. На предгрозовом небосклоне столицы Черноморского флота замаячили беспорядки, еврейские погромы, вновь зарделись предвестники революционной бури. Социал-революционеры (эсеры) и социал-демократы (особенно их меньшевистское крыло) стараются, каждая партия - в своих интересах, использовать легендарную популярность Шмидта. Но самостоятельно мыслящий лейтенант ни к одной из них примыкать не собирается, стоит на своем: “Я социалист вне партии” и чужд “вздорным бабьим счетам партийных недоумков”. Он уверен в себе и в своем неотразимом влиянии на массы.

Дабы предотвратить вполне возможное кровопролитие, севастопольская городская дума решается на беспрецедентный шаг, неслыханный и невиданный в истории российского городского самоуправления. “Городской голова с несколькими гласными думы являются во дворец к Главному Командиру Черноморского флота и портов Черного моря вице-адмиралу Чухнину, почти неограниченному владыке всего Черноморского побережья, и “убедительно просят” его превосходительство, от имени населения, если он хочет “гарантированного порядка”, передать все свои полномочия по успокоению населения лейтенанту Петру Шмидту”.

Чухнин счел предложение думцев наглым, возмутительным. Заметил, негодуя, что еще “месяц назад он, Чухнин, без разговоров повесил бы лейтенанта Шмидта собственной властью, теперь же господ, подобных Шмидту, оказывается, и судить нельзя!”. Манифест! Свобода... Настырный лейтенант, однако, не унимался, подал заявление об устройстве митинга на Приморском бульваре. По долгу пожизненного депутата севастопольских рабочих, он хочет объяснить своим избирателям политику премьер-министра России Витте. Но еще накануне этого заявления вице-адмирал Чухнин запретил неугомонному народному избраннику не только проведение каких бы то ни было митингов, но даже само присутствие на них. Чтобы избежать возможного кровопролития, Шмидт решил митинг не проводить. Толпа вполне могла бы броситься вызволять своего кумира, если бы полиция стала выполнять приказ Командира ЧФ - удалять лейтенанта Шмидта с митинга.

Чухнин снова приказывает “заарестовать” агитатора, но Петр Петрович оказывается больным, остается под домашним арестом. Дни и ночи пишет в “Сын Отечества” и в Киев Зинаиде Ивановне. “Спал отец не более 3-4 часов в сутки, и, глядя на его исхудавшее, одухотворенное страданием лицо, я с каждым днем убеждался все более, что отец догорит до конца, что никто и ничто не остановит его на полпути...” “Массы”, горя желанием увидеть отца и зная, что публичные выступления ему воспрещены начальством, доходили на сходках до неистовства, требуя его появления. Теперь мне кажется, что эти неистовства служили в гораздо большей степени доказательством эгоизма и праздного любопытства, чем настоящей любви к своему герою; ведь знали же все, что отец рискует, выступая в десять раз больше всех севастопольских “товарищей”, вместе взятых”, - вспоминал сын “красного адмирала”.

Головокружительное обожание толпы Петр Петрович внешне воспринимает иронично. Но ему все-таки льстит, что его посыльному в аптеке бесплатно дают лекарства (“Революция начинает меня кормить”), что его старенькой родственнице, тете Саше,

низко поклонился матрос, узнав, что лейтенант Шмидт ее племянник... Что гимназисты в буквальном смысле готовы носить на руках (это Петра Петровича даже возмутило) своего старшего друга и наставника. 11 ноября Шмидт получил долгожданную телеграмму из Петербурга: его прошение об отставке удовлетворено - "Высочайшим приказом от 7 ноября 1905 года уволен в отставку".

Увольнение в отставку офицеров флота в ту пору сопровождалось автоматическим присвоением очередного офицерского звания, но только для дворян. Шмидт купил погоны капитана второго ранга и в тот же день сфотографировался в двух видах - стоя, в плаще и сидя. Он мечтает послать их З.И.Ризберг. Эти снимки потом увидит вся Россия, а потом и Европа. Правда, потом Морское ведомство задним числом спохватится и лишит вождя матросов звания капитана второго ранга. Шмидт войдет в Историю лейтенантом.

Свое ближайшее будущее Петр Петрович уже спланировал. Новоявленный счастливый отставник сначала намеревается поехать в Одессу - там у него много друзей, сослуживцев, с которыми он плавал в РОПиТ и Добровольном коммерческом флоте. Он надеется убедить моряков в необходимости добиваться созыва Учредительного Собрания на основе всеобщего, равного, прямого, тайного избирательного права. Потом он планирует поехать в Киев, к своей "женщине будущего". Затем в крупные промышленные города, встречаться с рабочими... Вступит в переговоры с руководителями "Союза Союзов" (либеральная буржуазная организация). Сообщение об отставке, избавление от ненавистной военной службы, "железных объятий" адмирала Чухнина подействовало на Шмидта исцеляюще. "Отец воспрянул духом, ожил, помолодел, поздоровел. Как будто бросил письменный стол. И первый раз после возвращения с "Трех святителей" вышел со мной на свежий воздух", - вспоминал Евгений Шмидт. Но, в отличие от благодушного настроения кумира севастопольцев, в

самом городе, в Черноморской эскадре, в казармах температура протеста властям поднималась к критической отметке.

11 ноября 1905 г. адмирал Чухнин посылает шифрованную телеграмму Николаю Второму о начавшихся во флотской дивизии волнениях: “Адмирал Писаревский ранен в спину во время сходки перед казармами матросов и тяжело ранен один сухопутный офицер... В дивизии начался беспорядок... Боевые роты отказались стрелять. Сухопутные начальники не решаются действовать оружием... Положение безвыходное: матросы, вероятно, поставят какие-нибудь условия, которым придется подчиниться или распустить флот. О вышеизложенном всеподданнейше доношу Вашему императорскому величеству. Вице-адмирал Чухнин”. На следующий день Чухнин телеграфирует военному министру А.Ф.Редигеру: “Брестский полк вышел из повиновения”, “Войска восстали Брестского и Белостокского полков и 13 артиллерийской бригады”. “Ввиду брожения во флоте, увольнения в запас матросов... и усиленной пропаганды в Севастополе в войсках гарнизона между запасными происходит опасное брожение, могущее привести к бунту”. Это только часть телеграмм, которые были направлены из Севастополя в Петербург 11 - 12 ноября.

Незамедлительно, в 12 часов ночи 12 ноября Государь телеграфирует Чухнину: “Помощь будет прислана. Не теряйте бодрости духа. Употребите все усилия, чтобы вразумить мятежников, напомните им от моего имени, что, восставая против власти, они нарушают долг присяги и позорят честь России. Объявите им, что если они не образумятся немедленно, то я с ними поступлю, как с клятвопреступниками и изменниками. Николай”.

Почти счастливое чемоданное настроение отставного лейтенанта Шмидта омрачили два визитера - представители местной партии социал-революционеров. Они спрашивали: “... Согласился ли бы Шмидт принять командование восставшим флотом? Отец категорически заявил, что выступление флота он считает в настоящую минуту преждевременным, т.к., во-первых, при сложившихся обстоятельствах нет уверенности в солидарности всех

судов, а, во-вторых (что самое главное), единичное восстание только в одном Черноморском флоте, не координированное во времени с действиями всех политических, общественных и военно-революционных организаций, пагубно и бесцельно, заранее обречено на полную неудачу и напрасное кровопролитие”.

Как утверждает Е.П.Шмидт-Очаковский, П.П. Шмидту “... стало ясным, что возникшее брожение среди матросов и солдат - дело рук одной из революционных партий. Деятели подполья, не знакомые ни с военным делом, ни с психологией русского солдата, далекие от понимания реальных возможностей, не вникая его (Шмидта) советам, решили идти напролом и сыграть ва-банк. Когда социал-революционеры пришли к отцу со своими предложениями, они скрыли от него, что руководство матросами - во всяком случае, большинством матросов, - не в их руках, а в руках их политических соперников - социал-демократов, и что не во власти социал-революционеров поднимать или не поднимать восстание. Последнее, во славу Карла Маркса, уже начали социал-демократы”. Все это Шмидт узнал лишь на другой день.

Овеянный почитанием тысяч сограждан, Петр Шмидт, похоже, был нужен обоим конкурирующим партиям, как шахматная фигура в опасной игре.

13 НОЯБРЯ

За государевым словом - “помощь будет прислана” - незамедлительно последовало дело. Как сообщает И.Гелис в своей книге “Ноябрьские дни в Севастополе в 1905 году”, не надеясь на местный севастопольский гарнизон, правительство распорядилось стягивать войска из Симферополя и Одессы. Для усмирения восстания в Севастополь прибыли: батальон Литовского полка, Измаильский полк, кавалерия Крымского дивизиона, Симферопольский резервный полк. Руководство военными действиями было возложено на генерал-лейтенанта Меллер-Закомельского, известного успешного карателя разного рода бунтовщиков. Севастополь был объявлен на военном положении, крепость - на осадном. На Историческом бульваре выставлены пулеметы.

Когда очередная демонстрация возвращалась в город с митинга на Историческом бульваре, на “Святом Пантелеймоне” взмыло красное полотнище. Мятежный броненосец посылал привет солидарности демонстрантам. Над крейсером “Очаков” тоже развевался красный флаг. Оба корабля были как братья. Оба достраивались в Лазаревском Адмиралтействе примерно в одно время. Достройка броненосца “Князь Потемкин-Таврический”, после бунта переименованного в “Святой Пантелеймон”, завершилась раньше.

Оба находились под неусыпным личным контролем и вниманием самого Главного Командира Черноморского флота и портов Черного моря вице-адмирала Чухнина, прибывшего в Севастополь вместо своего предшественника вице-адмирала Н.И.Скрыдлова в мае 1904 г. Григорий Павлович, почитавший единообразие, стандарт и порядок, заботился о том, чтобы на его подопечных кораблях все его требования выполнялись неукоснительно. В отчетах о стоимости строительства трехтрубного красавца - крейсера промелькнет цифра - 8 млн. руб.

К осени 1905 г., по окончании основных работ, но с рядом недоделок, "Очаков" участвовал в испытаниях в море. На крейсере было 400 человек команды и около 300 рабочих-судостроителей из Сормова, Петербурга, Москвы, Екатеринослава и др. Среди них были не только мастера своего дела, но и носители революционных настроений. В августе в штаб флота поступило донесение о том, что на достраиваемом крейсере обнаружены революционные листовки. Но спровоцировали брожение команды "Очакова" не столько листовки, сколько жестокое отношение к матросам командира крейсера Глизына. Он заменял на время отпуска его постоянного командира и слишком рьяно старался угодить Главному Командиру, выполняя его указание "подтянуть команду".

Глизын начал с угроз матросам, что в случае "недисциплинированности" их постигнет участь восставшей команды "Прута", матросов Кронштадта и прочих бунтовщиков. Требовал не собираться "кучками", не устраивать сборищ и т.д. Машинная и кочегарная команды первыми выказали нежелание повиноваться вздорным приказам командира. Однажды кто-то из них крикнул: "Командира долой!". Старший офицер крейсера капитан второго ранга М.М.Скаловский (однокашник П.П.Шмидта по Морскому училищу) пользовался доверием у команды и всячески старался погасить противостояние между временным командиром и командой. Матросы заявили старшему офицеру, что не намерены терпеть грубость Глизына, что трое поставленных на верхней палубе

“под ружье” матросов продрогли от холода и пора прекратить измываться над людьми.

Вышедшие на следующее утро к подъему флага машинисты на приветствие командира не ответили. Вновь раздалось: “Долой командира!”. Для расследования инцидента на крейсер прибыл военно-морской прокурор. Машинист Александр Гладков от имени и по поручению команды заявил претензию матросов на грубое отношение командира, недоброкачественную, скудную пищу, высказал требование команды - разрешить матросам участвовать в митингах на берегу и т.д. Визит прокурора команду не утихомирил. Неповиновение Глизяну становилось все более явным. Коллективная солидарность формировалась вокруг наиболее авторитетных членов команды машиниста Александра Гладкова, комендора Никиты Антоненко, кондуктора (младший офицерский чин) Сергея Частника.

11 ноября “Очаков” был на испытаниях в море. Глизян стоял на мостике. Накануне вечером по приказу Чухнина, на всякий “пожарный” случай, из компрессоров орудий выпустили жидкость. На крейсере тем временем стало известно, что в дивизии началось брожение. Главный Командир ЧФ приказал скомплектовать из “очаковцев” боевую роту для устранения “непорядков на берегу”. Дивизия посылала на крейсер свои сигналы: “Присылайте депутатов”. Неповиновение команды командиру приобретало опасные формы. Ссылаясь на болезнь, Глизян с корабля съехал. Старшему офицеру успокоить команду не удалось. Вслед за Глизяном крейсер покинули и другие офицеры. Потом они возвратятся и снова съедут... На вопрос прибывшего на “Очаков” флаг-капитана эскадры: “Кто не желает служить?” - матросы заявили, что служить желают все. Расколоть команду, выявить зачинщиков смуты посланцу Главного Командира ЧФ не удалось.

А когда от команды потребовали выдать бойки от орудий и затворы винтовок, группа матросов во главе с комендором Никитой Антоненко наотрез отказалась выполнять приказ. Большая часть команды поддержала протестующих. Окончательно разоружить крейсер матросы не дали. Утром 14 ноября на “Очаков”

вновь пожаловал все тот же флаг-капитан эскадры Сапсай в сопровождении офицеров. Потребовал отдать ударники от орудий и затворы винтовок. И опять команда отказалась выполнить требование вышестоящего начальства. Все офицеры покинули несговорчивую команду. “Очаковцы” выбрали своим командиром Сергея Петровича Частника. Потом обязанности командира будет исполнять боцманмат (унтер-офицер 1-й статьи) И.Е. Уланский. Но и до, и во время восстания одной из ключевых фигур на крейсере “Очаков” был и остался до конца убежденный, последовательный, бесстрашный вожак матросов С.П. Частник.

“К утру 13 ноября к восстанию присоединились 7 крупных и мелких судов, постоянно связанные со своими экипажами, откуда с 11 ноября на суда ежедневно ездили депутаты, поддерживающие в командах дух возмущения, и держали их в курсе происходящих событий”. “К полудню к матросам присоединилась саперная рота... все морские и сухопутные части, кроме твердокаменного Белостокского полка”. В три часа дня начался очередной митинг на Приморском бульваре. Толпа встретила Шмидта шквалом оваций. Как свидетельствует его сын, “само появление кумира наэлектризовывало и зажигало толпу... Отец повторил свое убеждение в необходимости исключительно политических забастовок с требованием созыва Учредительного Собрания, при обязательном условии координации действий местных сил с центральными общественными и профессиональными организациями... После речи отец совершенно обессилел... Но, несмотря на полный упадок физических сил, сила духа и нечеловеческая энергия не покидали отца ни на минуту. Вечером он опять собирался в казармы, чтобы еще раз попытаться уговорить матросов остановиться, пока не пролита новая кровь, пока он не переговорит с властями и не узнает определенно, на что могут рассчитывать матросы при изъявлении покорности... Отец успокаивал меня, обещал, что идет в казармы в последний раз, и что если ему и сегодня не удастся образумить матросов, то он, исчерпав

все средства убеждения, махнет рукой и предоставит безумцев их собственной участи”.

И.Е.Уланский, участник заседания депутатов матросов и солдат, членов военной организации, представителей Севастопольского комитета РСДРП, депутатов городского Совета рабочих депутатов, в казармах дивизии вечером, 13 ноября, вспоминает его так: “На заседание был приглашен лейтенант П.П.Шмидт, который собирался было утром 14 ноября уехать в Одессу для организации забастовки торговых моряков... П.П.Шмидт выступил против вооруженной борьбы. Он предлагал отказаться от ряда наиболее острых требований, попытаться добиться некоторых уступок от Чухнина. Он говорил, что готовится новая всероссийская политическая забастовка, и выступление флота нужно совместить с этой забастовкой. Против предложения П.П.Шмидта выступили члены военной социал-демократической организации, представители саперов, запасных (увольняемых с флота матросов. - **А.В.**). Все они указывали, что положение в стране требует продолжения восстания, вооруженной борьбы, что наивно ждать уступок со стороны царских властей. Проникшись общим энтузиазмом депутатов, Шмидт отказался от своих предложений, заявил, что примыкает к восстанию, и поклялся остаться верным до конца делу народа”.

На этом заседании был выработан широкомасштабный план восстания, намечены стратегические цели и тактические действия. “План наступательных действий предусматривал:

1. Отправить отряд броненосцев в сопровождении крейсеров для блокады крепости Очаков на случай, если она окажется на стороне правительства.

2. Призвать под флаг революционной армии население, раздать оружие, создать кадры из добровольцев-революционеров под командованием опытных и верных революции солдат.

3. После взятия Очакова тот же отряд судов направить к Одессе, а мелкие суда - к Николаеву.

4. Одновременно другой отряд судов направить на Кавказ и во все порты Черного моря с целью установления там республиканского образа правления.

5. Поднять восстание на Кавказе, вооружив народ винтовками, пулеметами и другим оружием.

6. Из солдат, перешедших на сторону народа, и призванного населения организовать армию и перейти в наступление по всему фронту, вытесняя из гарнизонов правительственные войска, сконцентрировать все революционные силы в одну армию и начать наступление в центр России, отвоевывая шаг за шагом позиции.

7. Объявить “Крымско-Кавказскую федеративную республику”.

Потом пункты из этого далеко идущего плана - продукта коллективного творчества новоявленных революционеров, особенно 5-й и 7-й, припишут лично П.П.Шмидту. И поныне именно лейтенанту Шмидту вменяется не принадлежащая ему мысль об объявлении так называемой крымско-кавказской республики. Справедливости ради следует заметить, что 15 ноября в пылу восстания, в крайне нервном, возбужденном состоянии “красный адмирал” озвучит эту чужую и чуждую ему агрессивную мысль из “великого плана”. И даст козырь своим и последующим недоброжелателям обвинять себя в захватнических и даже президентских амбициях.

Но вернемся в день 13 ноября. Евгений долго ждал возвращения отца с этого рокового заседания организаторов восстания в Севастополе. Когда Шмидт вернулся, “... часы показывали половину первого ночи... У отца был подавленный и удрученный вид, - вспоминал Евгений Петрович.

- Не слушают, дураки, - заговорил он слабым, совершенно разбитым голосом. Ведь как распинался. Все резоны выставил, доказал им, как на ладони, всю безнадежность, всю бессмысленность их затеи. Кончу - орут “Правильно!”. Выйдет эс-дек и начинает вопить о мировом капитале и трудящихся массах - ему орут “Пра-

вильно!”. Промучился я с ними часа три, плюнул и пошел домой. Пусть разделяются, как знают. Завтра - в Одессу”.

Накануне Петр Петрович написал Зинаиде Ивановне: *“Боже мой, отчего вас нет около меня. Хоть бы раз увидеть вас, а потом уж что судьба пошлет. Отчего вы не пишете?... Я, кажется, переутомился, вот она где, выносливость моя проклятая. Я презираю себя. Я страдаю так сильно и так много работаю, что я, кажется, помешаюсь. Поймите же, что никого нет у меня...”*. А утром 14 ноября к Зинаиде Ивановне улетела телеграмма: *“Задержали события. Переведу деньги телеграфом немедленно. Выезжайте через Одессу Севастополь. Рисуем не увидаться никогда”*.

Одновременно с тем заседанием в казармах матросского и солдатского советов, в Морском Собрании Севастополя под руководством Главного Командира ЧФ тоже проходило совещание морских и сухопутных командиров. “Чухнин говорил об опасности, которой подвергаются не только офицеры в Севастополе, но и весь царский строй. “Не дадим мужикам топтать нашу честь в грязи... Иначе мы все погибнем и с собой навсегда похороним привилегии нашего класса”, - вопил перепуганный адмирал. Речь Чухнина оборвалась истерикой. Плача, он рвал на себе волосы, потерял сознание, но скоро пришел в себя и отдал приказ вывести эскадру в море и взорвать “Очаков” и “Потемкин”, - писал в своих воспоминаниях И.Е.-Уланский.

Штаб Чухнина работал на броненосце “Ростислав”. Штаб повстанцев - на крейсере “Очаков”.

Уснуть в ту ночь с 13 на 14 ноября отец и сын Шмидт не смогли. Глубокой ночью на Соборной, 14 раздался робкий звонок. На пороге стояли матросы с “Очакова”. Евгений Петрович Шмидт запомнил этот ночной визит. “Вы к папе? - спросил я, по меньшей мере, не приветливо.

- Так точно, - заговорили они вместе. - К Петру Петровичу... Такое дело, что помирать в пору. Не от себя мы, а от команды “Очакова”, всей, как есть, барин. Будьте великодушны, доложите

его благородию. И говоривший, высокий красавец с бледным, одухотворенным лицом, поклонился чуть не до земли...

- Пусти их, Женя... Входи, ребята, - услышал я сзади голос отца.

- Такое дело, ваше благородие, - заговорил высокий матрос.
- На вас, как на Бога, одна надежда. Погибаем. С “Очакова” мы, ваше благородие...

... Когда матросы ушли... отец погладил меня по голове и сказал коротко и просто: “Их надо спасти, сынишка”.

Бунт на военном корабле карается смертной казнью. Шмидт попробовал было пробиться к Чухнину, чтобы предотвратить грядущее кровопролитие. Но тот не принял отставного лейтенанта. Главный Командир Черноморского флота не терял времени даром, отдал распоряжение о снятии с орудий всех ненадежных судов (а таковых было большинство) замков и ударников. Их оставили только на орудиях “Ростислава” и “Синопа”. Командир Брестского полка Думбадзе проявил инициативу, привел к нужному для адмирала Чухнина знаменателю ненадежных артиллеристов простейшим способом - доставил в их распоряжение огромное количество дармовой водки и колбасы. Пьяных солдат-артиллеристов у орудий заменили офицеры.

Имя генерал-лейтенанта Меллер-Закомельского военная и гражданская публика произносила теперь все чаще.

15 НОЯБРЯ

В 2 часа ночи с 14 на 15 ноября на Соборную, 14 явился матрос с “Очакова”. Передал Евгению записку: “Возьми белье и вещи, нужные на первых порах. Не забудь захватить браунинг. Немедленно приезжай ко мне”. Через четверть часа Женя и сопровождающий его матрос прыгнули в большой катер, который понес их к главному рейду. Катер застопорил у скупо освещенной бортовыми огнями громады “Очакова”. Петр Петрович принимал сына в залитом электрическим светом роскошном адмиральском помещении крейсера. Через 20 лет об этой встрече Евгений Петрович скажет: “Все напоминало нам, что мы здесь случайные и недолгие гости... Вестовой внес два стакана чаю.

- А хлеб? - спросил я, чувствуя внезапный голод.

- Скандал, брат! - засмеялся отец. - На всем корабле ни крошки...”.

Шмидт поведал сыну, как он испугался при одной только мысли... “если моего мальчугана арестуют и тем свяжут мне руки? Все тогда погибло”. Как с большой помпой, с адмиральскими почестями встретила его команда... Откровенничал: “Я приказал гнать в шею с корабля всех вольных, особенно агитаторов”. Как в своей приветственной речи перед матросами он подчеркнул: “За

наше дело - святое, правое дело, - Бог и русский народ, и мы не должны позорить и грязнить этого дела кровью своих врагов”.

14 ноября “красный адмирал” распорядился провести на крейсере торжественный молебен по случаю именин императрицы Марии Федоровны (матери царя Николая Второго). “Если бы ты мог видеть, с каким чувством, с каким сознанием своей верности русской верховной власти пели мои матросики!”, - восторженно рассказывал сыну Шмидт.

Как вспоминал Е.П.Шмидт-Очаковский, до 15 ноября на всех судах, кроме “Очакова”, прогнавшего своих офицеров, дела дальше митингований и требований, вроде “вежливого обращения”, не подвигались. Команды переставали повиноваться своим офицерам, выносили различные резолюции, но открыто к “Очакову” не присоединялись. Первым делом Шмидт принялся за захват и присоединение к “Очакову” судов ЧФ. Ночью десант с “Очакова” и отряды матросов из флотских экипажей присоединили к восставшим 5 номерных миноносцев, эскадренный миноносец “Свирепый” и канонерскую лодку “Кубанец”, не встретив сопротивления их команд. Офицеров арестовали и свезли на “Очаков”. Но судьбу восстания решало поведение линейных кораблей, броненосцев. Атаковать “Ростислав” и “Синоп” было неразумно - адмирал Чухнин оставил им и замки, и ударники, орудия были в полной боевой готовности. Команды этих судов Главный Командир тоже хорошо “почистил”, оставив верных себе людей. “Чесма”, “Святой Пантелеймон”, “Императрица Екатерина Вторая”, “Двенадцать Апостолов”, “Георгий Победоносец”, “Три Святителя” мрачно безмолвствовали.

Но прежде всего повстанцы намеревались захватить арсенал, где хранились снятые с орудий ненадежных судов по приказу Чухнина ударники, и вооружить ими присоединившиеся к “Очакову” корабли.

Наступил роковой день 15 ноября. Евгений Шмидт помнил его до конца своей жизни. Солнце послало на грешную землю свои первые лучи. На “Очакове” раздалась команда: “На молит-

ву, шапки долой!”. “Простые, грубые голоса матросов звучали трогательно и наивно, сжимая сердце острой тоской. Я взглянул на отца. Он искренно, горячо молился. Он молился за Россию, за своих матросов, вверившихся ему, чьи жизни он должен был спасти, за правое, народное дело, которое взялся защищать, за меня, за себя... Крупные, тяжелые слезы текли по его худому, изможденному лицу... “Царствуй на славу нам, царствуй на страх врагам, Царь православный”, - пронеслись и растаяли в воздухе звуки величественного гимна, спетого матросами мятежного крейсера”.

Прежде чем объявить о своем “вступлении в должность”, “красный адмирал” послал в Санкт-Петербург телеграмму: “Его Императорскому Величеству. Славный Черноморский Флот, свято храня верность своему народу, требует от Вас, Государь, немедленного созыва Учредительного Собрания и перестает повиноваться Вашим министрам. Командующий Черноморским Флотом гражданин Шмидт”. Текст телеграммы Петр Петрович составил сам, ни с кем из руководителей революционных партий его не согласовывал. Потом революционеры критиковали Шмидта за монархический, как они говорили, верноподданнический ее тон. “Красный адмирал” считал, что, устранив с политической сцены негодных, равнодушных к бедам народа министров, можно изменить к лучшему и саму жизнь своих многострадальных соотечественников с тем же батюшкой царем.

Как свидетельствуют факты, сам Шмидт о народе не забывал даже, что называется, в “час пик”. Сразу же после дерзкой телеграммы царю послал в Севастополь другую депешу: “В случае насилия над мирным населением в городе я буду вынужден принять решительные меры. Командующий флотом гражданин Шмидт”. Кроме послания городскому голове Севастополя, Шмидт посылает письмо Севастопольскому градоначальнику: “Городской патруль сегодня арестовал моих трех - граждан матросов, и пока Вы не вернете этих людей мне, я не даю пищи аре-

стованным мною офицерам. Командующий флотом гражданин Шмидт”.

Около восьми утра 15 ноября на горизонте показался пассажирский пароход РОПиТ “Пушкин”. Опасаясь присутствия на нем войск, направленных для подавления восстания, Шмидт решил сам обследовать судно. И.П. Вороницын высказывает в своей книге “Лейтенант Шмидт” предположение: “Шмидт хотел, поставив пароход возле “Очакова”, воспользоваться им как прикрытием в случае боя”. Скорее всего, “красный адмирал” надеялся на то, что при таком близком соседстве с пассажирским пароходом власти не рискнут стрелять по “Очакову”, видел в нем сдерживающий фактор.

Взойдя на палубу “Пушкина”, “красный адмирал” объяснил пассажирам положение дел в Севастополе и, извинившись, попросил их отправиться на адмиральский корабль (т.е. на “Очаков”). Как вспоминал Евгений Петрович Шмидт, это сообщение П.П.Шмидта носило оптимистический характер. “Поняв из слов отца, что революция проникла и в Черноморский флот, пассажиры разразились бурным “Ура!” и беспрекословно повиновались новоявленному главе вооруженных сил Черного моря... Выходило, что все суда и весь гарнизон готовы поддержать требования “Очакова” и морских казарм о созыве Учредительного Собрания. Пожелав ошеломленным его обаянием пассажирам благополучия, опять под восторженное “Ура!” “красный адмирал” возвратил их на “Пушкин”. “Двое из пассажиров, студенты Новороссийского университета Александр Пятин и Петр Моишеев, ехавшие в Севастополь, после сообщения Шмидта внезапно изменили свои планы и предложили Шмидту свои услуги в качестве активных работников. Отец согласился, предупредив, что гарантировать им мирный исход восстания не может”, - вспоминал Е.П.Шмидт-Очаковский.

В 10 часов утра 15 ноября 1905 года на фок-мачте “Очакова” взвился красный флаг. Судам, стоящим на рейде, и в Севастополь был послан сигнал, который услышала вся Россия: “Командую

флотом. Шмидт”. Торжественность и дерзкую уникальность церемонии подчеркивал пушечный выстрел. В этой связи интерес представляют впечатления не назвавшего себя очевидца этого события. “На рейде в стройном порядке стояла эскадра, имея на фланге, ближайшем к выходу в море, великана-красавца “Очакова”, а на этом “Очакове” развевался красный флаг... Потому ли, что он стоял мористее, менее прикрытый берегом, но, в то время как Андреевские флаги судов эскадры, едва колеблемые ветерком, были едва заметны, высоко поднятый красный флаг “Очакова” развернулся почти во всю длину, как бы торжествуя над приниженным противником”. Как пишет Е.П.Шмидт в своих воспоминаниях, - “вместе с красным флагом на “Очакове” до конца восстания реял и кормовой Андреевский флаг”.

Красные флаги подняли: дивизия, присоединившиеся к “Очакову” контрминоносцы “Свирепый”, “Заветный”, миноносцы 265, 268, 270. Рабочий Севастополь салютовал им красными флагами на деревьях, изгородях. Но ожидавшегося на “Очакове” присоединения к повстанцам всей эскадры не последовало. Видя, что Андреевский флаг на кораблях эскадры остается, Шмидт на контрминоносце “Свирепый” предпринял безумной дерзновенной смелости обход эскадры, надеясь своим могучим словом убедить экипажи судов присоединиться к повстанцам. Машинист Александр Гладков, один из основных организаторов восстания и оставшийся преданным революционной идее до конца, был в составе команды Шмидта, когда он обходил суда на “Свирепом”. Рассказ Гладкова совпадает с воспоминаниями тоже непосредственного участника восстания на “Очакове” И. Вороницына.

“Свирепый” проходил под самым бортом гигантских кораблей, с оркестром, игравшим “Боже, царя храни”. Миноносец шел медленно. Шмидт один стоял на командирском мостике, безоружный, без фуражки, с развевающимися волосами, и к каждому кораблю обращался с призывом, говорил: “С нами Бог, с нами русский народ!”... Большинство судов угрюмо молчало. С некоторых офицеры осыпали Шмидта оскорблениями, кричали:

“Изменник! Жидам проданся!” и т.д. Дружным “ура” ответила команда “Потемкина”, но красного флага не подняла. Все... ожидали, что вот-вот раздастся ружейный или револьверный выстрел, направленный рукою офицера, и поразит мужественного лейтенанта. Но враги были парализованы этим мужеством, этой, как потом говорили они, небывалой по дерзости прогулкой невзрачного лейтенанта, призывающего к мятежу матросов в присутствии командиров и офицеров чуть ли не всего Черноморского флота.

После объезда судов Шмидт с вооруженной командой перешел на катер и на нем подошел к транспорту “Прут”, служившему тюрьмой для потемкинцев. Он поднялся безоружный по трапу и объявил встретившим его офицерам “Прута” и военного караула, охранявшего заключенных, что они арестованы, а их узники свободны. Он предлагал им убить его, гарантируя безнаказанность, когда они пытались протестовать. “Но если вы меня не убьете, я освобожу потемкинцев!” - воскликнул он, трагическим жестом открывая грудь. И офицеры отошли в сторону, а команда транспорта с торжествующими криками подняла красный флаг и бросилась открывать каюты арестованных”.

Примечательно, что на “Пруте” в тот момент было 150 человек команды, а на безоружном “Свирепом” - 50. Освобожденные потемкинцы, по словам очевидцев, при этом особенной радости не испытывали... “поминутно кланялись и просили “землячков” отпустить их на берег “до начальства”. Их просьбу скоро исполнили... освобожденных “героев” высадили на пристань Минной бухты, откуда они и явились добровольно к генералу Неплюеву.

После обхода кораблей со Шмидтом произошла истерика. Моишеев и Пятин проявили истинную преданность “красному адмиралу”. “Необходимо скрыть от команды припадок Петра Петровича... Чтобы ни один человек не знал. Иначе - все погибло!”, - шепотом приказал Моишеев.

Евгений напишет потом: “... Отец постепенно приходил в себя. Стараясь улыбнуться, сконфуженно проговорил: “Нервы

сделались, как у бабы. Три ночи не спал, питался подобно святому Антонию - и вот результат". И... отправился на "Свирепом" на "Пантелеймон". Этот рейд был почти триумфальным. Команда встретила "красного адмирала" радостно. Офицеры безоговорочно подчинились Шмидту и были отправлены на "Очаков". Но радоваться по большому счету было нечему. Прибуксированный из Румынии бывший броненосец "Князь Потемкин-Таврический", переименованный в "Святой Пантелеймон", был полностью обезоружен и не представлял никакой опасности при внушительном виде.

"Свирепый" направился к главному рейду, к линейным кораблям. И снова безоружный Шмидт, стоя во весь рост на капитанском мостике, громко предлагал офицерам и командам кораблей застрелить его, если они находят его деятельность вредной для России, или же присоединиться к нему, если его поступки им кажутся правильными. "Ответ линейных кораблей не замедлил последовать. Он показал всю преступность кучки не признающих отечества "партийных недоумков", подбивших несчастных матросов на ряд губительных для них безумств, и всю правоту моего отца, умолявшего повстанцев не медлить ни минуты и ликвидировать свой мятеж, доказывая его полную неподготовленность и несвоевременность", - напишет 20 лет спустя Е.П. Шмидт-Очаковский в своих воспоминаниях. Проникновенные призывы народного трибуна не возымели должного действия. Его физические силы были на исходе.

Матросов линейных кораблей высокое флотское начальство предусмотрительно заключило в трюмы. А офицеры источали ненависть своему бывшему коллеге. Как потом скажет один из недоброжелателей П.П.Шмидта, - "Два понимания долга столкнулись на кораблях Черноморского флота в ноябре 1905 года". Один глобальный, отвлеченный - постоять за царя и Отечество, другой - за конкретных, страдающих от тяжелой жизни матросов, которые плоть от плоти, кровь от крови народа.

Между тем, на "Очакове" ждали своей участи около 70 пленных офицеров. Шмидт, выступая перед ними, заявил: "Кре-

пость, казармы, Брестский полк и часть судов на стороне народа. (Шмидт не знал, что как раз в этот миг пехота и артиллерия ему изменили. - А.В.)... Крепостная артиллерия в несколько минут может стереть в порошок враждебные народу суда. Генерал Меллер-Закомельский бессилен против нас что-либо предпринять. Войска его сегодня или завтра присоединятся к революционным флотским казармам... Мною уже послана Государю Императору телеграмма от лица Черноморского флота с требованием созыва Учредительного Собрании. Если ответа или согласия на нее не последует и бюрократия и на этот раз станет между Царем и его народом, то я отрежу перешейки и запрусь в Крыму вместе с верными народу Черноморским флотом и сухопутными частями. Оставаясь непоколебимо верными своей присяге, данной Государю Императору, как Отцу Отечества и Верховному Вождю Армии и Флота, мы до последнего издыхания будем бороться с его правительством и не сойдем со своего поста, пока наше требование не будет удовлетворено или пока мы не ляжем костями". Это строки из речи П.П.Шмидта по книге воспоминаний его сына Е.П.Шмидта "Лейтенант Шмидт". Но следует обратить внимание на предостережение, которое изложено в сборнике документов и материалов "Севастопольское вооруженное восстание в ноябре 1905 года".

В нем уточняется: "Сотрудник "Одесских новостей" И. Г-к, излагавший на страницах газеты речь П.П.Шмидта, говорит: "Восстановить эту речь я имел возможность только со слов бывших в плену на "Очакове" пленных офицеров... К ней следует поэтому относиться с осторожностью. Добыть речь Шмидта "из других источников" нет сейчас возможности. При одном только выражении желания повидать Шмидта мне ответили: "Вас скорее могут повесить, нежели допустят к этому "изменнику". ("Одесские новости", №6793 от 23 ноября 1905 г.). Некоторые исследователи жизни лейтенанта Шмидта и поныне цитируют это место из речи Шмидта, без желания обратить внимание на это предостережение и вообще без желания попытаться понять

состояние Шмидта в момент чрезвычайного нервного напряжения, приписывая ему президентские амбиции.

Положение на берегу было прямо противоположным “шапокозакидательской” речи “красного адмирала” перед пленными офицерами. Крепостная артиллерия (главная надежда Шмидта), Брестский полк изменили повстанцам. “Прислуга на батареях была сменена, а орудия приготовлены к стрельбе. С этого момента восставшие на судах и в дивизии становятся совершенно беспомощными”, - замечает И.П. Вороницын. Несколько слов о самом Вороницыне. Сын полковника Иван Вороницын был руководителем севастопольской организации РСДРП, примыкал к ее меньшевистскому крылу. В ноябре 1905 года ему было 20 лет. По причине возраста смертная казнь ему была заменена пожизненной каторгой. До амнистии 1917 года 5 лет отбывал каторгу в ручных кандалах, 10 - в ножных. На митингах в Севастополе призывал “биться до последней капли крови”. После гибели руководителя повстанцев Сиротенко - командовал миноносцем “Свирепым” во время восстания. Е.П.Шмидт-Очаковский называет И.П.Вороницына одним из “храбрейших и честнейших русских людей”. Сам И.П.Вороницын, отдавая должное честности, смелости, искреннему желанию Шмидта добиться для народа лучшей жизни, относился к нему критично.

Командир восставшего “Очакова” И. Уланский в своих воспоминаниях о соотношении сил повстанцев и правительственных войск пишет: “К 12 часам 15 ноября мы подсчитали свои силы. На нашей стороне было 12 кораблей, слабо вооруженных, с небольшим запасом снарядов. У 4000 матросов и солдат, укрепившихся во флотских казармах, не было орудий, мало патронов. Против нас было 22 корабля с очищенными от революционно настроенных матросов командами. Из состава крепостной артиллерии было изъято свыше половины артиллеристов, их заменили унтер-офицеры, готовившие орудия к стрельбе по революционной эскадре. На приморских высотах было установлено 60 полевых орудий. Несмотря на поддержку железнодорожников, отказавшихся под-

возить войска к Севастополю, командование Одесского военного округа сумело использовать дни, когда мы медлили, и собрало в Севастополе около 10000 солдат. На бульваре, на Северной стороне, царские власти установили артиллерию”.

Жерла орудий были направлены на восставший крейсер “Очков”.

В рапорте Николаю Второму 28 ноября 1905 г. о подавлении восстания генерал Меллер-Закомельский докладывал: “... В строю 15 ноября было на Южной стороне 2040 штыков, 4 пулемета, 18 орудий и 110 сабель; на Корабельной стороне 1730 штыков и 80 сабель и на Северной стороне 220 штыков и 10 орудий... Частями, верными долгу службы, были: 50-й пехотный Белостокский полк, крепостной пехотный батальон, 13-я пулеметная рота, 13-я артиллерийская бригада, крепостная минная рота, крепостной телеграф, 6-я сотня Донского казачьего полка и отряд пограничной стражи. Нравственная устойчивость этих частей, их преданность престолу спасли положение; малейшее с их стороны колебание могло повлечь за собой самые бедственные последствия: флот и крепость были бы в руках мятежников”.

РАССТРЕЛ

Очевидцы и участники восстания на крейсере “Очаков” свидетельствуют, что до рокового решающего момента единоборства двух бронированных соперников и антиподов “Ростислава” и “Очакова” на “Ростиславе” 6 раз поднимался и спускался красный флаг. Значительная часть матросов разделяла требования и настроения восставших матросов. Но “очищенный от революционной заразы” и внявший увещаниям отцов-командиров и самого Главного - Чухнина, хорошо вооруженный “Ростислав” представлял серьезную опасность для безоружных восставших. Они стояли в Корабельной бухте друг против друга. Один под красным, другой под Андреевским флагом. “Очаков” был больше склонен говорить языком призыва, “Ростислав” - орудий. Победа одного была гибелью для другого.

Иосиф Гелис, автор исследования “Ноябрьские дни в Севастополе в 1905 г.”, о расстановке судов на рейде к моменту катастрофы пишет: “Рядом с “Ростиславом” при входе в южную часть бухты стоял броненосный крейсер “Гридень”. Дальше, против конторы порта - канонерская лодка “Терец”. Еще немного дальше, ближе к середине бухты - минный заградитель “Буг”... Он имел несколько сот мин с начинкой, в общей сложности до 600

пудов пироксилина”. Это была очень опасная единица на любом театре военных действий, т.к. шальной выстрел, угодив в это минное скопище, мог превратить в прах не только эскадру, а все вокруг в радиусе 10 верст, в т.ч. и славный город Севастополь. “Имея на буксире такую пироксилиновую штуку, можно было быть гарантированным не только от поражения, но и вообще от каких бы то ни было наступательных действий со стороны врага. Вот этот самый “Буг” “Очаков” и хотел взять на буксир”. По-видимому, Шмидт надеялся, что при таком близком соседстве с “Бугом” Чухнин не рискнет стрелять по “Очакову”. О том, что происходило дальше, рассказали сами участники восстания и непосредственные очевидцы севастопольской трагедии. Вот небольшие отрывки из их воспоминаний.

И. Уланский, командир “Очакова”. “В 3 часа дня нам был предъявлен ультиматум о сдаче к 5-и часам. Мы не ответили на этот ультиматум. Большие надежды возлагали на транспорт “Буг”, на котором хранились мины. Он рассматривался нами как некая неприступная крепость. Под “защитой” его мин и пироксилина мы рассчитывали оттянуть бой, перейти затем в наступление. Но когда катер повел “Буг” к “Очакову”, командир канонерской лодки “Терец” Ставраки выстрелом с ближайшей дистанции потопил катер. “Буг” лишился буксира. На утонувшем катере перевозились также ударники от орудий “Пантелеймона”. Офицеры с “Терца” продолжали обстрел “Буга” из винтовок, и минному транспорту угрожал взрыв. Но этого не произошло, т.к. на “Буге” были открыты кингстоны, и он пошел ко дну. Команда его бросилась за борт и под усиленным огнем с “Терца” стала вплавь добираться до берега. Многие погибли в волнах”.

Выстрел с “Терца” стал сигналом для убийственного огня по “Очакову”, другим восставшим судам, по флотским казармам. Как пишет И.Гелис, стреляла крепостная артиллерия из константиновских батарей, за ней - полевая с Северной стороны, пулеметы с Исторического бульвара, с места около дома городского головы, стреляли армейские части, стоявшие на Графской приста-

ни. “В то время, как пулеметы осыпали огненным градом порт и казармы флотской дивизии, артиллерия с трех концов из 11-ти орудий - крепостная, полевая 13-й бригады и с “Ростислава” - сосредоточила огонь на “Очакове”.

И.Захарченко, матрос “Очакова”. “Положение “Очакова” было безвыходным. Пожар быстро распространялся по всему судну, обдавая нас жаром, сжигая многих... Снаряды продолжали рваться на палубе. Мы, около сотни матросов, оставшихся на палубе, лихорадочно изыскивали способы связаться с флотскими казармами. Вот бросился в воду Антоненко. Сильный, мужественный комендор, он плыл в одежде по бухте, часто ныряя, чтобы спастись от пуль... “.

Е.Шмидт-Очаковский, сын лейтенанта П.П.Шмидта. “Залп следовал за залпом с промежутками 5-10 секунд. “Ростислав” бил методически и без промаха (мудрено промахнуться на дистанции 200 саженей!), всем левым бортом, орудиями различных калибров; крепость садила в нас 11- и 10- дюймовками. Артиллерийские офицеры оказались “знатоками” своего дела: во время боя “Очаков” получил 52 пробоины только от одних крупных калибров. С Северной стороны и с Исторического бульвара полевая артиллерия генерала Меллер-Закомельского обстреливала казармы и нас перекидным огнем; с Графской пристани палубу “Очакова” поливали из пулеметов... Потерявшая рассудок толпа промелькнула перед моими глазами, как горячечный сон. Орудия “Очакова”, наведенные на “Ростислав”, были брошены прислугой при первом же залпе с “Ростислава”... Повстанцы бросались в воду, лезли в трюмы, на ванты... В воде их продолжали беспощадно расстреливать из пулеметов; кому чудом удавалось доплыть до берега, того приканчивали солдаты карательного отряда...

После первого залпа я увидел среди бегущей и ревущей массы моего отца с распростертыми руками. Он хватал матросов, преграждал им путь, останавливал, стараясь прекратить панику и водворить порядок. Но его слова: “С нами Бог, с нами русский

народ!” - не производили больше никакого впечатления. Исчезла всякая дисциплина, и люди, только что слепо повиновавшиеся ему и верившие, как в провидение, отталкивали его и бежали куда глаза глядят... Залпы “Ростислава” и батарей соперничали друг с другом, без конца обрушивались на “Очаков”. Мне до сих пор непонятно, как он не разлетелся в щепы... Несчастный крейсер, пронизываемый со всех сторон снарядами, большинство которых било по нему в упор, прямой наводкой, содрогался всем своим огромным корпусом. Раздирающие стоны невидимых жертв неслись отовсюду, корабль казался живым существом, исходящим кровью...

“Очаков” не сделал ни одного выстрела: я находился на нем до последней минуты и могу с полной уверенностью утверждать факт молчания очаковских орудий за время “боя”, сознавая всю ответственность подобного утверждения... В верхних частях корабля остались бесформенные груды обломков. Я стал ходить между ними, разыскивая отца... Он бежал с обезумевшими, остекленевшими глазами, иссиня бледный, заглядывая во все углы и хрипло крича мое имя...

- Слава Богу, слава Богу!... - проговорил он от ужаса и радости.
- Господи, благодарю Тебя! Давай руку. Умирать, так умирать вместе. Флаг спустил, красный, собственными руками, - признался отец...”

... Потом они поплыли к миноносцу 270. Пространство от пылающего факела “Очакова” до миноносца было в кровавых разводах, среди которых было множество плывущих голов... Время от времени они исчезали в морской холодной пучине... Отец и сын оказались на миноносце почти уже потеряв надежду на спасение. Кто-то зацепил их, тонущих, баграми и выволок на палубу...

А.И.Куприн, писатель. “Мне приходилось в моей жизни видеть ужасные, потрясающие, отвратительные события. Но никогда, вероятно, до самой смерти, не забуду я этой черной воды и этого громадного пылающего здания, этого последнего

слова техники, осужденного вместе с сотнями человеческих жизней на смерть сумасбродной волей одного человека... Оттуда, среди мрака и тишины ночи, несется протяжный высокий крик:

- Бра-а-тцы!

И еще, и еще раз... А гигантский трехтрубный крейсер горит. И опять этот страшный, безвестный, далекий крик:

- Бра-а-тцы!

А крейсер беззвучно горел, бросая кровавые пятна на черную воду... Тут, в толпе, многое узналось. О том, что в начале пожара предлагали “Очакову” шлюпки, но что матросы отказались. О том, что по катеру с ранеными, отвалившему от “Очакова”, стреляли картечью. Что бросавшихся вплавь расстреливали пулеметами. Что людей, карабкавшихся на берег, солдаты приканчивали штыками... ”.

ПИР ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Сколько времени длился “бой”, в котором град, шквал, бешеный поток снарядов летел в одну сторону, в основном по одной цели - восставшему “Очакову”, а с него, мятежного, как свидетельствовали пребывавшие на нем матросы, не последовало ни одного, даже ответного? И.П. Вороницын, в этот момент заменивший на “Свирепом” его убитого революционного командира Ивана Сиротенко, в своей книге “Лейтенант Шмидт” пишет: “Морской бой”, как сообщали торжествующие победители, начался в 3 ч. 15 мин., а по “Очакову” стрельба была прекращена в 4 ч. 45 мин. Но очевидцы утверждают, что от первого выстрела до последнего прошло не менее двух с половиной часов”.

Евгений Шмидт-Очаковский, на протяжении всего “боя” стоявший за щитом орудия на палубе “Очакова” в ежесекундном ожидании смерти, о длительности убийственного шквала вспоминает: “Из сопоставления различных фазисов “боя” 15 ноября 1905 г. и чтения официальных документов, как правительственных, так и революционных, я почти с математической точностью установил, что от начала “боя” (первый залп с “Ростислава”) до момента, когда я оставил горящий “Очаков”, бросившись в воду,

прошел 1 час 15 минут. Ровно столько я провел на борту “Очакова” под убийственным, непрерывным почти градом снарядов”.

О количестве погибших в этой лавине огня в официальной информации властей сообщалось более чем скромно: “... С “Очакова”, по прекращении на нем пожара, было снято 15 обуглившихся трупов, 16 ноября выплыло 3 трупа, а в последующие дни постепенно выплывали еще трупы и предавались земле”. В газете “Борьба” №№ 7-8 за 1905 г. в статье “Первые дни революции в Севастополе”, опубликованной в ноябре, сразу после подавления восстания, по рассказам оставшихся в живых его участников значится: “Матросы погибли почти все: из всей команды спаслось может быть каких-нибудь 40-50 человек. Матросы бросались в воду и спасались вплавь... Солдаты с берега расстреливали плывущих матросов”.

Остававшийся до последних минут на горящем разбитом “Очакове” один из преданных революционной идее командиров мятежного крейсера С.П.Частник в письме к черноморским матросам, написанном за несколько часов до казни, заметил, что на крейсере “убили 400 жизней чистых и бескорыстных борцов за освобождение от крепостничества... “.

Кондуктор “Очакова” Д.П. Вдовиченко, сразу после пожара побывавший на крейсере, описал страшную картину. Вот отрывки из этих жутких воспоминаний: “...Снаряды все кругом разнесли вдребезги... На полу, исковерканном и закоптелом, скрученные куски железа и местами возвышаются какие-то черные, как смоль с жирным блеском кучки... Черный маслянистый пепел разъехался, из-под него забелелись человеческие кости... Я понял, что передо мной останки людей, сгоревших и истлевших на раскаленной палубе... Разорванный человек, залитый черной кровью... Тело человека огромного роста, но без головы, которая была срезана точно бритвой... Кисть человеческой руки... Связка кишок... Куски мяса с кожей и торчащей из глубины костью... Из морского госпиталя вытребовали 18 гробов. В 3 из них уложили уцелевшие трупы, а остальные 15 заполнили довер-

ху разорванным мясом. Печальные останки эти отбуксировали к даче Главного Командира Черноморского флота “Голландия”, находящейся на Северной стороне, и там, где-то за садом “Его Превосходительства”, зарыли...”.

Как донесла через столетия людская память, Григорий Павлович Чухнин очень любил свой, воистину райский уголок - дачу “Голландия”, разводил там необыкновенной красоты цветы... В Севастополе сказывали, что одной только сирени в саду Главного Командира росло 14 видов...

Примечательно и другое. Как докладывал главный умиритель восстания Меллер-Закомельский Императору, “с “Очакова” были сняты захваченные в разное время мятежниками офицеры, оказавшиеся все здоровыми, кроме командира “Пантелеймона” капитана I ранга Матюхина, раненного мятежником-часовым после первого выстрела по “Очакову”.

... О количестве погибших на крейсере оставшиеся в живых “очаковцы” узнают потом. А пока убежденный сторонник мирного разрешения конфликтов “красный адмирал”, поставивший одним из неперемненных условий своего участия в восстании “не пролить ни капли крови”, по воле Божьей и с его помощью доплыл до “якоря спасения” - миноносца 270. В нагом, обессиленном, едва стоявшем на ногах человеке матросы узнали лейтенанта Шмидта. Он был контужен, нога вывихнута, давала о себе знать пронзительной болью. Кто-то быстро раздобыл матросскую шинель, мокрую, в угольной пыли... Шмидт надел ее на голое тело. Придя в себя и осознав, что каратели еще не настигли миноносец, прежде всего осведомился, в каком состоянии машинное отделение миноносца. Узнав, что машина в исправности, решил увести миноносец в открытое море... Добраться до берегов Болгарии, Румынии. Матросы примкнувшего к мятежу миноносца вполне подпадали под статус политических. А посему по нормам международного права не подлежали выдаче своим преследователям. Перед Шмидтом и его новой командой забрезжила надежда

на спасение... На свободу... На чудо... Матросы подчинились своему командиру беспрекословно.

Напомню об удивительном даре лейтенанта Шмидта обретать в экстремальных обстоятельствах недюжинное самообладание, духовную и физическую силу. Плававшие с Петром Петровичем моряки РОПиТ рассказывали, что, будучи капитаном торговых пароходов, он, человек не самого крепкого физического здоровья, мог по 30 часов не сходить с капитанского мостика в шторм... Не терял присутствия духа и веры, спасал положение, когда множеством людей овладевали страх, паника, растерянность. На миноносце 270 эта его способность проявилась вновь. (Этот эпизод в сокращенном варианте цитирую по воспоминаниям Е.Шмидта-Очаковского. - **А.В.**).

“- Команда, по местам! - крикнул отец, встав за штурвальное колесо.

Машинисты и кочегары, как бешеные, суеились у топки, доводя давление паров до максимального напряжения.

- Полный ход вперед! - крикнул отец в слуховую трубку, ведущую в машинное отделение.

... С каждым ударом винта, уносившим мятежников от свирепых врагов, лица матросов светлели и оживали... Отец прирос к штурвальному колесу. Огней, конечно, не зажигали, и от отца требовались особенные внимание и осторожность, чтобы благополучно вывести миноносец из опасного места и выйти в открытое море из-под обстрела флота и береговых батарей. Я стоял за спиной отца и видел только шапку его густых волос, матросскую шинель и голые ноги. Когда отец налегал всем корпусом на рукоять колеса, его фигура на фоне темно-лиловых сумерек казалась силуэтом гиганта, ворочающего огромными глыбами. Да! Отец изнемогал, делал последние, страшные усилия, чтобы спасти жизнь заключенных в узкой стальной коробке трех десятков человек, которые ему заменяли весь мир!”.

И вот на миноносце уже видят Херсонесский маяк... Вот уже маяк позади... И... первый снаряд с “Ростислава”... Но миноно-

сец все же “летит” на крыльях надежды... Впереди морской простор... Он уже, кажется, открывает измученному кораблю путь к спасению... В чужие воды... И... второй, а потом и третий снаряды пробивают железное “тело” беглеца. Смерть остервенело гналась за миноносцем, размолотила его “сердце” - машинное отделение. Умения артиллеристам с “Ростислава” было не занимать.

... В дверь кубрика хлынул отсвет далекого пожарища, “Очаков” все еще горел. Просунулся частокол штыков... Послышался голос: “Сдаетесь? Выходите, не бойтесь... Я пришел вызволять вас из беды...”. Это был голос начальника отряда. Шмидт вышел, но вывихнутая нога напомнила о себе пронзительной болью. Его подхватили конвойные и снесли на катер. Женя, в первый момент пребывания на миноносце, дабы хоть как-то прикрыть наготу и согреться, завернулся в кусок красной материи, оказавшейся революционным флагом, теперь произвел на конвойных весьма странное впечатление. Но после того как объяснил, что он сын лейтенанта Шмидта и завернулся в столь нелепый “плащ”, чтобы согреться, - начальник конвоя распорядился дать Шмидту-младшему матросскую шинель.

В числе других задержанных “красного адмирала” и его сына, полуголых, босых, в матросских шинелях, катер мчал на “Ростислав” мимо догорающего “Очакова”. В гигантском костре из человеческих тел и металла догорала и надежда... Сгорели и письма случайной попутчицы “странного” флотского лейтенанта, с которыми он не расставался... Капризница-судьба в одно мгновение вознесла его над толпой, “произвела” в адмиралы, правда, всего лишь в “красные”... И... сбросила со своих сияющих вершин... На милость “победителей”, то бишь на доблестный броненосец “Ростислав”. Пока на “Ростислав”...

Главный Командир Черноморского флота и портов Черного моря вице-адмирал Чухнин 16 ноября 1905 г. в 3 часа 35 минут пополудни телеграфировал Государю о том, как доблестно действовали в подавлении восстания команды крейсеров “Капитан

Сакен”, “Память Меркурия” и броненосца “Ростислав”, что... ”Очаков” едва успел сделать шесть выстрелов, как поднял белый флаг... Продолжает гореть, пожар потушить нельзя. Шмидт, переодевшись матросом, бежал, но был захвачен”.

О том, как встретили на “Ростиславе” захваченного “красного адмирала”, рассказывает сам П.П.Шмидт. Вот текст его записки с некоторыми сокращениями:

“Когда мы подошли к “Ростиславу”, то меня вынесли и меня встретил старший офицер лейтенант Карказ (теперь капитан 2 ранга). Он неистово кричал: “А, вот он, командующий флотом, вот она, сволочь эта, тащите его за мной, тащите эту сволочь!”. Я, несомый людьми неизвестно куда, повернулся к сыну и крикнул ему, чтобы он шел за мной, т.к. боялся оставить мальчика одного среди враждебно настроенных людей, но лейтенант Карказ закричал: “Берите мальчишку, этой молодой сволочи будет такая же дорога, как старому мерзавцу”. Сын исчез среди конвоя, а меня повлекли в кают-компанию, посадили на диван, окружили многочисленной стражей... Карказ приглашал офицеров полюбоваться на меня и продолжал неистовую ругань, поднося кулаки к моему лицу. Я спросил у кого-то из офицеров, где мой сын, но Карказ закричал: “Ни слова, ни слова, мерзавец, если хоть пикнешь, то сейчас же рот завяжу!”.

... Офицеры сели ужинать. Приехали еще офицеры, бывшие на “Очакове” заложниками, которых я держал, чтобы спасти больных, освобожденных мною “потемкинцев” от бомбардировки. Начался веселый пир победителей, до меня доносились фразы обо мне. Говорили много неправды. Эту неправду некоторые из офицеров показали и на предварительном следствии, но на суде говорили правду, или умалчивали, если правда была в мою пользу. Лгал на суде явно, ничем не стесняясь и противореча всем другим свидетелям, один врач Антонов, который поместил письмо в “Новом времени” о своем пленении на “Очакове”.

... Сына моего приказал отвести ко мне адмирал Феодосьев. Спасибо этому доброму, гуманному человеку. Он старался облег-

чить нам наше положение, но... между ним и нами передаточной инстанцией был старший офицер лейтенант Карказ, который отнимал все, что приказывал давать адмирал. Адмирал Феодосьев велел нам дать есть, но мы, голые и прозябшие, не могли есть. Тогда нам адмирал велел дать чаю и предложил даже ром, дал мне из своего портсигара несколько штук папирос... При адмирале лейтенант Карказ был сдержан, и нам дали немного платья и белья. Я одел сына, но сам оставался все же голым. Потом мне дали мою тужурку... и я так и оставался без всякого белья, в одной тужурке, без брюк целые сутки до моего отправления на гауптвахту”.

В этой же записке П.П.Шмидт рассказывает далее, как Карказ (некоторые исследователи жизни лейтенанта Шмидта называют Карказа в числе его сокурсников по Морскому училищу) приказал держать двери помещения, где на голом полу лежали Шмидт и его сын, чтобы желающие могли насладиться зрелищем униженности “командующего черноморским флотом”... Как Карказ отнял чай, который принесли по велению адмирала Феодосьева, при этом крича, что “этим сволочам будет дан завтра хлеб и вода, а сегодня они уже жрали”... Как отняли у Шмидта мыло при одном лишь намерении умыться... Как какой-то досужий острослов из унтер-офицеров измывался над узниками на радость старшему офицеру ...

“Отец видел только багровые от алкоголя и злобы лица, тянущиеся к нему со всех сторон, и сжатые кулаки.

- Еще минуту, и меня бы разорвали, - признался отец.

Этот шабаш господ офицеров прекратил адмирал Феодосьев”, - вспоминал Евгений Петрович Шмидт.

На “Ростиславе” состоялся и первый допрос П.П.Шмидта. На первый вопрос: “Не состоит ли Шмидт членом какой-либо из революционных партий?”, - Петр Петрович ответил отрицательно. На второй: “Что побудило его изменить присяге и предаться мятежникам?”, - Шмидт сказал, что “присяге не изменял, действовать же так, как он действовал, побудили его любовь к отечеству и народу”. На третий вопрос: “Кто были его главные

сообщники?”, - возразил, сказав, что “никаких сообщников у него не было и быть не могло по той простой причине, что он принял командование восставшим флотом под одним условием - предоставления ему неограниченной власти, без права вмешательства в его распоряжения какого бы то ни было лица или организации...”, но потом добавил: “Впрочем, хотя сообщников у меня не было, но сообщница была...”. Ведущий допрос лейтенант насторожился, спросил: “Кто же?”. “Вся Россия...”, - с готовностью сообщил Шмидт.

ВСТРЕЧА НА “ДУНАЕ”

Ночь на “Ростиславе” с 15 на 16 ноября прошла для Шмидта и его сына в мучительном желании заснуть. Бьющий в глаза электрический свет, голые доски пола, пронизывающий холод, иезуитские издевательства Карказа не позволяли забыться даже в полусне. А Женю еще и преследовала мелодия песни о ямщике... “Степь да степь кругом, путь далек лежит... В той степи глухой за-а-мерзал ямщик...”. Безысходность надрывала душу. Победители, однако, не только предавались хмельному торжеству. На “Ростислав” съехались офицеры со всех судов Черноморской эскадры, стоявших на рейде, решать судьбу арестованных повстанцев, лейтенанта Шмидта в частности.

Ни обильное застолье, ни напитки, ни радость “победы” души победителей не смягчили. Три четверти господ офицеров, присутствовавших на этом “особом совещании”, были за то, чтобы предать вожака мятежников - Шмидта корабельному суду. То есть суду немедленному, который обжалованию не подлежит и однозначно означает смертную казнь через повешение. В назидание настоящим и будущим радетелям свободы, равенства и братства. Впечатляющее это предложение на пороге XX столетия сильно отдавало глухومانью временной и нравственной. Корабельный

суд, как форма наказания, использовался в далекие времена в парусном флоте, когда суда находились в морских и океанских просторах долгие месяцы, а то и годы. Отправить правосудие в законном порядке возможностей по этой причине не было, а смуту на корабле надобно было пресечь немедленно, дабы не дать ей распространиться.

“Очаков”, последнее слово судостроительной техники, - был не в океане, а стоял на открытом рейде у родных берегов. Правосудию в законном порядке ничто не препятствовало. Словом, корабельный суд, в случае его применения, явно продемонстрировал бы цивилизованному миру дремучесть российских нравов и торжество беззакония. Некоторые из участников этого офицерского собрания предлагали предать руководителя восстания военно-полевому суду, который если и осуществляется, то в условиях военного положения. Короче, сторонники такого рода правосудия ратовали за то, чтобы разделаться с “врагами царя и отечества” быстро, радикально и без особых юридических церемоний. Военно-полевой суд вроде бы даже назначили на 17 ноября.

Небольшая, но наиболее благоразумная часть участников совещания на “Ростиславе” напомнила сторонникам решительных мер о том, что матросское восстание хоть и подавлено, но пожар может вспыхнуть вновь при первой же искре нового возмущения. Расправа без суда и следствия может эту искру воспламенить мгновенно. Это хорошо осознавал и Главный Командир Черноморского флота и портов Черного моря. 17 ноября 1905 г. в 11 часов 50 минут ночи вице-адмирал Чухнин послал Николаю Второму зашифрованную телеграмму. В ней значилось: “Военная буря затихла, революционная - нет. Все насыщено тайной деятельностью к отмщению якобы за насилие... “. Предостережение Главного Командира действовало на господ офицеров отрезвляюще. Порешили “оставаться на почве строгой законности и не препятствовать естественному ходу военно-морского правосудия”.

Но “естественный” ход фемиды явно поторапливали сверху. Военный прокурор И.А.Ронжин, которому было поручено вести

дело мятежников, через командующего Одесским военным округом барона Каульбарса получил указание военно-морского министра: "... выделить дело Шмидта и решить его в одну неделю...". Прокурор якобы настоял на том, чтобы дело велось "нормальным, военно-юридическим порядком".

Государь был очень обеспокоен событиями в стране, на доблестном Черноморском флоте, старался успокоить своих близких. 17 ноября отправил из Царского Села письмо матушке Марии Федоровне Романовой:

"Милая, дорогая мама!

Еще одна тяжелая неделя прошла. Крестьянские беспорядки продолжаются, в одних местах они кончаются, а в новых местностях начинаются. Их трудно остановить потому, что не хватает войск или казаков, чтобы поспевать всюду. Но что хуже всего, это новый бунт в Севастополе в морских командах на берегу и в некоторых частях гарнизона. До того больно и стыдно становится, что словами нельзя выразить. Вчера, по крайней мере, ген. Меллер-Закомельский энергично покончил с мятежом; морские казармы взяты Брестским полком, и крейсер "Очаков" сдался после стрельбы с "Ростислава" и артиллерии на берегу. Сколько убитых и раненых, я еще не знаю. Подумать страшно, что это все свои люди! Какой-то прогнанный со службы офицер - бывший лейтенант Шмидт провозгласил себя командиром "Очакова", но после боя бежал, переодетый матросом, и был пойман. Его, конечно, придется расстрелять!

Вероятно, ничего этого не случилось бы, если бы команда "Потемкина" была строго наказана, а не осталась за границей. Пропаганда в войсках проводится в последнее время очень сильно, и бороться с нею можно только надзором и внимательным отношением к солдатам со стороны офицеров, как это существует в гвардии...".

Мария Федоровна, в свою очередь, писала сыну - Императору всея Руси:

“... Вчера я, наконец, получила старое письмо от бедной Ксении, телеграммы совсем не доходят. Она в полном отчаянии от всех гадостей в Севастополе и пишет, что несколько дней положение в Ялте было очень неприятное, так как там ожидался приход взбунтовавшихся судов с подлецом Шмидтом. Но, слава Богу, его поймали раньше, к большому разочарованию ялтинских революционеров. Надеюсь, что с Шмидтом покончили, а то, пожалуй, он еще убежит, с такими канальями церемониться не надо. Ксения страшно беспокоится насчет добрых офицеров - задержанных на “Очакове”, все ли они спаслись? Надеюсь, что ты имеешь известие...”.

Старший офицер “Ростислава” лейтенант Карказ будто слышал это “царственное” - “с такими канальями церемониться не надо...” - и не церемонился. Махал кулаками перед носом бывшего коллеги, поверженного вожака повстанцев, с неистовой злобой, сыпал оскорблениями, лишал еды, возможности умыться... “... Мы сидели неподвижно... Я долго не решался взглянуть на отца. Когда взглянул, то увидел катившиеся по лицу его горькие, бессильные слезы унижения. Тогда, смотря на отца, я дал себе молчаливую клятву безжалостной и беспощадной мести. Я поклялся, что если останусь в живых, то за каждую слезу, пролитую дорогим существом, заплачу кровавыми муками его подлому врагу...” - пишет Евгений Петрович Шмидт-Очаковский в своих воспоминаниях.

Ночью с 16 на 17 ноября узникам приказали одеться. Шмидту-старшему принесли, наконец, белье, брюки и штiblеты. С помощью сына он оделся. Но идти сам не мог. Его вели под руки двое часовых. Куда? Темная, без единой звездочки ночь... На палубе “Ростислава” пустынно. Только часовые у трапа. Приказ старшего конвоя арестованным: “Сохранять абсолютное молчание”. Узники были уверены, что их везут на расстрел... В паровом катере, охраняемые взводом матросов, отец и сын безмолвно “разговаривали” друг с другом. Петр Петрович выводил пальцем на ладони сына два слова: “Все хорошо”. Катер сопровождал луч

прожектора с “Ростислава”. Броненосец не выпускал свои жертвы из поля пристального внимания. Женя мысленно благодарил Господа за то, что они с отцом вместе, что бесчеловечные враги отца не разлучили их в этом, возможно, последнем пути.

Катер, окружившись в кромешной морской темноте, остановился у пристани. Отца и сына не оставляла мысль, что уж теперь-то их точно привезли на расстрел... Конвой остановился у здания гауптвахты. На новом месте пребывания, в камере было две кровати с тюфяками и суконными одеялами. После “гостеприимства” на “Ростиславе” - со спальными местами на голом, холодном полу, - это была почти роскошь. “Когда мы остались одни, отец судорожно обнял меня и долго целовал; не мог прийти в себя от счастья, ему все еще не верилось, что смерть прошла над моей головой”. Первый раз после ареста отец и сын крепко заснули.

На Херсонесской гауптвахте с “красного адмирала” был снят первый допрос. Тот, что был на “Ростиславе”, - произведен по воле Чухнина. Настоящий допрос вел полковник Ронжин. П.П.Шмидт давал показания более трех часов. После него прокурор допрашивал Евгения. Его допрос длился не более 10 минут. Отец и сын условились заранее говорить голую правду. Ронжин остался доволен, сказал сыну вожака повстанцев: “Ваши показания вполне сходятся с показаниями Петра Петровича. Я убедился, что вы правдивый и честный человек, горячо любящий к тому же своего отца. С моей стороны не встретится никаких препятствий для благоприятного отзыва на предмет вашего освобождения... и еще один вопрос, не очень существенный, но важный для меня. Вы разделяете политические убеждения вашего батюшки?”, - спросил прокурор.

“Даже если бы я их совершенно не разделял, я счел бы величайшей подлостью ответить отрицательно на ваш вопрос”, - ответил сын лейтенанта Шмидта..

Когда изысканно вежливый прокурор ушел, Женя спросил отца, почему, для кого и для чего он так подробно давал показания?

“Для России, - тихо ответил отец, - пусть она все узнает”.

Пребывание на главной гауптвахте длилось около двух суток. 18 ноября Шмидта и его сына перевозили на новое место. И опять тайно. И снова их преследовала мысль: “Везут на расстрел...”. Баркас остановился на берегу одинокой пристани. Неподалеку в темноте угадывался знакомый силуэт транспорта “Дунай”, на котором служил старшим инженером-механиком В.Г.Володзько, старый друг Шмидта и член мертворожденного “Союза офицеров - друзей народа”.

На “Дунае”, вопреки всем ожиданиям, арестованных поместили в большую, роскошную, комфортабельную офицерскую каюту. Две кровати сверкали ослепительно белым постельным бельем. В каюте был умывальник с набором туалетных принадлежностей. За четверо суток пребывания под арестом отец и сын впервые помылись. Им подали кофе со сливками, обильный изысканный обед из четырех блюд, отменное вино, две сотни отличных папирос, табак и даже пачку свежих газет. Этот кратковременный рай на “Дунае” обеспечил Виктор Генрихович Володзько. Как это ему удалось при сравнительно скромной офицерской должности, - знает один Господь Бог. А вот свидетелься лично с арестованным другом ему не удалось. Но записку Шмидту он все-таки передал. Володзько писал другу, что сделает все для облегчения участи его и сына. Это доброе движение благородной души дорого обошлось Виктору Генриховичу. Нашлось всевидящее око и на “Дунае”...

... Сестра П.П.Шмидта Анна Петровна о восстании на “Очакове” узнала случайно. 16 ноября в руки ей попался листок, в котором было напечатано: “... В случае каких-либо насильственных действий со стороны казаков по отношению к гражданам я буду вынужден принять решительные меры. Командующий Черноморским флотом П.Шмидт. 15 ноября 1905 г.”. Сразу же

поехала в Севастополь. На пароходе наслушалась разных кри-
вотолков. Среди недоброжелательных, оскорбительных были и
сочувственные. На Соборной, 14 она увидела заколоченные окна.
Старая родственница Шмидтов сообщила сестре новоявленного
“красного адмирала” о том, что Шмидт “хотел взорвать город
пироксилином” и прочие новости в этом духе. Лорд, любимая
собака Петра Петровича и Жени, наоборот, ластился к сестре
вдруг исчезнувшего доброго хозяина. Солдат Федор, живший у
лейтенанта Шмидта, поведал Анне Петровне, что сразу после
ареста Петра Петровича его квартиру опечатали, оставив Федору
для проживания кухню.

С просьбой разрешить свидание с братом или помочь ей в
этом, - Анна Петровна направилась к городскому голове Макси-
мову, а потом к прокурору Ронжину. Тот ответил: “Ваш брат на
Херсонесской гауптвахте, и нет той власти, которая бы разреши-
ла вам видеться с ним теперь”.

Разыскивая знакомых брата, нашла адрес Володзько. Виктор
Генрихович был на службе. Его жена, Мария Павловна, узнав,
что Анна Петровна - сестра Шмидта, заплакала... “Я боготво-
рила Петра Петровича, - говорила она. - Если бы вы знали, как
лгут и злословят его враги: “Жидам продан за деньги...”. А
я знаю, как нуждался в деньгах Петр Петрович. Вот карточка,
которую он прислал мне за три дня до восстания. (Она показала
мне карточку, на которой рукой брата было написано: “Дорогая
Мария Павловна, дайте моему Федору пять рублей мне на про-
питание”). И когда я, в восторге, что могу услужить Петру Пет-
ровичу, послала ему пятьдесят рублей, он очень обрадовался и
заплатил за месяц обеды себе и сыну”.

“Слезы мешали ей говорить, - пишет далее в своих воспоми-
наниях сестра П.П.Шмидта А.П.Избаш (в девичестве - Шмидт).
Это была первая семья в Севастополе, которая оказала сочувст-
вие моему страшному горю. За дружбу с лейтенантом Шмидтом
Володзько было приказано немедленно подать в отставку, а жена
его вскоре после этого умерла в психиатрической больнице, оста-

вив троих сироток-детей. Позже Виктор Генрихович рассказывал мне, что в минуты просветления больная говорила о Пете: “Где Петя, что с ним? Много ли времени прошло после восстания?” - и начинала плакать”.

Все усилия Анны Петровны добиться свидания с братом в Севастополе были напрасны. Ранним утром 20 ноября “Дунай” остановился в море, неподалеку от города Очакова. В сопровождении конвоя узников высадили в шлюпку и доставили на пустынный остров - форт Очаковской крепости.

ТАИНСТВЕННЫЙ ОСТРОВ

Этот остров в устье Днепро-Бугского лимана хорошо виден с берега города Очакова, но не обозначен на географических картах. Природа не трудилась над его созданием. Но о том, что он есть, знают многие. Особенно известен он морякам. На морских картах, в навигационных пособиях и лоциях Черного моря он не просто обозначен, но и даны его координаты. Этот остров своего рода указатель для судов, проходящих в Николаев или Херсон. Островной маяк ориентирует их в пути и ночью. Очаковские старожилы, которые бы помнили о том, почему и как появился этот остров, давно покинули этот свет. Некоторые ныне здравствующие местные жители, краеведы, историки, изучающие “родословную” Очакова и Причерноморского края, утверждают, что загадочный остров в устье лимана начали строить якобы по инициативе А.В.Суворова после окончания русско-турецкой войны 1787-1791 г.г. И будто бы насыпали его 25 лет непрерывно зимой и летом.

Так или иначе, рукотворный остров создан разумом военных инженеров, а также каторжным и вместе с тем героическим трудом народа бывлой огромной России, в частности, жителями сел Николаевщины, Херсонщины и солдат. Лопата, тачка, кирка,

повозка, лошадь - вот вся “техника”, которой располагали наши предки- строители. И, тем не менее, как пишут историки родного края, к 1890 году бывшее местечко Очаков превратилось в грозный оплот России на Черном море. Оборонительные сооружения крепости были построены по последнему слову инженерного и фортификационного искусства того времени. Искусственный остров для приморской батареи являлся выдающимся гидротехническим сооружением конца XIX века, тогда не имевшим аналогов в мире. По утверждению исследователей, на строительство острова и оборонительных сооружений крепости было израсходовано средств значительно больше, чем получила Россия за продажу Аляски Америке.

Гавань с причалом в восточной части острова для швартовки судов, железнодорожная ветка для подвоза к казематам пушек и снарядов, приморская батарея с более чем 40 казематами, складами, пороховыми погребами, казармой для солдат, более десятка дальнобойных, с круговым обстрелом, 11-дюймовых крепостных орудий на подвижных платформах и станках, мортиры и прочее оружие и крепостные сооружения представляли серьезную военную силу. Орудия для стрельбы поднимались из глубоких бетонированных казематов по крутым подъемам и устанавливались на специальных бетонированных площадках, а после стрельбы опускались вниз и практически были неуязвимы для ответного огня противника. Батарея острова надежно защищала вход в лиман со стороны моря между Кинбурнской косой и Очаковским мысом.

Это творение человеческих усилий называли “чертовым островом”. В советское время его нарекли Первомайским. Менее идеологизированное его название - остров Морской батареи. Лейтенант Шмидт назвал его “Мой остров”. Сделал его рисунок 1 марта 1906 года на борту плавучей тюрьмы “Прут”, за пять дней до казни. С того печальной памяти времени загадочный остров стал известен довольно широко. Сюда 20 ноября 1905 года доставили “красного адмирала” и его шестнадцатилетнего сына. Остров Морской батареи был идеальным местом, где мож-

но было с наибольшей уверенностью спрятать и до нужного часа сохранить легендарного руководителя восставших черноморских матросов. Значительная часть граждан России настойчиво требовала освобождения лейтенанта Шмидта из-под ареста. А некоторые наиболее радикально настроенные ее представители даже имели намерение освободить его силой. Гарнизон Очаковской крепости к моменту прибытия Шмидта на остров Морской батареи был усилен до одного пехотного полка, в то время как обычно численность его не превышала батальона. У некоторых сам силуэт острова вызывал ассоциацию с броненосцем “Потемкин”.

Узников поместили в 41-й каземат. Его называли “чумным”. Помещение - 12 шагов в длину, 8 в ширину. Два окна к “приезду” важных постояльцев заковали в толстые решетки. Чуть позже, уже во время пребывания здесь государственного преступника и его сына, зарешетили и застекленную предпотолочную часть просвета в двери. Это притом, что у нее денно и ночью стояла вооруженная охрана, а в соседних с камерой узников помещениях находились 20 жандармов. Как вспоминал Евгений Петрович Шмидт, несмотря на основательность стен, жандармы слышали разговоры заключенных, если они велись не шепотом. В нескольких шагах от входа в “чумной” каземат “смотрело в оба” жерло 11-дюймового орудия. Окна камеры упирались в глухую стену огромного маяка. К услугам заключенных были камин, две железные кровати, 4 табуретки и стол.

Главным стражем “красного адмирала” в каземате Очаковской крепости был сам командующий войсками Одесского военного округа барон Каульбарс. Он отвечал за сохранность государственного преступника перед Государем Императором. В его власти было усилить или ослабить тюремный режим узников. Барон встречался со Шмидтом, когда тот был капитаном РОПиТ. Каульбарс направлялся в Крым, капитан и генерал тогда долго беседовали на военные темы. Теперь судьба одного была если не в полной, то в значительной власти другого. Генерал был строг.

Приказал не допускать ни малейших снисхождений узникам, содержать их на солдатском рационе и т.д. Второе лицо, на которое возлагалась ответственность за все, что касалось пребывания руководителя повстанцев на острове Морской батареи, был комендант Очаковской крепости генерал-лейтенант Григорьев.

Непосредственным исполнителем воли этих двух государственных особ и фактическим стражем арестованного Шмидта и его сына на острове Морской батареи был жандармский ротмистр П.К.Полянский. Потом Петр Петрович скажет, что за время заключения в Очаковском каземате самое благоприятное впечатление, как это ни парадоксально звучит, у него оставили жандармы.

Ротмистр Полянский, при всей своей искренней верности царю, Отечеству и жандармскому духу, во многом облегчил существование Шмидта и его сына в каземате. Помимо казенного рациона питания: утром и вечером чай, в обед щи с мясом и каша, - Полянский на свой страх и риск лично доставлял узникам домашний, сытный и вкусный обед из трех блюд. Его готовила супруга ротмистра. Об оплате этой жизненно важной для заключенных услуги Петр Константинович и слышать не хотел. Он же принес узникам подшивку журнала “Нива” за 1902 год и романы Шеллер-Михайлова. Куревом обеспечивал арестованных бесперебойно. Разрешил кратковременные, под усиленной охраной прогулки, но Шмидт-старший этим благом не пользовался, не хотел, чтобы его лицезрели любопытные.

Но вот когда однажды Петр Петрович попросил бритву, или хотя бы чтобы его побрил и постриг жандарм, Полянский был неумолим: “Это невозможно”. Невозможно было и добиться от него разрешения получать газеты. Отказал Петр Константинович Шмидту, когда тот, страдая от головной боли, единственный раз попросил разрешения выйти на воздух. Не разрешал ротмистр и гасить на ночь лампу в камере. Этот “негасимый” свет усиливал бессонницу, ночные кошмары. “Картина недавних ужасов переживалась во сне с необыкновенной реальностью. Мне снилось,

что я плыву в ледяной воде среди моря людских голов и бесчисленных фонтанов рвущихся снарядов и никак не могу доплыть до миноносца... Плыву в море человеческой крови. Силы покидают меня, я вскрикиваю, иду ко дну и... просыпаюсь. Отец трясет меня за плечо и с нежной тревогой спрашивает: “Опять кошмар?”, - вспоминал Евгений Шмидт.

И все-таки именно жандармы доставляли заключенным отцу и сыну истинные минуты радости и даже надежды. Один из них, рядовой Хлудеев, двадцатипятилетний, интеллигентного вида солдат охраны по своей инициативе стал приносить Шмидту свежие газеты. А однажды в открытую форточку в камеру упала записка. В ней было написано: “Ваше благородие, господин Шмидт. Мы, солдаты Очаковского гарнизона, сочувствуем вам и желаем всяческого благополучия. Мы сами давно сознательные и понимаем, что страдаете за народ. Господь не попустит свершиться злему делу. Будьте благонадежны, ваше благородие, выучим”.

Выручить “красного адмирала” его доброхотам не удалось. Очаковский пехотный полк, готовый освободить Шмидта, внезапно заменили другим, вполне надежным. “Отец спокойно выслушал горестную весть и нашел, что “все к лучшему”. Заговор мог повлечь за собой сотни и тысячи жертв, чего отец, по его словам, никогда бы себе не простил”, - вспоминал Евгений Шмидт.

В каземате состоялся второй официальный и наиболее представительный допрос Шмидта. В составе явившейся следственной комиссии были ее председатель генерал Колосов, военный прокурор Ронжин, следователь - капитан первого ранга и секретарь. Прежде чем приступить к допросу, прокурор прочел обвиняемому некоторые из показаний. “Почти все знакомые показали в один голос, что участие Шмидта в ноябрьском восстании явилось для них совершенно неожиданным. Шмидт-де никогда политикой не занимался, был весь поглощен службой и воспитанием сына, свободные минуты посвящал музыке и литературе. Даже Витя Володзько, член “тайного общества”, и тот показал, что “выступ-

ление лейтенанта Шмидта поразило и потрясло его”. Наш друг старался изо всех сил хоть чем-то помочь отцу. Его показания охватывали длинейший период, от Владивостока до ноябрьских дней, и изобиловали мельчайшими подробностями. Когда Ронжин дошел до описания наших незабвенных вечеров на Соборной, 14, нервы отца не выдержали, и он разрыдался... Оправившись, отец насильственно рассмеялся, скрывая смущение: “Не обращайтесь, господа, и, ради Бога, простите. Больше этого не повторится. Я к вашим услугам, Иван Александрович, спрашивайте, - обратился он к прокурору”.

Первый вопрос, который задал военный прокурор арестованному отставному лейтенанту П.П.Шмидту: “Вы показали, что исповедуете монархические принципы. С другой стороны, вы не скрываете своих социалистических убеждений. Ни в одной из программ российских социалистических партий нет параграфа о монархическом образе правления. Согласитесь, тут неувязка”.

Ответ П.П.Шмидта: “Я уже показывал вам, что не принадлежу ни к одной из существующих в России политических партий. По моему глубочайшему убеждению, постепенное переустройство общества на более справедливых социальных началах ни в малейшей степени не находится в противоречии с теми внешними политическими формами государственного бытия, к которым привык русский народ и об изменении которых в настоящее время могут говорить только люди, мало знакомые с русской действительностью”.

Второй вопрос прокурора: “Ваша телеграмма Государю Императору с требованием созыва Учредительного Собрания далеко не рекомендует вас как монархиста. Настаивая на созыве Учредительного Собрания, в компетенцию коего входит и установление формы правления, вы, тем самым, допускали возможность решения вопроса и в пользу республики”.

Ответ П.П.Шмидта: “Я этого не нахожу. Я верил и продолжаю верить в разум и здравый смысл огромного большинства русского народа”.

Генерал Колосов во время допроса Шмидта-старшего в основном нравоучал сына государственного преступника. Предостерегал его от “пагубного” влияния отца. Сообщил Евгению, что его матушка, по выражению генерала, “весьма достойная женщина”, на коленях молила спасти его “от растлевающего влияния отца”.

Военный прокурор, окончив допрос, внешне почти дружелюбно беседовал с арестованным. Петр Петрович попросил Ронжина освободить из-под ареста сына и разрешить ему свидания с сестрой А.П.Избаш и госпожой Ризберг. Ронжин заверил, что по завершении следствия просьба будет удовлетворена.

После визита следственной комиссии пришли посылки от Анны Петровны и друга юности Петра Петровича, вообще семьи Шмидт, Екатерины Васильевны Ростковской, урожденной княжны Дабижа. Ее муж, консул Российской Империи в Македонии, Александр Ростковский в 1903 году был убит. Екатерина Васильевна с двумя детьми вынуждена была вернуться в Россию - в Одессу, где жила до замужества. Роскошные посылки с деликатесами, теплым бельем и обувью были несомненной радостью для узников. Но воистину бесценным подарком для них были письма дорогих людей. Анна Петровна сообщала о том, что предпринимает для спасения горячо любимого брата все, что возможно и невозможно, что пригласила участвовать в его защите лучших адвокатов России. Петр Петрович был воодушевлен известием о скором освобождении из заключения сына, напутствовал Женю, что, выйдя из каземата, он прежде всего должен “честно, ничего не утаивая, поведать русскому обществу правду об “Очакове” и подробно осветить все события 15 ноября”.

В двадцатых числах декабря в каземат пожаловала врачебная комиссия из трех врачей. Ее сопровождали военный прокурор и тот же следователь. Цель визита - освидетельствование психического состояния обвиняемого П.П.Шмидта. Евгений Петрович об этом весьма деликатном обстоятельстве пишет: “Анна Петровна, в лихорадочных поисках спасения жизни своему брату, ухвати-лась за мысль о признании отца ненормальным и неответствен-

ным за свои действия в момент совершения преступления. Свою надежду на признание отца душевнобольным тетка основала на факте наследственной предрасположенности, данные для чего безусловно имелись... Мы с отцом с любопытством взглянули на предоставленный нашему обозрению список предков, впервые знакомясь с доброй их половиной. Затем отец повернулся к Ронжину и врачам и решительно заявил:

- Если сестра моя добивается признания меня ненормальным, то ее можно понять: она меня любит и стремится спасти. Но вы, господа, превосходно осведомлены, что я так же здоров, как и вы, ибо если я по поступкам сумасшедший, то следует признать сумасшедшим все 150-миллионное население России, выразителем желаний которого я явился!”

Осмотрев узника, старший врач сказал, что “сам бы хотел быть таким нормальным, как лейтенант”.

В Сочельник снова пришли подарки от Анны Петровны и Екатерины Васильевны. Хлудеев принес пачку московских и петербургских газет. А ротмистр Полянский - разрешение на переписку и даже письменные принадлежности. Видимо, “железная” предопределенность участи Шмидта позволяла некоторые послабления в его содержании. 29 декабря приехала в каземат Анна Петровна, чтобы забрать племянника. С Евгения Шмидта арест был снят. “В вошедшей старухе с ввалившимися глазами, покрасневшими от почти неосушаемых слез я не узнал подвижной и моложавой сорокалетней женщины, какую я видел ее в последний наш приезд с отцом к ней в Керчь, в феврале 1905 года”, - признается в своих воспоминаниях Е.П.Шмидт-Очаковский.

Петр Петрович тогда рассказал сестре о своей случайной встрече в поезде с незнакомкой, о завязавшейся переписке, сказал: “Ты понимаешь, я ее почти не знаю, не видел, не узнал бы ее... Но переписывались мы полгода. Это была не игра, и мы не дети... Я не могу постичь, как, любя человека, не броситься к нему, когда вся Россия знает, что каждый день его могут каз-

нить... Уже прошло полтора месяца после “Очакова”... Я уверен, что она заболела... Я писал ей отсюда. Она, по-моему, давно должна быть здесь!”.

... Ротмистр Полянский был милостив, разрешил солдату-охраннику широко открыть дверь камеры, когда Анна Петровна и Женя выходили из каземата. “... Брат вдруг повернулся весь к распахнувшейся двери каземата, и взгляд его, упорный и неподвижный, устремился в нее... Этим взглядом он весь уходил в открывшиеся двери каземата... О, какая любовь к жизни, какая тоска по свободе зажглись в этом неподвижном взгляде! Позже, когда мне говорили, что брату предлагали бежать и он не соглашался, я всегда видела перед собой этот взгляд...” - вспоминала сестра лейтенанта Шмидта.

Петр Петрович несколько раз поклонился на прощанье сестре и сыну. Крепко пожал Жене руку, сказав “Господь с тобой!”, перекрестил... Дверь за ним закрылась. Анна Петровна немедленно направилась в Киев, чтобы выполнить поручение брата - найти Зинаиду Ивановну Ризберг.

ВОЛНА ПРОТЕСТА

Сын лейтенанта Шмидта на свободе. В семье Е.В.Ростковской он окружен заботой и вниманием. А в среде одесской публики - огромным любопытством. Газета "Одесские новости" поспешила взять у него интервью немедленно. Первого января 1906 г. - опубликовала его. Евгений рассказал: "На "Очакове" я оставался до того момента, когда судно было объято пламенем. Я бросился в воду предпоследним. Отец последним. Он не бежал позорно, он бросился спасать погибающих матросов, упавших в воду и очутившихся между крейсером и баржей. Стреляли в упор. Я был в столбняке. Когда опомнился, услышал оклики моего отца. Он звал меня по имени. Кроме нас никого не было. Он сказал мне: "Погибнем вместе". В этот момент снаряд попал в машину, и судно загорелось".

Анна Петровна в Киеве разыскивала Зинаиду Ивановну. Нашла ее в Ромнах, где она гостила у приятелей. Передала ей просьбу Петра Петровича и заручилась ее согласием вместе ехать в Очаков. А узник ждал писем от "своей Зинаиды". В ожидании приговора он больше всего жалеет о том, что смертная участь ждет его друзей-матросов. Но жажду жизни мятежного лейтенанта не в силах подавить даже одиночество, даже непро-

бываемые и непроницаемые стены чумного каземата. Ах, как хочется жить! Каким бы счастьем могла стать каторга! Надежда не хочет оставлять узника. Иногда он почти уверен, что жизнь все-таки победит, что успехи народного движения завоюют отмену смертной казни. Готовый принять за счастье народа смертную кару, он все-таки надеется на чудо.

И вот, кажется, оно пришло! Ночь. И вдруг мрачную камеру залил луч прожектора! “Пришли спасти меня!” - полоснула сознание счастливая мысль. Но... Корабль, направивший свои лучи в решетку каземата, где томился “красный адмирал”, прошел мимо... И снова ночь. И снова мысли... Надежда на спасение была не без оснований. Солдаты-конвоиры не просто сочувствовали Шмидту, а старались устроить его побег. Об этом свидетельствуют и документы департамента полиции. “Очаковские артиллеристы через почтово-железнодорожного чиновника пытались установить связь с Севастополем. Сохранилась копия переговоров между Очаковым и Николаевом. На телеграфной ленте записано, что в Очаковской почтово-телеграфной конторе были артиллеристы и “просили убедительно передать в Севастополь морякам, что Шмидт в Очакове, на Морской батарее, и просили спасти его, ибо носят слухи, что его хотят расстрелять...” Далее в ленте записано: “Есть предположение, что сюда придет флот с целью освобождения Шмидта...” “Постарайтесь весь разговор вырвать... За мной жандармский офицер следит”.

Участница этих переговоров - служащая почтово-телеграфной конторы г. Николаева - Максимова была уволена со службы и предана суду за участие в забастовках, агитации и за выражение готовности передать записку о П.П.Шмидте”.

А на российское правительство обрушилась мощная волна народного протеста. Письма, телеграммы, листовки, требования освободить Шмидта летят со всех концов многострадальной России и даже из-за ее пределов. Но прежде всего от моряков. 22 ноября, сразу после ареста руководителя “очаковцев”, состоялось общее собрание членов Одесского общества взаимопомо-

щи моряков торгового флота. На нем присутствовали не только члены общества, а многие судоводители Черноморского района. Собрание требовало отмены смертной казни, “гласного суда с участием присяжных заседателей над отставным капитаном 2-го ранга П.П.Шмидтом, который является одним из учредителей Одесского общества взаимопомощи моряков торгового флота”. И записало эти требования в своей резолюции.

Письмо моряков торгового флота с требованием освободить Шмидта, опубликованное в газете “Русь”, перепечатали многие радикальные газеты. “Он - невинная жертва всеобщего политического психоза, и мы, любящие в нем правду, всеми помыслами нашими восстаем против приговора, произнесенного над ним. За что же его казнить? За любовь к царю и народу?”. Письма такого же содержания поступили в редакции газет, журналов “Река и море”, “Маяк” от союза моряков русского торгового флота, общества каспийских судоводителей и т.д.

“Граждане! Требуйте отмены смертной казни! Шмидт первый самоотверженный борец за свободу, готовый умереть за свои политические идеалы! Не он ли говорил: “Довольно крови, не нужно насилия”, а его обвиняют в вооруженном восстании. Долой насилие!”. Военно-революционная организация Варшавского военного округа направила свою листовку в Россию. В ней значилось: “... Севастопольские мученики, видя, какие обиды, какие издевательства творятся над народом, возмутились. Вспомнили, что они - сыны того народа, который их заставляют расстреливать... Но не заглохла еще совесть в солдатах, и вы покажете, что никакими застрашиваниями вас не отвлечь от совместной борьбы с борющимся за свои права народом”. Капитан 2-го ранга Плишко из Кронштадта телеграфировал в каземат Очаковской крепости П.П.Шмидту: “Болею душой... благодарю за все то, что мне дорого. Позвольте вас поцеловать”.

Направила письмо в газету “Новое время”, зарекомендовавшую себя как “черносотенная”, и Доминикия Гавриловна, сообщала пикантные подробности о здоровье бывшего мужа. Чего

больше в этом послании - желания насыпать побольше соли на душевную рану Петра Петровича, “просветить” судей на предмет личности подсудимого или обратить внимание общественности на свою собственную персону, - понять трудно. Заканчивает свое послание Д.Г. словами: “Буду весьма благодарна, если и другие газеты перепечатают это письмо”. “Новое время” опубликовало его 31 декабря 1905 г. В качестве новогоднего поздравления... И добавило мучений Шмидту. Письмо сохранилось, но, думается, не стоит омрачать саму память о Шмидте его публикацией. Вот строки из письма Евгения Шмидта в газете “Русь” за 9 февраля 1906 года: “Ввиду помещенной “Новым временем” статьи матери моей, Д.Г. Шмидт, считаю своим нравственным долгом заявить, что я невыразимо мучаюсь, когда читаю ее письмо об отце, полное страшного чувства ненависти. Я никому не позволю клеветать на него!”.

ПИСЬМА ИЗ КАЗЕМАТА

Гражданская обеспокоенность судьбой лейтенанта Шмидта напоминала гигантский кипящий котел, температура в котором приближалась к критической отметке. Сам узник предстоящую ему участь воспринимал почти спокойно. Он был весь во власти чувства необыкновенной силы и красоты и изливал его в письмах. Вот некоторые из них.

“30 ноября 1905 г.

Голубка моя, дорогая, сегодня прошло две недели, как я нахожусь под стражей, и я не имел за все это время ни одного известия о вас. Здоровы ли вы? Я успел уже два раза через добрых людей сообщить вам, что я жив, а теперь и совершенно здоров и счастлив. Счастлив, как никогда в жизни, потому что только теперь могу умереть с глубоким сознанием исполненного долга. Мне часто думается, что Россия не позволит меня предать смертной казни, но, право, я думаю, что моя смертная казнь была бы полезней для погибающего народа, чем моя жизнь. Моя смерть подняла бы десятки тысяч новых борцов, тоже готовых отдать с восторгом свою жизнь за освобождение замученного народа; может быть, моя смерть подняла бы новую небывалую

волну народного негодования и явилась бы причиной окончательной победы народа над гнетом преступных опричников.

Эти мысли постоянно занимают меня, и я пойду на смерть спокойно и радостно, как спокойно и радостно стоял на “Очакове” под небывалым в истории войн градом артиллерийского огня. Я покинул “Очаков” тогда, когда его охватил пожар и на нем уже нечего было делать, некого было удерживать от панического страха, некого было успокаивать. Странные люди! Как они боялись смерти. Я много говорил им, что смерть не страшна, потому что с нами правда. Но они не чувствовали этого так глубоко, как я, а потому и дали овладеть собою животному страху смерти, а ведь это были очень смелые люди. Я понял только, что истинная храбрость может явиться только от глубокой веры в правду дела, которое защищаешь. Эта вера сделала меня неустранимым, а все эти испуганные люди с обезображенными от ужаса лицами казались мне просто детьми.

Не верьте официальным донесением, что я бежал в матросском платье. Это ложь. Я бросился в воду голый тогда, когда “Очаков” горел и когда нечего на нем было делать. Перешел на миноносец, где был Женя, но миноносец тоже подбили артиллерией, и нас взяли в плен; тогда на мое голое тело накинул кто-то матросскую шинель, но я не унился бы до маскарада. Если меня не расстреляют, то я приду к вам и скажу, что теперь и я имею право на свое счастье и что это счастье можете дать мне вы одна. Женя со мной, и я много с ним мечтаю о том, как я буду жить с вами, как я сделаю вас очень счастливой. Я иногда обдумываю все мелочи нашей будущей жизни, и эти мелочи делают меня счастливым. Главное, будьте покойны, голубка моя, и не страдайте за меня; повторяю вам: я счастлив, стало быть, и тому, кто любит меня, мучиться нечего, а надо за меня радоваться. Здесь помещение хорошее, кормят хорошо, только не дают переписываться ни с кем.

Нашу переписку устроил один добрый человек. Пишите мне немедленно о своем здоровье и о том, что вы любите меня, пись-

мо от вас мне очень и очень нужно. На конверте пишете: г. Очаков, г-ну Гороховскому для передачи Алейникову, и больше на конверте ни одного слова; тогда письмо передадут мне. Когда Женя выйдет на свободу, то он начнет хлопотать через К.Р. (Е.В.Ростковскую. - А.В.) о том, чтобы вас допустили видеть меня. У К.Р. большие связи с властями в Одессе. Женя вам тогда напишет. Разрешить видеть меня может только командующий войсками барон Каульбарс, а он хорош с К.Р., пока же и ее не допускают”.

“23 декабря 1905 г.

Много прошло времени, целая вечность протекла для меня с тех пор, как я получил твое последнее письмо (милое, скорбно-радостное для меня письмо, потому что вся моя трепетавшая душа рвалась к тебе, а долг велел сюда, в этот мрачный каземат), и с этого далекого лучшего дня в моей жизни до сих пор я не имел о тебе ни малейшего известия. Наидочка моя, ты прости меня, моя голубка, нежно, безумно любимая, что я пишу тебе так, говорю тебе “ты”, но строгая предсмертная серьезность моего положения позволяет мне говорить “ты”, бросить все условности, кому-то и неизвестно для чего нужные при жизни и смешные да и тяжелые, как лишняя обуза, в моем положении. Я писал тебе при всякой возможности, но письма эти, верно, не доходили, да и не нужно их, потому что в них было мало правды. Я слишком страдал неизвестностью, где ты. Что делаешь? Забыла ли меня? Или страдаешь? Страдал и хотел успокоить тебя, а потому выходила сплошная ложь. Теперь же сел писать тебе, как писал раньше, писать всю правду, думать вместе с тобой, моя одинокая, милая, и все же по-прежнему недобрая, странная, не вполне понятная для меня подруга моя.

Знаешь, Идочка моя, в чем был и есть источник моих страданий? В том, что ты не приехала. Ты не сердись на меня, но я при всем моем большом доверии в те слова, что ты сказала мне в последнем письме, не могу постичь, как, любя человека,

не кинуться к месту его заключения, да еще тогда, когда вся Россия ждет со дня на день, что его повесят... (Неразборчиво строка об отношениях в прошлом с сестрой А.П.Избаи. - **А.В.**). Я глубоко виноват перед ней (перед сестрой А.П.Избаи. - **А.В.**), что так думал, она сильно, искренно, всею душою любит меня, она бросила маленьких детей и, не имея денег, вот уже месяц как мечется по моему делу... я ей обязан всем. Она сильно облегчила мое положение, и не будь ее, я был бы решительно брошен на руки жандармских застенков без участия кого бы то ни было. Она хлопотала о свиданиях, ей не разрешили, для этого ей пришлось съездить в Одессу. Хлопотала о переписке, ей не разрешили. Тогда она попросту приехала в Очаков, чтобы хоть издали посмотреть на то место, где я заключен, чтобы видеть и говорить потом с теми людьми, от которых зависят условия моей жизни. И благодаря такой энергии ей удалось передать мне через мое крепостное начальство письма и получить от меня ответ.

А главное, ей удалось наполнить мою осиротевшую душу сознанием, что есть где-то человек, который приехал сюда и стучится ко мне, и страдает, что его не пускают. Такая ее поездка в Очаков не имела за собой "рассудка", а только одну любовь и потому увенчалась некоторым успехом. Знаешь, Наидочка, я иногда так сильно страдаю, что ты не приехала, что начинаю даже сомневаться, приедешь ли ты, даже тогда, когда я выхлопочу тебе разрешение. Но ты не знаешь, как тяжело хлопотать из каземата, где каждый боится с тобой говорить и, тем более, дать тебе право писать.

Ты мне скажешь: какой ты ребенок, куда бы я поехала, по какому праву просила бы о свидании. Я отвечу тебе, что это все рассудок, а не любовь, при которой человек неминуемо кидается к месту беды, к месту, где заточен, а может быть, и повешен любимый человек. А что если бы меня осудили уже на смерть, ведь ты же знаешь, что перед казнью дают право попрощаться, и я бы спросил тебя, а тебя нет. Это было бы для меня страш-

ным и последним горем в моей жизни. Я знаю, что у тебя нет денег, но знаешь, Зина, поездка от Киева в Одессу стоит дешево, а от Одессы сюда пароходы ходят каждый день и в пути приходится пробыть только 2 часа. Такие-то деньги ты могла бы достать, если бы требовала того твоя душа. Ответ же мне на все эти неприятные вещи, которые пишу тебе, ответ, не сердись, объясни мне, отчего ты не приехала; или, может быть, приезжала, да от меня скрывают. Ответ мне на эти сомнения мои. Они мучительны, Зина, облегчи мне душу мою своим правдивым ответом. Ты умеешь говорить одну правду, я знаю, оттого и верю так сильно в тебя.

Я пишу тебе это письмо оттого, что есть надежда отправить его с Женей, его на днях освобождают и он будет жить у моей сестры в г. Керчи. Он, конечно, по моему поручению перекинется с тобой немедленно телеграммами и вступит в переписку. За Женей приедет моя сестра Аня. Может быть, ты вступила бы с ней в переписку? Зина, ведь делала же ты что-нибудь, чтобы узнать мою участь? Эти мысли о тебе не дают мне собраться с мыслями, я и не думал до сих пор готовиться к защите. Иногда, особенно ночами, острота душевных мук бывает так невыносима, что я хочу вырвать тебя из своего сердца, но не делаю этого, и знаешь, почему? Мне становится невыразимо жаль себя. Эта операция вырывания очень мучительна, а, право, жизнь мне дала довольно горя, чтобы я еще теперь, когда мало осталось, стал оперировать свою душу сам. Я хочу уже дожить так, как есть, последние месяцы, и дожить любовью к тебе и верой в тебя.

Я тебе писал, что надеюсь избегнуть смертной казни под влиянием общественного мнения. Я лгал тебе, Зина, я боялся твоих страданий, а теперь, когда мне остался последний месяц жизни, я не хочу лгать, особенно тебе, мы начали и должны окончить наши отношения правдой. Третьего дня у меня была следственная комиссия и объявила мне, что следствие по моему делу окончено. Видишь, как меня торопят. Мое дело нарочно выделили из

общего дела, чтобы ускорить. Вероятно, из Петербурга приказано повесить меня скорей, чтобы другим было неповадно. Я стоял во главе движения целого флота, и нужно было бы опросить массу лиц, а они выделяют меня в дело “Очакова”, на котором я был. И теперь уже приступают к составлению обвинительного акта. Прокурор, который будет составлять акт, обещал мне допустить тебя до свиданий со мной. И я мечтаю о том, что ты приедешь в Очаков и поселишься здесь на несколько дней облегчить мне последние дни.

Мне будет поставлено обвинение по 100-й и 109-й статьям. По каждой в отдельности полагается смертная казнь, итого они мечтают меня повесить два раза, в назидание потомству. Такое двукратное вешанье было бы вполне достойно правительства Витте и Дурново, ординарные казни не погасили революции, не помогут ли двойные? Вешать и глупо, и бесчеловечно, кто выдумал такую операцию? Что может быть более позорного, конечно, не для того, кого вешают, а для тех, кто вешает! Свою смерть считаю очень плодотворной в смысле революционизирования России. Верю в то, что моя казнь вызовет лишнюю волну народного протеста в его конвульсивной кровавой борьбе с преступной властью. Знаю, что умереть сумею, не смалодушничая.

Буду думать в минуты казни о Жене и о тебе. За Женю спокоен, в нем примет участие Россия, а от посягательств моей супруги его спасет сестра. За тебя же не спокоен, за тебя страдаю. Знаю, что никто не сумеет так глубоко и чисто любить тебя, как люблю я. Знаю, что никто не дал бы тебе такого достойного тебя “человеческого счастья”, как я. Знаю, что ты будешь одинок. Много, много думаю о тебе и безумно хочу видеть тебя и посмотреть в глаза, в душу. Ты в последнем письме спрашиваешь, получив мою карточку, когда я снимался, после 22 июля или до. Да, конечно, думал о тебе, Наидочка моя, и снимался для тебя, как только был выпущен из первого ареста. Потом второй раз снимался 12 ноября в плаще и опять сидя, на большой размер

открыток, опять для тебя. Я их не видел, этих последних карточек, тебе придет их Женя. Когда фотограф снимал меня, то просил разрешения послать в "Одесские новости", редакция которых просила у него мой портрет, но я не знаю, поместили ли его газеты, если да, то знай, что с газетного листа смотрю я на тебя, моя голубка милая, и думаю о тебе одной.

Мне очень хотелось, чтобы ты познакомилась с моей сестрой Аней. Привязанность ко мне должна сблизить вас. Моя Ася (П.П.Шмидт так по-домашнему называл сестру Анну Петровну. - **А.В.**) может тебе рассказать многое из моей жизни, потому что она знает мою жизнь и она умная. Ася не знает только политической стороны моей внутренней жизни, эту сторону я всегда таил от нее, потому что она обижала меня своим недоверием в этом отношении. Но меня со стороны душевной - Ася знает и расскажет тебе все то, о чем я не хотел писать тебе, ожидая возможности говорить. Жестко все это сложилось, недаром я так мучительно ждал и молил о нашем свидании, точно чувствовал, что это недостижимые мечты, что впереди одна разлука.

Я первое время твердо решил отказаться от защиты и защищаться сам. Прокурор третьего дня привез мне письмо от Аси, где она пишет, что союз адвокатов предложил защищать меня, приедут такие звезды первой величины, как Грузенберг и Зарудный, приедут и другие для собирания материалов. Из этого я заключил, что велика общественная симпатия ко мне и что "Союз" хочет двинуть свою тяжелую артиллерию для того, чтобы вырвать меня из пасти крокодила. Я принял защиту с благодарностью и вот почему раздумал. Ведь со мной на скамье подсудимых будет много скромных героев народного дела, матросов; защищая меня, эти таланты адвокатуры станут невольными защитниками моих товарищей - матросов, а этих несчастных я не имею права лишать такой сильной защиты. Надежды на их защиту в смысле успеха у меня нет никакой. Помнишь, сколько раз эти страстные усилия наших честнейших юристов

разбивались о холод гуттаперчевых сердец и тупых мыслей военного суда, а с военно-морским судом еще безнадежнее обстоит дело. Тут ведь будут судить меня враги, фактически, враги по бою 15 ноября, враги, которые уже доказали мне, что они жестоки, когда я был у них в руках почти без сознания от долгого пребывания в ледяной воде и раненный. Эти офицеры флота никогда моим уважением не пользовались, но после их истязаний (потому что их обращение со мной было равносильно истязанию) я глубоко презираю их. И они-то будут судить меня.

О, суд, скорый и неправый, когда же русский народ сотрет тебя с лица нашей истощенной земли. Скоро, скоро молодая, сильная, счастливая Россия вздохнет свободно и не забудет всех нас, отдавших ей свои жизни. Я недаром прожил, Зина, я тоже внес свою лепту в народное дело, я дал лишнюю волну протеста, осмыслил его своим руководством, хотя признавал его несвоевременность, но это не от меня зависело. В руках у меня оказалась стихийная сила, и я оказался не в силах сдержать ее, хотя употреблял к тому все усилия, а если не удалось сдержать ее, то моя обязанность была дать этой силе направление на пользу общему делу.

Сегодня кончаю писать, устал, отвык писать много. Завтра буду писать опять. Зиночка, я сегодня просил жандармского офицера Полянского отправить тебе телеграмму (на 100 слов ответ), может быть, он сделает это, тогда я получу от тебя завтра ответ, это будет великим счастьем для меня и настоящим святым рождественским подарком. Ну давай же мне твои руки, крепко их целую, возьми ими мою голову и прижми к себе крепко свято любящего тебя твоего Шмидта”.

(Полный текст письма публикуется впервые).

“24-26 декабря 1905 г. Сочельник.

Я не знаю, Ида, как ты относишься к этому вечеру, который наступил сегодня. Ты знаешь, что я далек от богословских религий, но этот вечер всегда неизменно наводит на меня такое

задумчивое настроение. Иисус Назарянин пришел в мир скорби и страданий, чтобы скорбеть, страдать и умереть, чтобы дать людям любовь и во имя любви отдать жизнь. Я думаю, что и до него были на земле великие духом люди, умиравшие за други своя, но в его жизни, в его проповеди и в его мученической смерти эта любовь-жертва выразилась с невиданной в мире скорбью и простотой. Оттого даже теперь для культурного человека этот вечер, явивши в мир Иисуса, полон духовного значения.

Сегодня утром я проснулся в 5 часов, как всегда, и, лежа в темноте, думал о тебе и о Сочельнике. Эти ранние утра я люблю, несмотря на то, что мрачен свод каземата в ночной темноте и шаги часового за стеной как-то особенно тоскливы и глухи. Я люблю эти ранние часы потому, что сыночка еще спит (он встает в 9) и я чувствую себя не связанным его присутствием, он не следит за мной своим любящим взглядом, и я могу свободно “сам на сам”, как писала ты, думать о тебе, о наших трагических отношениях. О том, что ты не пожалела меня и не приехала, о том, что я сильно люблю тебя, и о том, что слезы тяжелые, как раскаленные камни, текут, несносные, по лицу и мешают мне думать.

Сегодня мысли о тебе смешивались с мыслями о далеком детстве, о сочельниках, которые мы с мамочкой проводили детьми. И любовь к тебе, и детские Сочельники - это все смешивалось в одно детское, чистое чувство, к этому присоединилось что-то новое, что поселилось у меня в душе и чего я не могу объяснить тебе, это новое - это какое-то проникшее все мое существо сознание, что я исполнил долг свой, тоже отдал душу свою за други своя. Это сознание как-то успокоило и устранило мои прежние муки за народ, оно внесло какое-то спокойствие, и нет теперь в моей душе прежней бури негодования, а, напротив, полное примирение с тем, что этими народными муками покупается счастье грядущих поколений. Веры в победу революции во мне всегда было много, но теперь эта вера как-то особенно тверда во мне и спокойна. Пусть идут и умирают другие, “пусть пре-

ступная власть уничтожит пол нашего поколения, это только упрочит то счастье России, которое будет завоевано. Чем тяжелее народу достаются его священные права, тем лучше он сумеет сохранить их навсегда и не позволит преступной власти посягать на них.

Да здравствует же грядущая, молодая, свободная, счастливая, социалистическая Россия! Да здравствует Учредительное Собрание! Оно одно выльет в свободное русло законодательства те наболевшие нужды, которые имеют святое право на удовлетворение. Оно одно, как нежная мать, подойдет к истекающему кровью измученному народу и залечит его вековые раны. Оно одно откроет пути счастья изнемогающему пролетариату всего культурного мира! Да здравствует же тяжелая борьба трудового люда за право на жизнь, свободу и счастье, да здравствует великая русская социалистическая революция!” Этими, приблизительно, словами я закончил свою длинную речь на последнем митинге 13 ноября в Севастополе.

Знаешь, Зина, меня чуть не разорвала толпа от восторга, мне кто-то из рабочих целовал руки, и я обнимал их всех. Я говорил на этом митинге очень долго, нарисовал рабочим всю историю нашей русской борьбы за народное счастье, умолял, заклинал, громил их за малодушие и доказал им необходимость бросить все экономические требования и перейти к исключительно политическим забастовкам с требованием Учредительного Собрания, причем, конечно, соединить свои действия с центральными советами рабочих в столицах и со стачечными комитетами железных дорог. Я этою речью прощался со своими севастопольскими рабочими, чтобы уехать на другой день с тою же пропагандой в Одессу к коммерческим матросам, а оттуда к тебе, моя Идочка, голубка, отдохнуть около тебя. Я мечтал после Киева объехать и другие фабричные районы. И вот в тот же день пришли матросы флота с решением, что они выбрали меня своим вожаком. Я измучился в усилиях доказать им несвоевременность такого, не связанного со всею Россией, матросского мятежа, но они, как

стихия, как толпа, не могли уже отступить, т.к. много беды уже натворили под влиянием социал-демократов, бессмысленно поднявших их на преждевременную, неорганизованную стачку.

Бросить этих несчастных матросов я не мог и я согласился руководить ими только в том случае, если они отбросят все требования, кроме Учредительного Собрания. Поддержать их могла только эскадра, а эскадра далеко не была еще готова к этому. Решено было подождать несколько дней. Но вот 14-го ко мне прибегает депутат матросов и еще разные лица с известием, что Чухнин разоружил броненосцы, и что казармы, где собралась мятежная команда, окружают артиллерией, чтобы завтра, 15-го, начать бойню. Тогда я, совершенно сознавая, что все погибло, решил ехать на "Очаков" и открыто поднять эскадру в защиту казарм. В 2 часа дня 14-го я переехал на "Очаков", а к 3 часам дня 15-го уже 10 судов присоединились ко мне и подняли красное знамя свободы. Тогда я послал телеграмму Государю и считал, что если теперь и погибнем, то дело сделано, движению дан смысл и значение. Потом началась бойня, о которой ты уже, конечно, знаешь из газет. Вот общая картина происшедшего; все это свалилось на меня совершенно нежданно, и вот, вместо того, чтобы быть около тебя или с тобой в Москве, я сижу в каземате и жду суда с предрешенной смертной казнью.

Отчего меня судьба пощадила на "Очакове"? Отчего я не был убит там этим градом артиллерийского огня и пулеметов? Неужели для того, чтобы быть казненным? Это глубоко безобразно. Я знаю, Зина, что я мог принести гораздо больше существенной пользы революции, если бы бросил матросов и уехал, как предполагал, по фабрикам, но все-таки я ни минуты не сожалел о случившемся. Если каждый из нас будет отворачиваться от дела, думая, что оно недостаточно велико для него, то никто не будет ничего делать. Это самая опасная для дела точка зрения. Знаешь, Зина, если бы меня не торопились так быстро судить, если бы суд надо мной состоялся не через месяц, а через 3-4 месяца, у меня была бы большая надежда на то, что успехи народно-

го движения завоюют к тому времени отмену смертной казни, а может быть, даже и амнистию, но эта быстрота следствия, это желание торопиться осудить меня отнимают у меня всякую надежду. Иногда же, даже теперь, я для того, чтобы дать отдохнуть душе, даю свободу мечтам и надеждам, а тогда мысли одна другой светлей и счастливей о тебе, о нашей будущей жизни наполняют душу детской радостью и восторгом возможного еще счастья, общественной работы рука об руку с тобой, моя близкая-близкая, а все-таки мало любящая меня Аидочка.

Тогда я думаю, а что, если не смертная казнь, а каторга? Зина, могла бы ты любить меня в арестантском халате, с бритой наполовину головой и в кандалах? Мне кажется, что нет. Страдать за меня могла бы, любить жалостью могла бы, но просто любить, так, как ты любила меня, когда слушала 7-ю симфонию Бетховена, ты меня “такого” не могла бы. Мне даже страшно становится, что ты увидишь меня здесь в каземате таким страшным, обросшим, в ночной рубахе, без платья, узником. Я хожу в какой-то вязаной куртке, которую прислали нам Аня и Катя Ростк., когда присылали постели, а то ведь у нас ничего не было. Морицин у меня прибавилось за это время вдвое, и мне больно за тебя, что ты, молодая и красивая, подойдешь ко мне, к такому. Ты все ждешь меня таким, как на карточках, а увидишь какого-то обрюзгшего, больного узника. Мне страшно за нашу встречу, как никогда. Я знаю, что ты уважаешь меня сильно, больше, чем раньше, но ты, наверное, разлюбишь меня, если увидишь меня в каземате. Мне же не нужно любви из сострадания, мне нужно просто “твоей” любви, потому что у меня не было ее никогда.

Когда я начинаю мечтать о каторге, то мысль моя невольно перескакивает на тебя, Зина. Я думаю, заявила бы ты желание сопровождать меня или нет, и если бы заявила, что хочешь сопровождать, то сделала бы это свободно, по влечению, из внутренней потребности или с надрывом, как жертву? И, к большой моей душевной боли, решаю, что нет, ты не решилась бы

бросить свою удобную, спокойную комнатку и идти на тяжелые лишения, потому что ведь у нас у обоих нет денег, чтобы ты могла обставить свою жизнь мало-мальски удобно на каторге. Чтобы быть вблизи меня. Тогда мне приходят в голову мучительные мысли, что такое следование за любимым человеком не в твоей натуре, и я мучаюсь этим. Вспоминаю твой “рассудок”. Но помнишь, Наида, ведь ты же бросила его последнее время, и как я был рад этому. Потом мои мечты идут дальше, и я думаю, что ведь каторга только до первой амнистии, а потом ссылка. О! Тогда душа моя наполняется таким счастьем и такой светлой надеждой. Мне рисуется, как мы с тобой поселимся в маленьком сибирском городке, будем жить уроками или твоим переплетным ремеслом, будем читать вместе, у нас всегда будут везде друзья, которые будут ходить к нам. Потом кончится и ссылка, и вот мы снова в России, сильные, энергичные, готовые опять много и искренно работать для нее.

Передо мной тогда будет открыта общественная или политическая деятельность, так как к тому времени Россия будет другая, кипучая, возрождающаяся после освобождения к новой жизни. Зина, возможно ли все это? Ведь ты мне писала, что потерять меня для тебя несчастье. Если это и теперь так, если то не были слова и мысли, вызванные увлечением под влиянием минуты, то, конечно, это все возможно, и тогда мы свяжем наши жизни общей тяготой, общими радостями. Ты понимаешь, как трудно мне писать тебе об этом, выходит так, будто я прошу у тебя жертвы, тогда как я не хочу жертвы, я хочу свободного решения по естественному влечению. Я знаю, что ты способна идти за мной и способна сделать это просто, так просто, как ты отказалась от своего жениха миллионера, почувствовав, что это не то, что духовная связь твоя со мной слишком велика, что ты не способна на жизнь “толстокожих”, как говоришь ты. Знаю, что потерять меня для тебя горе, но когда подумаю, что ты не приехала, не нашла путей хоть одним словом, хоть одной записочкой перекинуться со мной за 40 дней

моего ареста, то опять тяжелые сомнения рвут мне душу. Эти полгода нашей необыкновенной переписки - это совершенно отдельный, обширнейший и единственный счастливый том моей неудавшейся жизни.

Милые письма твои, их нет со мной, они сгорели на “Очакове”, так как я не расставался с ними до последней минуты. И карточки твои все маленькие сгорели там же; остался дома один твой большой увеличенный портрет, и у меня нет с собой твоего портрета. Отчего тебе не пришло в голову прислать свой портрет хоть без письма сюда? Его, наверное, комендант крепости передал бы мне”.

(Полный текст письма публикуется впервые).

** * **

...Анна Петровна разыскала случайную знакомую брата З.И.Ризберг в Ромнах, где Зинаида Ивановна гостила у своих друзей. Привезла ее в Очаков 2 января 1906 г. Первое свидание Зинаиды Ивановны со Шмидтом состоялось 7 января. И все это время в ожидании суда и встреч с избранницей своего пылкого сердца он писал ей письма из каземата Очаковской крепости.

** * **

***“6 января 1906 г. 9 часов вечера.
Каземат Очаковской крепости.***

Завтра утром ты войдешь ко мне, чтобы соединить свою жизнь с моею и так идти со мной, пока я живу. Завтра утром мы совершим это великое таинство единения. Мы почти не виделись с тобой никогда, и мы увидимся, чтобы не расставаться. Духовная связь, соединившая нас на расстоянии, дала нам мало счастья и много горя, но единение наше крепло в слезах наших и мы дошли до полного, почти неведомого людям духовного слияния в единую жизнь. В этом таинство любви, в этом святость брака. В этом браке нет места злу и лжи, потому что он сам есть высшая Любовь и Правда. Вне тебя нет жизни для меня,

Зинаида, потому что ты сама часть души и жизненной силы моей. Вне тебя - холод, смерть и ночь. Ты - моя сила.

Здравствуй же, жена моя любимая!

Возьми себе навсегда меня, потому что для меня не может быть жизни вне тебя.

Твой Петя”.

“7 января, 5 часов вечера.

Не знаю, Идочка моя, что ты теперь чувствуешь, какими мыслями и ощущениями полна после нашего первого давножданного свидания. - Я же не могу разобраться в себе. Ты уехала, кажется, в 12 часов, а теперь я только что посмотрел на часы, оказывается, 5 часов, значит, я пять часов подряд ходил из угла в угол в каземате и ничего определенного не думал, я просто был полон тобой, и все еще до сих пор чувствую прикосновение твоей руки (как я люблю ее! и тебя всю!). Это ощущение близости так сильно и так наполняет меня, что голова совершенно не работает. Это полное, сильное чувство близости любимой женщины не может принять форму мысли. Я взял бумагу и начал писать, может быть, даже не в силах буду писать, брошу, чтобы опять отдаться этому охватившему меня новому чувству к тебе.

Это новое чувство, которое не могло иметь места на расстоянии, так сильно и так жизненно, оно так властно гонит прочь мысль о смерти, что мне под влиянием этого чувства казнь кажется чем-то совершенно невероятным, уродливым, противоестественным и прямо несбыточным. Это и есть та “неприличная жажда жизни”, о которой говорил Иван Карамзov Алеше в трактире (помнишь?), “клейкие листочки березы...”. Я болезненно жить хочу, Зина, я требую жизни. Под этим наплывом счастья любви, которое ты внесла ко мне, я протестую, протестую перед всеми законами мироздания; перед небом и звездами, протестую перед Вселенной ожидающую меня казнь! Ее не должно быть, ее не будет! Мы будем счастливы, Зина, будем жить!

Как хорошо мне будет окружать тебя всем вниманием, всею ласкою, всею нежностью, какая только есть во мне! О, я знаю, я сумею дать счастье, Зина. И заживут все раны, и все перенесенное останется пройденным тяжелым испытанием, которое очистит душу. Знаешь, Зина, мне все кажется, что ты завтра не приедешь, больно это, но я знаю, что когда П.К. (Петр Константинович Полянский - жандармский ротмистр, всегда присутствовавший при свиданиях. - **А.В.**) говорит "не знаю", то это значит отказ. Если бы у него было столько горького в жизни, сколько у нас с тобой, он бы не имел сил отказывать нам. Это самим Богом данные нам часы счастья, и этого никогда не поймет тот, кому даны не часы, а вся жизнь. О! Как я буду ждать этого катера! Голубка моя милая, вдруг я опять увижу твою славную фигурку на палубе! Если бы они нам дали хотя бы первые три свидания подряд и продолжительными, чтобы нам большие привыкнуть друг к другу. Бедная моя Зиночка, знаю я, как тяжело тебе просить и получать отказы. Прости меня, Зиночка, что я так грубо сказал тебе, что буду обвинять тебя, если свидания будут не каждый день. Зина, я не думал этого, зачем я причинил тебе боль, я знаю, что тебе больно было слушать это. Верь, голубка, что я далек от такой глупой мысли обвинять тебя, ведь ты сама не меньше меня страдаешь, детка моя хорошая! Веришь, что не думал, а так просто сбрендил? Мне было очень тяжело отдавать сегодня читать П.К. мое письмо к тебе, это было не письмо, а брачная молитва, которая вылилась из самой глубины души, когда я узнал, наконец, что ты войдешь ко мне. Я так был потрясен сам этой молитвой, что не мог, да и не хотел ничего больше писать тебе.

Знаешь, Зинок, я никогда не думал, что ты так будешь тянуть меня к себе своею оболочкой, как это оказалось. В мою большую любовь к тебе закралась сегодня самая земная влюбленность! Я всегда знал, что она рано или поздно явится, ведь не духи же мы, в самом деле, бестелесные! Но я не думал, что это влечение явится так быстро, при первой же близости. Я слиш-

ком много жил душой и головой, и это дерзкое чувство сегодня и смутило, и обрадовало меня!

Обрадовало потому, что сегодня я уверился в том, что ты кружишь мне голову! Закружи ее совсем, Зина, тогда не полезут в нее тяжелые мысли! Ты прелесть - Зинаида! Я вот увлекусь теперь тобой, как мальчик, и забуду обо всем. Ну ее к лешему, мою защитительную речь, лень мне с нею возиться, мне весело и хорошо думать только о тебе одной! Приезжай же, радость моя, твой Петрусь крепко ждет тебя! Давай же руки, какие они хорошие, гораздо лучше, чем я думал, я их хочу много и долго целовать. Люблю!

Твой Петя”.

“8 января, утром.

С добрым утром, Зина!

С 5 часов утра хожу по каземату и безнадежно жду катера (спал сегодня хорошо). Только что по телефону П.К. сказал, что утром не приедете, а приедете днем. Спасибо ему! Жду тебя, Зинок, чувствую, что приедешь наверное. Просил жандарма Гусева (он имеет вид богобоязненный) помолиться за твой приезд в церкви сегодня, когда он будет ставить свечку. - Ты сама, моя звездочка ясная! Свети мне долго, всегда!

Твой Петя”.

“11 или 12 января (точной даты не указано), утро.

Зинок мой хороший, вчера было так хорошо мне с тобой, мне все кажется, когда ты уходишь, что ты посидела у меня 10 минут, как больно это, как хочется остановить время. Я до поздней ночи ходил и думал о тебе, т.е. не думал, а просто был около тебя, и весело мне было, Зина, и я был до рассвета очень счастлив. Я жду тебя сегодня, хочу верить, что увижу, тяжело будет, если день пройдет (неразборчиво), мучительный без тебя.

Я вечером думал, что если бы даже ты узнала от меня, что я малодушно жалею о случившемся, ты бы все равно не любила бы меня меньше, ты бы все это поняла бы и простила. Я все проверял себя, чистую ли правду я тебе сказал, что не жалею, нет ли тут бравады перед самим собой, но вижу, что нет никакой фальши, я в действительности не жалею ни минуты о случившемся; я знаю, что тебе это приятно, и мне радостно, что я могу тебе нравиться, оставаясь совершенно самим собой, не взвинчивая себя на самоотверженность.

Ты мне вчера не ответила про мои думы о “вечности”. Мне хочется знать, как ты смотришь. Напиши Ане и Жене, что я так счастлив, как никогда в жизни не был, но только боюсь всегда, что ты не приедешь, а это очень меня расстраивает. Скажи Ане, что за Женю я спокойней, чем был раньше, когда сам был с ним. Не может быть и речи, что ты и она будете на суде вдвоем. Напиши ей твою мысль, что дети могут выручить прошением, Аня это может сделать через Сипягина (друг детей, педагог в Севастополе, он сумеет снестись с другими учебными заведениями. Только время теперь мало, лучше об этом ей телеграфировать).

Я уверен, что суд не позже 20 и что дней через 5 меня увезут. Дай мне твои ручки милые, таких хороших рук я ни у кого не видел никогда. Возьми меня ими и никому не отдавай, слышишь? Твой Петя.

Да будет благословен день 22 июля!

Привези бритву”.

“13 января. 1 час, 30 мин. дня.

Ты уехала, Зина, три часа тому назад, а эти три часа пролетели минутами, я всегда, когда очень сильно думаю о тебе, то время исчезает. Ты замечаешь, как я начал сдержанно писать? И если бы ты знала, как мне это трудно! Все ласковые слова так и прыгают из души на бумагу, но я их хочу держать в себе, и они там меня как-то странно делают томительно счастливым! Я

их держу и не пушу на бумагу. Пусть ты не видишь во мне экстаза, не говоришь мне, что ты не видишь прочности, потому что мне это очень неприятно выслушивать от тебя. Знаешь, Зина, ты не подумала о том, что этот экстаз, как говоришь ты, продолжается вот уже добрых четыре месяца и поддерживается не близостью человека, а на расстоянии. Как будто бы немного длинный срок для экстаза. О, если бы мы виделись, тогда - да, это короткий срок. Но не видя человека, такой экстаз - как будто бы (неразборчиво) не экстаз, а горячая, нежная, чистая привязанность, укрепленная на вере (помнишь, с первых писем я говорил тебе, что верю в тебя) привязанность, перешедшая в поклонение. Если бы мы виделись днями, тогда, конечно, ты не видела бы меня таким восторженным, но, Зина, пойми ты, что я вижу тебя минутами, ведь мы много общались письмами, а теперь ты сама, живая, около меня!

Разложи же всю мою экзальтированность, которой я, как вулкан огнедышащий, разразился теперь, разложи ее на все эти долгие месяцы, в которые я жил тобой в своей комнатке, тоскуя и любя, и ты увидишь, что, право, это естественно и понятно при самой глубокой и прочной любви. Вот и теперь ты ушла и была сдержанна, и мне больно это потому, что мало нам дано. Я знаю, тебя стесняли жандармы. И оттого ты немного осадила меня, но, Зинок, ты хоть оставляй мне свою туплю, чтобы я мог без тебя крепко целовать ее!

Мне кажется, что в мыслях о вечности мы сходимся, только ты несколько иначе, чем я, определила ее, находя причину в привязанности к "типу". Я не совсем согласен с этим определением. Помнишь, я писал тебе, что в мое глубокое чувство к тебе дерзко забралось самое обыкновенное маленькое чувство влюбленности. Вот эту-то влюбленность люди часто и принимают за любовь, это чувство неечно, как все на земле. Оно, само по себе, даже недостойно людей, если оно не освящено большой вечной любовью душ, таким единением, которое по твоей вере переходит и дальше за пределы земной жизни. Я и считаю,

что эта большая любовь может и должна быть для земли вечной, а та, земная, та всегда преходяща, но ведь не в ней дело. Разница главная у нас в том, что ты как раньше говорила мне: “нравитесь, судя по письмам”, так и теперь говоришь: “люблю, пока ты такой, какой представляешься в моих глазах”. Вместо того, чтобы сказать “пока ты такой, какой ты есть теперь”. В тебе, Зина, нет в меня веры. Я не боюсь этого, потому что она придет со временем, а потому буду ждать и терпеть. Одно сознание, что ты веришь в меня, так возвысило бы меня, что я стал бы и сильнее, и лучше! И легко было бы мне, и весело жить тогда.

Эта жажда веры от тебя была во всех моих письмах к тебе, и это именно оттого, что в прошлом слишком глубоки были раны унижительного недоверия ко мне. Я тебя люблю, Зина, не такую, “какою ты представляешься моим глазам”, которые могут ошибаться (правда?), а я люблю тебя такую, какая ты есть и какою ты останешься навсегда. Знаю, что измениться ты не можешь. Знаю это твердо. Верю. Люблю тебя, а не свое представление о тебе.

... Знаешь, Зина... у меня до твоего сегодняшнего письма даже и мысли, и намека не было на то, что я сделал людям что-то такое, после чего имею право на признательность. Верь, что ничуть. Я, говоря тебе о “царапинах”, просто высказывал мысль, как различно развито в людях сочувствие. Один при виде чужих страданий предпочитает сам умереть, потому что слишком больно за других, душа не выдерживает, а другой может видеть совершенно спокойно и не рискует “царапиной”. У меня и в мыслях не было ни раньше, ни теперь о возможностях каких-то возмездий за сделанное; нет, Зина, я смотрю так: если я бросаюсь спасти утопающего или горящего в пожаре, то совсем не из желания сделать добро, а для удовлетворения своих мук. Я не могу видеть, как человек погибает, я спасаю его для себя, чтобы избавиться от страданий при виде его гибели, и раз я это делаю для удовлетворения своей душевной потребности, само

собой, никто из нас никогда не имеет права и основания требовать к себе такое же чувство со стороны других. Я тебе тогда просто указывал на то, какая разница в людях, как различно развито чувство “сочувствия”, и только это я хотел сказать тебе. Ты не поняла меня.

К людям, стоявшим ко мне равноправно, и особенно к тем, которые зависели от меня, я всегда относился хорошо, и у меня нет случая, в котором я мог бы упрекнуть себя. Я был неправ только по отношению моего отца, это вышло из-за мнимых страданий супруги (когда-нибудь расскажу). Вообще, грубости во мне нет. Если бы ты немного побыла в Одессе, которая наполнена моряками, которые служили со мной и зависели от меня, то, я знаю, они бы тебе хорошо отозвались обо мне. На военном флоте тоже, ты знаешь, что матросы любили меня. И я отлично же понимаю жандармов, Зина, сочувствую им, но, знаешь, ведь я дошел до припадка, когда узнал, что тебя стерегут. Понимаешь, Зина, бывают положения, когда разум уже не действует, и я тогда так был потрясен этим, что, кажется, на всю жизнь “боюсь”, понимаешь, боюсь этой формы и не могу совладать с собой, и как глупо, именно формы нижних чинов. Мне все так и кажется, ты, голубка чистая, сидишь в своем холодном номере, никого у тебя нет, плачешь, ждешь свидания со мной, а они двое стоят и ждут, не будет ли причины и тебя схватить.

О! Это такой ужас для меня, Зина, что, прости меня, но я навсегда теперь буду бояться этой формы, как люди боятся на всю жизнь собак, если в детстве сильно собака напугала их. Знаешь, к кому я всегда относился несправедливо, придирчиво и враждебно, то это к начальству, начиная с гимназии, морского училища и всей моей службы. Оттого у меня нет ни одного ордена (что приводило в справедливый гнев супругу мою). Я всегда был моему начальству на службе нужен, потому что я морское дело знаю, и они часто только мною, при своем невежестве, и держались. Они заискивали у меня, хотя я был подчинен им, но

не любили меня, и когда я переставал служить с ними, то обыкновенно дурно отзывались обо мне за мою “продерзость”. Тебя тоже, я думаю, в гимназии не жаловали!

Теперь уже 6 часов, долго же, однако, я пишу тебе. Когда я пишу тебе, то точно дома бываю, сядешь тебе писать - и не заметишь, как пролетает полночь. Твои письма много-таки времени брали! Голубчик мой, хорошо было тогда, а впереди были радость и надежды! И теперь есть где-то в глубине души надежда. Когда она бледнеет, то я беру твой медальон, целую его и думаю: верь, надейся и молись. Молиться так, как ты хочешь, не могу, это сильно бодрило бы душу. Молюсь тебе одной, что тоже меня укрепляет. Укрепляет и еще большие привязывает к жизни! Ведь как это вышло у нас, ведь мы не видим друг друга такими, какими мы бываем в жизни. И ты, и я невольно же под влиянием исключительных обстоятельств не можем сохранять своего обычного естественного настроения. Ты даже боишься услышать в каземате (неразборчиво), да, детка моя, умница моя, странна, исключительна наша жизнь, и твоя, и моя. Как прошлое, так и наши отношения перепиской (неразборчиво), и встреча, все из ряда вон. Да и мы оба – из ряда вон, я тебе давно писал об этом. Я ужасно горжусь тобой, Зинаидочка, а ты мной гордишься? Милая моя, Гордость моя, Радость моя, голубка моя святая!”.

“9 часов вечера. 13 января.

Аидочка моя, с 6 и до 9 вечера я думал о защитительной речи. Теперь ровно 9, и меня что-то толкнуло, верно, ты думаешь обо мне. Что? Хорошее или дурное? Знаю, что я готов вынести все, не исключая смерти, чтобы облегчить тебе жизнь, но я все-таки позвал тебя и чуть не пропал, пока ждал этого дня, что позову тебя. Думал так: если она переработала в себе потерю меня, тогда она не пойдет за мной, если не переработала, то хуже ей будет, если я не позову ее. Кроме того, мне было невыносимо без тебя, а теперь хорошо. Знаешь, Зина, если дано мне жить, то я буду уговаривать тебя вернуться в Киев. Отдохнуть и только

тогда ехать, когда тебе самой очень уж невозможно будет. Теперь ты знаешь уже, что из казематов очень трудно сообщаться с внешним миром, а мне главное, чтобы ты, где бы я ни был, сообщала мне, нашла бы возможность сообщать, что ты здорова, мне это знать нужно, без этого я труп.

Если бы я даже многие годы был в заточении и знал бы, что ты встретила достойного человека и полюбила его, я бы не разлюбил тебя, нет, и ты не узнала бы, что мне тяжело, мне только надо, чтобы ты жива была и здорова, и что ты не забудешь мне об этом при первой возможности сообщить. Помни же эту просьбу мою, тогда я буду спокоен, где бы я ни был. Меня тревожит холод в твоей комнате, купила ли ты лампу? Купи, ради Бога, она быстро согреет тебя. Бедный П.К., как, я думаю, ему надоело читать наши письма! Я думаю, в его службе это исключительный узник. Помнишь, Маруся говорила, что мы страдаем графоманией! Подумай, сколько времени берут наши письма у П.К.! Вот, думает, шальные! Не надоело им писать! И так службы по горло, а тут читай их галиматью!

Как хорошо и бодро на душе, Зина, это оттого, что я знаю наверняка, что увижу тебя завтра, это делает меня совершенно здоровым, как будто я дома и точно не жду суда над собой! Если бы ты знала, как мне хорошо читать, что ты любишь прижимать к себе мою голову и проводить по волосам, о! Зинаидочка моя, как я часто мечтал именно об этом, чтобы сунуть свою голову к тебе! Я никогда тебе не забуду твоих издевательств, помнишь, “нужна няня”! Ну и злюка же ты! Зинок! Какой у тебя “характер” для совместной жизни? Хороший? У меня, предупреждаю, дивный характер! Право! Все говорят, что со мной легко жить. Ты боишься, Зинок, что я надоем тебе экстазами? Не бойся, увидишь, какой я буду, именно такой, какого тебе надо, увидишь!

Хорошо будет, голубка моя, сколько мы книг вместе прочитаем! Я люблю читать вслух, я много читал вслух, но только не беллетристику. Для беллетристики у меня нет особого умения

хорошо читать. Я вообще не много, даже мало читал беллетристов, особенно иностранной литературы, почти не знаю. Не было времени. Я с 16 лет сижу на "общественных науках", и море брало так много времени и сил, что и тут у меня есть большие пробелы. Мы вместе наверстаем. Знаешь, Зина, я решительно уверен, что мы именно та пара людей, дополняющая один другого, о которой сказал Кант, что мужчина и женщина в гармоничном соединении дают полного человека. Нужно, чтобы люди дополняли друг друга, тогда жизнь богата духовно. Мы будем жить полной жизнью. Зина, ты когда-нибудь сердисься? Как это у тебя проявляется? Наверное, замкнутостью, ты, когда сердисься, наверное, уходишь в себя? Я чувствую, только ты так со мной не делай, я тогда терзаюсь. Ты лучше, если недовольна мной, отколоти меня, только не уходи в себя! Слышишь? Хорошо?

Замкнутостью можно довести меня до отчаяния! Ах, зачем я тебе говорю все это? Ведь я тебе даю оружие терзать меня! Я не могу вынести, если остается что-нибудь не выясненным, тогда гнет в душе. Ты лучше колоти меня, мне будет это весело! Ты не знаешь, какой я мальчишка бываю еще до сих пор! Это только и утешает меня при большой разнице наших лет.

Я не понимаю, что это за великая тайна жизни. Жили люди в разных городах, разными жизнями, ни одной точки соприкосновения не было между ними. Вдруг - бега, вагон, 40 минут, листы бумаги, много листов, три-четыре короткие встречи в каземате, и все отошло далеко, все, что было с детства близким, стало далеким и чуждым. И вот ты одна не только ближе всех, а ты одна - жизнь, в тебе все, точно не было такого времени, когда тебя у меня не было! Как дивно пахнет твой платок. Я безумно и глубоко, и сознательно люблю тебя, Зина! Давай руки скорей...

Твой Петрусь! Приходи же скорей, я буду ждать у форточки, как хорошо это!"

“14 января.

Ждал у форточки сегодня с 8 утра до 2 дня. Катер пришел, тебя нет. Жутко на душе, не теряю надежды, что ты еще придешь в 4 часа”.

“14 января. 8 час., 45 мин. вечера.

Очень прошу многоуважаемого Петра Константиновича переслать это письмо утром Зинаиде Ивановне.

Зина, я знаю, что теперь ты сидишь у себя, думаешь обо мне и страдаешь. Мне очень тяжело. Ты хотела взять свое письмо-жизнь обратно. Мне тяжело, потому что я знаю, что ты теперь думаешь, что это не мне ты писала его, оттого ты не хотела бы, чтобы это письмо оставалось у меня. Мне это тяжело. Ты много лучше меня, Зинаида, но ты мне писала его. Не жалею об этом письме. Я сам бы отдал его тебе, если бы почувствовал, что недостойно читал его. Я бы отдал его тебе, потому что я честен и тебе лгать не могу. Но я не отдал письма, потому что я достоин иметь его, хотя я хуже тебя. Мне очень тяжело, что я уже причинил тебе боль сегодня, только потому, что слова сказали не то, что было в душе. Когда я говорил тебе, то думал о себе, а потому улыбнулся глупо, и не было это улыбкой над письмом. Это так потому, что, когда я читал письмо, то плакал и молился твоим страданиям, а потому и говорю, что это ты мне писала его. Верь!

Сегодня я считаю, что мы виделись второй раз. В переписке я не вполне узнал тебя и думал, что я достоин тебя. Теперь я знаю, что очень много мне нужно работать над собой, чтобы стать достойным тебя. Я буду работать, и ты не пожалеешь, что полюбила меня. Меня не угнетает, что ты выбрала меня, несмотря на то, что я хуже тебя, потому что я не знаю мужчины, который был бы достоин тебя, и думаю, что таких нет. Теперь, когда я знаю тебя, то мне кажется, что если бы я знал тебя раньше, то не отдавал бы жизни народу, только потому,

что ты нуждаешься в ней. И, поступая так, я не стал бы хуже, а лучше, потому что ты недосыгаемо прекрасна.

В минуты борьбы, когда видишь большое зло и чужое страдание, жизнь отдавать легко, потому что тогда это не жертва, а потребность. Отдавать жизнь при холодной обстановке казни трудно потому, что тогда это не потребность, а жертва. Без тебя я был почти труп, и ослаб я не потому, что боялся суда, а потому, что не было тебя и твоих писем. Теперь я ожил и почти похож на прежнего Шмидта, который переписывался с тобой. Если ты приедешь завтра, то я совсем приду в себя, и тогда ты увидишь меня обыкновенным, каким я был всегда. Я знаю, что если я буду видеть тебя еще много раз, то я пойду не только на суд, как на праздник, но и спокойно умру, потому что стану достойным тебя. Ты недосыгаемо чиста и сильна. Я был бы таким же, потому что во мне раньше было все хорошо, я себя помню, когда мне было 19-20 лет. Но я стал хуже, потому что долго жил с очень нехорошим человеком и, стараясь много лет поднять ее, делался хуже сам... .

Я несколько раз поступал нехорошо с людьми против своего убеждения, чтобы не страдала жена. Это была ложь, и потому я становился хуже, а потом опомнился и стал самостоятелен. А она хотя и раньше не любила меня, но за это возненавидела не только меня, но и Женю за то, что он любит меня.

... Я не ел всего полтора суток и очень ослаб, значит, мое здоровье сильно расшаталось. Съел обед насильно, потому что переголодался и уже не хотел есть, я ел только для того, чтобы П.К. привез тебя завтра. Мне особенно нужно завтра видеть тебя, чтобы успокоиться насчет моих сомнений, не страдаешь ли ты от того, что я тебе показался сегодня не тем... Может быть, если бы я не ослаб от голода и не старался бы при тебе бодриться, то я был бы естественным, и у меня не вышло бы пошлости, потому что пошлости не было в душе. Верь. Когда я думаю об этом, мне очень тяжело, а думать буду все время до твоего приезда.

Ты сегодня была очень красива, и я до сих пор чувствую твою близость. Я не думал, что в тебе столько мягкости и женственности при твоей силе. Теперь уже 12 часов ночи, ты спишь? Нет, ты, верно, думаешь обо мне. Если бы мне сказали, что я буду жить, то я отдал бы 10 лет сейчас с восторгом, чтобы хоть один вечер посидеть у тебя на полной свободе! Как несчастны мы, Зина. Спи же, детка моя, ласточка моя, голубка чистая! Спи, моя радость, Аидочка моя, нежно, нежно любимая. Я весь около тебя, с тобой, и мы будем счастливы!

Твой весь навсегда, вечно. Петя.

Зинок, привези, пожалуйста, газету, хоть какую-нибудь”.

“6 часов утра.

Я встал, Зиночка, в 4 часа утра, и хотя сегодня опять очень сильно страдал душой, как всегда по утрам, но это уже были страдания выздоравливающей души, а не умирающей, как было раньше. Помолился тебе. Много думал обо всем. Нашел в Евангелии от Матфея 19 гл.10: “Когда же будут предавать вас, не заботьтесь, как или что сказать; ибо в тот час дано будет вам, что сказать”. Прочел и много плакал, и стало легче. Привези, пожалуйста, бром или что-нибудь подкрепить нервы. О! Господи! Сжался надо мной! Даруй мне, Господи, хоть один день долго видеть мою Зину! Чтобы не надо было торопиться, чтобы исцелилась душа моя.

Я писал первую страницу почти два часа, потому что я над каждой мыслью много думал и проверял себя, чтобы была одна правда и чтобы не было никакой фальши, потому - верь”.

“18 января, утром.

Если можешь, верь.

Я вижу, что ты совершенно не знаешь моей жизни с женой. Я должен рассказать, но мне тяжело быть подробным... Мне очень жаль свою загубленную жизнь...

Я думаю, что ты уже теперь признала, что я не то, что тебе нужно. Признала и боишься пока признаться себе самой в этом. В тебе оттого этот страх за будущее. Будь же правдива. Не щади. Я справлюсь сам. Я тебя люблю сильно и верю тебе безусловно, но слушаться тебя во всем не буду, хотя советы твои признаю очень. У меня было много лжи, но я не считаю себя недостойным такой женщины, как ты. Я думаю, что я добрее тебя. Ты встретила меня в обстановке совершенно невозможной, я сделал ошибку, что плакал при тебе. Ты эти слезы приняла за слабость. Ты смотришь теперь на меня, как на больного ребенка, которого ты поведешь в жизнь. Это неверно, но от этого происходят все твои разочарования во мне и боязнь за будущее. Вот мое мнение. Я вообразил, что ты поверила в меня, и пережил часы неслыханного мною никогда счастья. Теперь, после твоих нескольких слов вчера, я увидел, что я ошибся.

Зина, Зина, ты напрасно и несправедливо терзаешь себя и меня! Посмотри же мне в душу, загляни мне в глаза, я твой, нужный тебе и бесконечно сильно любящий тебя.

Твой Петя”.

“21 января.

Зинок, боюсь, что ты не исполнишь мою просьбу и выпишешь ржавые часы. Зиночка, голубка, я тебя сильно прошу, выпиши себе хорошую вещь, исполни же мою просьбу, ведь это первая моя просьба к тебе, пусть это будет по-твоему неблагоприятно, но, Зиночка, мне так хочется, чтобы это была вещь, которая сохранится у тебя навсегда. Может быть, это предрассудок, но я боюсь непрочности в наших отношениях даже тогда, когда она проявляется в таких мелочах, как память в вещах. Сделаешь? Обещаешь? Если ты уже написала Шварцу о часах, то напиши сейчас же другое письмо, и никаких других, кроме золотых, не выписывай. Слышишь, Зина? Ты сделаешь так, как я прошу? Да? Не связывайся никогда с дрянью, потом и рада

будешь разделаться, да жаль будет, в силу привычки, бросить, и будешь влачить за собой обузу всю жизнь.

Имеющие уши да слышат!

Помнишь, ты меня оценивала! Не знаю, какова цена настоящая, но знаю, что я тебе-то очень дорого обошелся! Голубка моя, приезжай, жду, люблю!

Всю ночь провел чудно, в самых счастливых мыслях! Жду! Привези ножницы и клубничного варенья”.

“28 января.

Дорогая моя Зиночка, пиши ежедневно. Жива ли ты и здорова ли. И когда пишешь, помечай, от какого числа записка, а то я не знаю, сколько дней прошло со дня отправки, записка тогда не может успокоить меня. Не волнуйся, будь покойна, суд назначен на 7 февраля. Я совершенно здоров, бодр, верь мне, надейся на меня. Ни один волос не упадет с твоей головки милой, пока я не выясню всего на суде. Жду защитников, не понимаю, отчего не едут. Аня на телеграммы не отвечает, боюсь, что с ней случилось то же, что и с тобой, хотя это сомнительно, там о ней все знают, не одинока она. Крепко целую твою хорошую руку. Твой Петя”.

“Деловая записка З.И.Ризберг.

1. Пойми, что все жандармы - всегда жандармы, и не доверяй никому, что бы они тебе ни говорили.

2. П.К. вообразил, что ты внушаешь подозрение, собрал всех жандармов и внушил им, что ты учнее, чем Шмидт, и всех проведешь лучше, чем он. И, во-вторых, что ты социалистка (?!).

3. У лавок поставлены два жандарма специально следить за тем, кто входит и выходит из гостиницы, где ты живешь.

4. Хозяин и хозяйка гостиницы находятся у П.К. “в руках” и обязаны ему доносить о всех входящих к тебе в номер.

5. Вследствие этого не могу прислать к тебе ни одного из солдат и жандармов из моих доброжелателей.

6. Если явится кто-либо с заявлением словесным, что он от меня, требуй записки от меня, если записки нет, то не доверяй.

7. Не делай вида, что ты знаешь фамилию Хлудеева, ты уже спрашивала его у другого жандарма, и это уже донесено П.К. Этого достаточно в этом лучшем из миров, чтобы потерять место.

8. Если Хлудееву удастся по службе быть присланным к тебе, то он даст тебе от меня записку, удостоверяющую его личность. Ему можно доверять вполне.

9. Лучшие всего, если что-нибудь нужно сказать, пиши на записочках и передавай при свидании мне, я очень ловок, но никогда при П.К. не шепчи мне ничего тихо.

10. Никогда не приходи с переполненным ридикюлем. Делай так, чтобы в сумочке помещался носовой платок. Тогда есть предлог лазить в сумочку и легко спускать, если нужно, записки. Но к этому надо прибегать только действительно в тех случаях, когда нельзя отдать письма через П.К. Вообще же, не смотри на них, как на людей, пусть читают! Такова их позорно-сытая жизнь! Они, кажется, вообразили, что ты приехала организовать мой побег! Какие они все идиоты! Сколько труда кладут даром. На этом деле откармливаются, а не научились отличать людей. Несчастливая Россия, до сих пор эта “ученость” считается преступлением!

11. Оставайся с П.К. очень любезной и делай вид, что считаешь его нашим другом, которому мы вполне доверяем.

12. Мое письмо, которое ты назвала “кровавым”, уничтожь, тогда у тебя будут все письма, которые не боятся обыска и не задевают царской власти.

Эту записку сожги.

Твой Петя”.

“30 января. 16.25.

Голубка моя, Зина, вот уже третий день, что жду тебя у форточки, с тех пор жду, как узнал, что ты в городе. Знаешь,

Зинок, я только по твоим письмам вспоминаю о том, что мое дело будет скоро разбираться, оно от меня отошло куда-то в сторону, точно оно меня совсем не касается, даже меня не интересуется, успеют ли или нет приехать адвокаты до первого февраля, я ведь только до первого могу вызвать своих свидетелей, а потом не могу, а без совета адвокатов не буду вызывать. Рискую остаться без свидетелей, и мне это все равно совершенно, верь. Не мое дело меня занимает, Зинок, а исключительно и только твоё дело; по твоему делу я przygotowляю обширный доклад со всеми подробностями, свидетельскими и фактическими доказательствами, и оно одно меня совершенно охватило всего.

Для своего дела у меня могло не хватить сил, а для твоего спасения и сил, и стойкости хватит. Ты опять пишешь, чтобы я поверил, что ты на свободе. Вот мой жандарм может тебе подтвердить, что 27 утром я ему сказал, что ты теперь, наверное, освобождена под негласный надзор, т.к. моя просьба в суд дошла, и с тех пор я тебя и жду. Знай, Зина, что я про тебя знаю все и совершенно безошибочно, меня в делах про тебя обмануть невозможно. Главное, мне надо знать, от какого числа твои письма, говорящие много, что ты жива.

Когда такие письма есть, то я полон сил и веры в возможность твоего спасения, иначе бы, Зинок, разве стал бы я жить, сама подумай, для чего мне была бы тогда жизнь? Для тебя, моя радость, моя святая душа, тянет Шмидт свои дни, для твоего дела хочу жить, потому что знаю, неминуема твоя участь, если я умру. Будь же покойна, я очень благоразумен, сдержан и не обезумел, тебя не только узнаю, но почувствую твое приближение издали. Крепко люблю. Твой Петя.

Я сегодня даже спал, лег под одеяло, а то всю эту неделю так и не раздевался. Здоров я вполне, будь за меня покойна. Не понимаю, отчего Аня ездила в Петербург, вероятно, хлопотать и выяснять твою полную непричастность в моем деле. Она, верно, тоже получила сведения об этой страшной истории”.

“31 января.

Спасибо тебе, великое спасибо, что, наконец, ответила обещанием беречь себя так, как я прошу. Спасибо, Зина, так и продолжай... Тяжело было читать мне, что ты допустила в себя мысль о том, что могу хоть чем-нибудь оскорбить в глубине души тебя. Знай, Зинаида, молится на тебя Шмидт, и не оскорблять должна тебя эта молитва его. Письма же моего, вижу, ты не поняла, и оттого эти мысли и явились в тебе. Ты думаешь все, что меня волнует суд, а я только вчера нашел время прочесть обвинительный акт. Валялся он 5 дней, и я даже не поинтересовался, в чем меня обвиняют. Право!

Готовиться мне нечего. Ты сказала говорить правду, правду одну и скажу на суде. В тебя и во все твои советы не только верю, но и даже всякое твое предположение для меня уже факт как бы свершившийся. Вот как верит в тебя, Зинаида, твой Петрусь! Да, это так! Успокоения же свои брось, ведь ты сама знаешь, что они только успокоения, и потому не пиши о них, а береги себя все время ежеминутно и ежесчасно.

С защитой все обсужу обстоятельно. Это не должно тревожить тебя... В обвинительном акте мне ставится в обвинение вся моя преступная жизнь с 16-летнего возраста! Они погрузились, так сказать, в глубь веков!

... Зинаида, знай, что не только верю в тебя с первого дня, с 22 июля, но что боготворю тебя так, как может только моя, всю жизнь искавшая тебя, душа... Ты не веришь в молитву мою, и это тяжело.

Рахтов я в свидетели не хочу, и адреса их я вам никому не скажу, потому что Рахты будут доказывать, что я ненормален, а я буду для суда здоров, и никакие врачи под меня не подкопаются. Это ваши любящие сердца жаждут моей болезни, а я не желаю, и вам это не удастся.

Где Аня? Куда ты ей телеграфировала? Ничего не понимаю. Адвокаты исчезли с лица земли. Да и понимать не хочу, и мало этим интересуюсь!

Вероятно, мне запретили иметь защитников из частной адвокатуры. Мне и не надо, решительно все равно. Не хотят ехать, и не зови. Не надо. Против меня вызвано около 50-и свидетелей, а за меня они даже не поинтересовались узнать до сих пор, кто может хоть слово сказать. Обвинительный акт составлен не только нечестно и пристрастно, но прямо карикатурно. Я только вчера прочел его, а то, право, даже не интересовался, в чем меня обвиняют, хотя он валяется у меня с 25 числа, а ты думаешь, голубка, что меня волнует суд! Для меня его не существует с самого дня ареста. Ты, ты, моя Зина, волновала меня, и изнурило меня ожидание тебя 50 дней. А потом я стал быстро восстанавливаться, ты сама видела это, а теперь, Зиночка, надорвал меня твой арест, да так надорвал, что, кажется, и не подняться мне на ноги.

Теперь ты на свободе, да, кажется, я был бы спокойней, если бы ты была за решеткой! Всех опасаюсь, и имею на это серьезные основания... Спасибо тебе, что обещала мне беречь себя. Это лучше, чем утешающие успокоения, это гораздо важнее. Спасибо тебе, и продолжай так и дальше. Береги себя, детка моя, ведь ты одна у меня в целом мире! Милая, как хороши твои письма, как счастлив я читать и перечитывать их! Давай же руки твои славные. Крепко и много их целую!

Если бы ты могла видеть меня, то, наверное, осталась бы мною довольна.

*Твой весь без остатка
Петрусь”.*

“1 февраля.

Моя Зинаида! Не беспокойся, родная, я совершенно здоров, и ты, если могла бы меня видеть, то, наверное, осталась бы мною довольна.

Сделай так, чтобы защита вызвала тебя свидетельницей, телеграфируй об этом Ане. Я не имею оснований просить тебя в свидетельницы, т.к. в прошении надо указать, что ты можешь

показать по этому делу, а ты показать ничего не можешь, т.к. из переписки со мной ты о деле ничего не знала. Может быть, защита найдет сама предлог вызвать тебя, мне же очень и очень нужно видеть тебя среди свидетелей, т.к. ты в публике быть не хочешь, видеть же тебя хоть минутку мне надо для душевного состояния, для великой радости, какую буду испытывать, стоя среди чужих и враждебных мне людей, при виде тебя.

Устрой, чтобы тебя вызвала защита. Предложи себя сама, сказав, что имеешь, будто бы, что-нибудь показать, хоть то, что я собирался выехать к тебе перед самыми событиями, о чем ты имела от меня телеграмму. Помнишь? Вообще, что-нибудь изобрети и будь на суде непременно. Дай мне эту радость великую!

Телеграфируй Ане, чтобы скорей приезжала, т.к. оставаться тебе одной слишком опасно.

Давай твои руки! Бери ими меня навсегда! Не отдавай никому! Хорошо мне будет тогда!

Твой Петрусь.

Сегодня последний день вызова свидетелей, ты телеграфируй Ане, что просишь вызвать тебя”.

“2 февраля.

Получил твое письмо. Зина, ты опять смеешься! Господи, да что же мне делать, где же выход из той муки моей беспросветной? Ведь я не могу написать тебе всего, что знаю. Пойми же это, наконец, я не в силах отсюда крикнуть тебе правду, и она не может раскрыть тебе, несчастной, глаза! А ты о каких-то фантазиях, о каких-то нервах мне пишешь. Ты замучила меня своим неверием, ты издеваешься над бесспорностью и над фактическими данными всего ужаса твоего положения, о котором один знаю, и ты знать не можешь. Лучше бы написала Миллюкову про себя, про безвыходность твоего положения, а не про

меня! Зина, Зина, ты доведешь меня своей беззаботностью до самоубийства. Я не в силах жить в этом гробу...

Ты мне все о моем деле пишешь, пойми же, Зина, что оно для меня не существует, ведь я же ясно, кажется, телеграфировал Ане: “Кто будет защищать Зинаиду”. Не нужны мне ваши адвокаты, мне нужно тебя одну СПАСТИ, и только тебе одной нужно быть очищенной от всей лжи, подкопов и замыслов во что бы то ни стало вытянуть тебя, несчастную, ко мне на эшафот!

Зина, милая, если я тебе действительно хоть чуточку дорог, проникнись моей невыносимой тревогой за тебя, послушайся меня вдумчиво и верь мне. Я не в силах больше писать тебе, не в силах сильнее молить тебя, правды отсюда все равно не могу сказать тебе... ”.

“3 февраля.

Если только кто-нибудь из вас будет говорить или писать, что я больной, то я отвечу таким вызывающим поведением на суде, что вы пожалеете сами. Раз уже приходила комиссия, и она меня так взвинтила, что я сейчас же прибавил в своих показаниях обстоятельства, отягощающие виновность мою, и буду делать так и в будущем.

Советую вам всем лечить ваши нервы, а меня оставить в покое, я здоров совершенно.

И если и нервничаю, так только потому, что ты меня не хочешь понять, не хочешь понять всей важности моих предостережений, а открыть тебе все неопровержимые основания моих опасений не могу из каземата. И это доводит до отчаяния, до желания умереть, чтобы освободиться от страшной, мучительной тревоги...

У меня нет конвертов, пришли, пожалуйста. Получила ли ты часы? 3 февраля именины Ани. Поздравь ее от нас обоих”.

“(Письмо без даты и без начала. Скорее всего, от 5 февраля).

... Понял вполне ясно... после последних двух твоих приходо-
ко мне. Очень тяжело твое положение. Один исход казнь, исход
этот имеет свою хорошую сторону – это ясность, полная опре-
деленность. Второй исход для тебя не имеет никакой ясности и
определенности, а потому он тоже мучителен. Ехать за челове-
ком, которому ты не веришь, который кажется не тот, каким
ты себе его рисовала, ехать неведомо куда - это мучительно и
страшно, да и неестественно. Это надрыв. Но, принося, таким
образом, свою определенную жизнь в Киеве в жертву человеку, в
которого ты не веришь, ты этим, Зина, не только себе не дашь
ничего, кроме муки сомнений, но ты и мне не дашь этого сча-
стья, которого я требую от жизни... я имею право на полное
доверие, понимаешь, я имею на это право! Жизнь меня довольно
хлестала этим недоверием, и я сам лучше разобью последнюю
и единственную надежду на счастье, чем принять его, созна-
вая, что ты не веришь мне. Просить о вере так же глупо, как
молить о любви. Ждать, когда придет вера, и терпеть я не могу,
это я теперь взвесил. Я смотрю просто: я тебя люблю и тебе
верю. Ты так смотреть не можешь. С сомнениями нельзя идти
за человеком, это абсурд, если ты его даже и любишь... так,
как хочешь ты, идти нельзя, да я и сам не принимаю, сам буду
мученик... У меня в жизни было одно уродство и горе, я хочу и
требую от жизни счастья. Ты могла бы его дать мне, если бы
верила в меня. Ты не веришь, значит, и ты не можешь мне дать
его...

Я измочалил себе душу, ожидая тебя, видит Бог, не предсто-
ящий суд, а мысли о тебе мучили меня. Потом ты приехала, и
близость, возможность счастья в жизни, сознание, что оно,
это счастье, вот уже пришло, оно около меня, это сознание
заставило меня мучительно бояться смерти, и я изменил себе и
народному долгу. Я только и думал: жить бы, жить бы с ней,
для нее, и обо всем забыл. Понимаешь, ослаб. “Свершилось” то,
чего я боялся в жизни. Теперь вижу, что это, кажется, ошибка.
Без веры в меня ты счастье мне не можешь дать.

В этом мученье, но в этом моя новая сила. Не боюсь теперь смерти потому, что ты не веришь в меня... (далее неразборчиво). Тяжело!"

“6 февраля.

... Зинаида, я хочу тебе сказать несколько очень важных для меня слов. Выслушай же их, прошу тебя, и прими так, как они чувствуются мною. Давно, очень давно я не мог говорить с тобой так, как говорил с тобой, сидя у себя в кабинете, давно не мог говорить, чувствуя себя самим собой, сначала это вызывалось острыми страданиями ожидания тебя и надеждой, что ты хоть чем-нибудь проявишь мне свое существование, надеждой на то, что сама придешь ко мне, т.к. тяжело мне было звать тебя. Тяжело уже потому, что самый факт вызова, необходимости его для того, чтобы увидеть тебя, наводил на мрачные горькие мысли. Знаешь, Зина, я глубоко уверен, что ни один каземат не видел столько мучений любви, сколько видел мой Очаковский, это не фраза. Это было 50 дней сплошного горя потери любимого человека. Это долгое, мучительное горе, унижительные мольбы, просьбы тебя приехать сделали из меня совершенно больного и негодного к жизни человека.

Клянусь тебе памятью моей мамы, что не было у меня ни одного дня тени, даже робости перед ожидающим меня приговором, я совсем не думал ни одного дня об этом, ты одна, жажда видеть тебя, уверовать в твое отношение ко мне - вот все, что наполняло эти дни и создало из меня больного, расслабленного человека, никуда не годного неврастеника, создало слабого, недостойного уважения человека, совершенно раздавленного этой силой чувства любви и горя, я стал больным рабом своего чувства и не имел сил освободиться, был болен тобой.

Ты... понимала все это совершенно иначе, но я никогда не пойму, как именно. Слишком разны мы чувствуем. Знаю одно, Зина, что, случись с тобой в то время, когда я был свободен, одна сотая той беды, которая случилась со мной, то я был бы около

тебя первым в тот же момент, чего бы это мне ни стоило, я мог бы украсть, проползти ползком по рельсам, совершить всяческие безумства, но я был бы около тебя. Так я понимал всю жизнь привязанность и так понимаю ее и теперь. Все же остальное для меня представляется отдаленным напоминанием на сильное чувство. Потом ты приехала, и я уже совершенно больной не мог даже измениться около тебя, т.к. тому мешал этот наемный убийца (по твоему убеждению, человек, исполняющий свято свои обязанности), который всегда торчал около нас и с невиданной в мире жестокостью не мог понять, что нам нужно пробыть 5-6 часов вместе подряд. Эти краткие свидания не только не излечили меня, потому что я был жестоко болен, но только растрavляли душу. Когда я узнал, что на тебя устроена жандармская облава, то я, право, был близок к помешательству.

Словом, все сложилось так, что я из мужчины, каким был, превратился в презренного истерика, дрожащего над любимой женщиной, готового стать ее полным рабом. Я с ужасом вспоминаю это время, Зинаида, веришь ли, я так глубоко презираю себя за это рабство, что противен сам себе, не могу себе простить этого, хотя знаю, что это была жестокая болезнь.

Эта жажда жизни с тобой, не жизни, а именно жизни с тобой, создала из меня больного и расслабленного всем перенесенным, чуть ли не изменника тому делу, которому служу. Мне страшно писать эти слова, но это было так, я до того пал, что пошел чуть ли не на ложь для того, чтобы ухватиться за жизнь с тобой и для тебя. Прекращенные свидания были ударом последним, и я почти впал в безумие. Истерики страшные, опасные для жизни, меня изнурили, и я, наверное, заболел бы совсем, навсегда, если бы не ты, которая излечила меня. А ты и не знала этого? Да, это так, ты меня воскресила совершенно, раз и навсегда, перед тобой стоит теперь не раб, готовый валяться у женских ног и потерявший способность умереть за дело,

уцепившись за любимую женщину, боящийся умереть, чтобы не расстаться с ней.

Перед тобой теперь я, прежний Шмидт, не молящийся тебе, а способный здраво и критически смотреть на тебя, уважающий тебя и любящий так же спокойно, как и ты его. Ведь, право, это хорошо, что так вышло. И знаешь, почему? Эта странная, достойная внимания психологическая метаморфоза произошла от жестокой операции. Ты, как спокойный хирург, причинив мне последнюю, острую боль тем, что бросила меня именно в те дни, в которые только и можно было рассчитывать на свидания, ты этим ударом хлыста заставила меня очнуться, прозреть и излечила меня совершенно. Я знал так же, как и ты, что суд 7 февраля. Значит, комиссия придет 4 или 5 потому, что надо же организовать заседание, устроиться в новом городе. Знал я так же, как и ты, что с судом придут адвокаты, и я мечтал, что, конечно же, ты первая, как самый близкий мне человек, набросишься на них и узнаешь, что это за люди, как они смотрят на дело, это ведь такое естественное движение в любящем человеке, знал, что, как только придет суд, он даст нам повидаться, т.к., конечно, и ты не могла не знать, что не Каульбарс и не Дубасов могут дать их, а только суд. И вот я болезненно доживал это 3 февраля, ожидая приезда суда и думая, что 4-го ты уже получишь от них право на свидание. Но 4-го я получил от тебя письмо, что ты уехала погостить к Ростковской.

Я понял твой отъезд как известие о том, что суд отложен, о чем ты не имеешь права написать мне, но вижу, меня переводят в город, вижу, что они все здесь. Приходит ко мне Аня, узнаю, что ты решила погостить еще один день у Ростковской, именно самый последний день перед судом...

Спасибо, Зинаида, ты излечила меня от страшного долгого недуга.

Перед тобой Петя, который любит тебя так, как должен любить мужчина, любит и твердо знает, что ты у него “на втором плане” ...

Твой Петрусь.

Мне пришла только что страшная мысль, знаешь, ты, наверное, не была бы у меня на похоронах, это противоречило бы гармонии между чувством и разумом. И ты была бы совершенно права, зачем идти? Ведь покойник не зовет!

Я убедительно просил Аню не вызывать тебя телеграммой, потому что я совершенно спокоен за тебя, знаю (неразборчиво) ... у меня же полное спокойствие на суде будет, как при тебе, так и без тебя”.

Все письма П.П.Шмидта, написанные в январе, феврале 1906 г. в каземате Очаковской крепости, публикуются впервые.

В ОЖИДАНИИ СУДА

Во время последнего визита следственной комиссии в каземат Петр Петрович поинтересовался, в какой форме одежды он должен явиться в суд: в мундире, в виц-мундире или в сюртуке? Присутствовавший при этом следователь, не отличавшийся душевной тонкостью, насмешливо произнес: “Вы, как я вижу, и в самом деле немного “того”, милостивый государь! Да будет вам известно, что Высочайшим приказом вы уволены в отставку без мундира, так что можете явиться на суд в любом виде, кроме форменного!”.

20 декабря Шмидт пишет сестре: *“Ася, мне не во что одеться, чтобы быть на суде. Я хочу темно-синий костюм, очень темный, может быть, ты закажешь в Севастополе, взявши мерку из моей квартиры, мой сюртук и брюки. Костюм такого фасона, как военная морская тужурка, из шевиота, дорогого не делай. Потом привези мне две крахмальные мои рубахи, цветные, с воротничками и запонками... Ася, не волнуйся, знай, что мне здесь хорошо и удобно... ”.*

Взять вещи из квартиры Шмидта для того, чтобы снять мерку, было совсем не просто. Севастопольский градоначальник г.Рогуля в этом решительно отказал сестре государственного

преступника. "... Начальство уже запустило в квартиру моего брата его жену, и она снова, как и год тому назад, произвела погром его квартиры, присвоив себе все заново приобретенные им вещи и даже те мелочи, которые были для него особенно дороги, как память о матери... Похищена была и виолончель. Все это закончилось неожиданным инцидентом. Когда все эти вещи вывозились из его квартиры, некий флотский офицер, лейтенант Б., которому брат был должен сто рублей и который уже присылал повестку от мирового судьи в каземат, задержал и принудил сдать похищенные вещи брата на хранение в склад городской станции. (После казни оставшиеся в Севастополе вещи Шмидта были распроданы с аукциона его кредиторам). Я была на свидании у брата в каземате, когда ему принесли эту повестку от лейтенанта Б. Формальность требовала, чтобы брат расписался и написал на ней свой адрес. Жандарм, принесший ее, стоял в ожидании ответа... Брат на мгновение задумался. Потом вдруг взглянул на меня задорно смеющимися глазами и затем пресерьезно, обратившись к застывшему около него жандарму, сказал: "Вам нужен мой адрес... На этом или на том свете, не знаю! Так и напишу". Веселость брата была так захватывающе заразительна, что, невольно отрешаясь от трагизма этой сцены... нельзя было не засмеяться вместе с ним", - вспоминала сестра Шмидта.

Анна Петровна стучалась во все высокие кабинеты, хлопотала о разрешении на свидание с братом для себя, а потом и для З.И.Ризберг. Военный прокурор в течение декабря 1905 г. в своем отношении к просьбам сестры "красного адмирала" был чрезвычайно изменчив: то холодно вежлив, то заискивающе любезен. "Вы напрасно так хлопочете и волнуетесь, Анна Петровна. Быть может, и суда-то никакого над вашим братом не будет", - сказал он однажды. Учивость стража закона меняла свои оттенки в зависимости от настроения российского общества. В декабре в Москве гроыхало вооруженное восстание. Газеты наперебой требовали отмены смертной казни, освобождения руководителя

черноморских повстанцев, кричали о готовившемся “убийстве лейтенанта Шмидта, с заранее обдумантыми намерениями”.

Дело лейтенанта Шмидта и матросов - участников восстания на крейсере “Очаков” - было готово к слушанию. Анна Петровна спешила свидеться с братом накануне суда, непременно 5 февраля - в день его рождения. Добралась до Очакова в середине дня. На горизонте замаячила бронированная громада транспорта “Прут”. Везли обвиняемых матросов. Казалось бы, чего проще доставить к месту суда одного человека вместо того, чтобы транспортировать всех обвиняемых. Но популярность “красного адмирала” возрастала с каждым днем. Похоже, что, арестованный, он был не менее опасен для власти предрежащих, чем свободный.

В единственной очаковской гостинице - “номерах Токовенко”, как она именовалась, Анне Петровне сказали: “З.И.Ризберг уже с неделю как нет в Очакове. Она в Одессе”. Вечерело. Море было беспокойно. Но это не останавливало Анну Петровну. Не разрешат катер - она будет добираться до острова Морской батареи на рыбацкой лодке. Жандармский ротмистр был решительно против: “Сегодня поздно, уже темно”. Направилась лично к коменданту Очаковской крепости. Присяжный поверенный Врублевский предложил ехать вместе. В доме генерала Григорьева они увидели председателя военно-морского суда Александрова и прокурора Ронжина. На просьбу разрешить ехать в каземат Григорьев сразу не ответил. Только после слов прокурора, что тот “со своей стороны не встречает препятствий к свиданию”, сказал: “Ехать вам на Морскую батарею не надо. Он уже здесь”. И опять - к ротмистру Полянскому, а потом вместе с ним снова за подтверждением разрешения - к прокурору. И, наконец, здание гауптвахты. В окнах, наполовину густо замазанных известкой, горит свет. Множество солдат с ружьями.

“... На столе горела лампа, и я сразу увидела брата... Он был один и лежал на оттоманке. Лицо его было серьезно и задумчиво... Он увидел меня и радостно вскочил. “Ах, Ася, как я рад, я так и знал, что ты сегодня непременно приедешь!”. Мы

провели этот вечер вдвоем, говоря обо всем, стараясь забыть - где мы, вспоминая наше детство, далеких дорогих нам обоим с детства людей, всю нашу прошлую жизнь... Чувствовали себя особенно близкими друг к другу, и глазами, движением договаривали, сразу понимая все, чего нельзя было говорить при жандарме... Брат неожиданно рассмеялся своим прежним молодым веселым смехом... С З.Р. он довольно давно не виделся: сначала запретили свидания, а потом она "по своим личным делам", как пишет, уехала в Одессу и сегодня поздравляет его с днем рождения письмом из Одессы... Несколько раз жандармский ротмистр вставал и напоминал мне, что пора уходить... "Не торопите ее, дайте мне еще посидеть с ней, - говорил Петя ротмистру. - Не мешайте нам, а то, смотрите, буду потом являться к вам с веревкой на шее, - шутил он, и я оставалась...", - вспоминала сестра лейтенанта Шмидта.

А.П.Избаш стоило больших усилий добиться разрешения на свидания брата с его возлюбленной. Но какая же это была радость для него! Начавшись 7 января, свидания продолжались почти каждый день. Но 22 января были внезапно прекращены. Комендант крепости был непреклонен, но причину запрета не объяснял. Какие муки от этого решения испытывал несчастный узник, рассказывают его письма. Зинаида Ивановна о своем отсутствии в Очакове в день рождения Петра Петровича, последнего в его жизни, 39-го по счету, пишет в своих воспоминаниях: "... Я ждала, что вот-вот разрешат свидания. Все мои надежды были напрасны... Я вспомнила, что в Одессе у меня есть знакомая К.Р. У меня явилось решение уехать на один день к ней, уехать для того только, чтобы принять ванну и вернуться обратно. Предупредила Полянского о своем отъезде и немедленно выехала в Одессу. Это было 4 февраля. 5-го я рассчитывала возвратиться обратно. Не суждено мне было выехать. 5-го числа опоздала к пароходу, а в ночь на 6-е получила телеграмму из Очакова от Анны Петровны о немедленном моем выезде в Очаков".

Строгому жандармскому наблюдению и лишению свиданий З.И.Ризберг подверглась по не зависящим от нее причинам. В одной из петербургских газет в эти дни появилась публикация, в которой рассказывалось об издевательствах над плененным Шмидтом на “Ростиславе”. Жандармское ведомство ошибочно приписало авторство статьи Ризберг. Зинаида Ивановна в своих воспоминаниях связывает запрет на свидания с тем, что в Севастополе произошло покушение на адмирала Чухнина. Покушение на убийство Главного Командира Черноморского флота и портов Черного моря произошло позже, 27 января 1906 г. Его совершила женщина, назвавшаяся дочерью адмирала Чалеева. Она попросила принять ее в особняке Главного Командира Черноморского флота. И там же четырьмя выстрелами ранила Чухнина. Ее схватили. По приказу Чухнина его ординарец убил женщину пятью выстрелами, предварительно привязав к столбу. З.И.Ризберг никакого отношения к этим событиям не имела.

Через 20 лет сын лейтенанта Шмидта напишет в своих воспоминаниях: “Я рассматривал во все глаза позднюю привязанность моего отца, слушал ее и недоумевал. “Женщина будущего”! Несчастный отец! Даже перед смертью тебе не удалось избежать последнего горчайшего разочарования!”. Не увидел в подруге своего подзащитного “стройной фигурки с томиком Гейне”, как виделась она самому Петру Петровичу, и присяжный поверенный, доверенный защитник лейтенанта Шмидта А.М.Александров. “Я видел корреспондентку Петра Петровича в Очакове и был поражен несоответствием идеала с действительностью. Тем не менее я от души благодарен этой женщине, так как, не будь этой встречи, не были бы написаны и его замечательные письма”.

СУД

Очаков был объявлен на военном положении. Въезд посторонним лицам воспрещен. Разрешен только имеющим непосредственное отношение к суду над “очаковцами”, который был назначен на 7 февраля. Однако захолустное южное местечко стало настолько популярным, что сюда пожаловали даже корреспонденты не только российских газет, а даже из Америки и Англии. Суд был закрытым. Всего прибыло 126 свидетелей. Из них 99 свидетелей обвинения. Среди них был и старший офицер броненосца “Ростислав”, лейтенант Карказ. Как выяснилось в процессе судебного разбирательства, почти все свидетели обвинения были пленниками “красного адмирала” на “Очакове” 15 ноября. Таким образом 90% материала для обвинения было обеспечено заранее. Из 27 свидетелей защиты 11 на суд не явились. Не разрешили присутствовать на суде и сестре Шмидта А.П.Избаш, его сыну Евгению, который имел право быть на суде в качестве непосредственного свидетеля событий 15 ноября. Не получила такого разрешения и З.И.Ризберг. Адвокаты Грузенберг и Пергамент тоже не были. Грузенберг заболел, а Пергамент считал, что его принадлежность к еврейской национальности может осложнить усилия коллег-адвокатов, и от участия в про-

цессе отказался. Всего подсудимых было 41 человек. Проходил суд в здании Военного Собрания.

Председатель суда полковник Александров объявил состав суда: капитан I ранга Мореншильдт, капитаны II ранга Константинов, Васильев - командиры кораблей “Синоп”, “Ростислав” и “Память Меркурия”. (По данным исследователя жизни лейтенанта П.П.Шмидта Г.Самолиса, все трое судей учились вместе со Шмидтом в Петербургском морском училище). Противники восставшего “Очакова” по “бою” 15 ноября и тут рвались в наступление. “Бой” продолжался. Суд всеми силами старался взвалить всю вину за само восстание и за его последствия на Шмидта. Ему было предъявлено обвинение по ст.109-й - организация вооруженного восстания, и по ст.100-й - насильственное ниспровержение существующего строя. В этом же обвинялись и подсудимые кондуктор Сергей Петрович Частник, машинист Александр Иванович Гладков, комендор Никита Григорьевич Антоненко.

Прокурор Ронжин говорил более трех часов красиво и обстоятельно. Защитник Врублевский назвал его речь “ажурной работой”, образцом обвинительного искусства. Но были в его обвинении и слабые места, в частности, о том, что якобы первый выстрел был с “Очакова”. “Офицеры-артиллеристы, принимавшие активное участие в подавлении восстания, вызванные свидетелями, показывали, что “Очаков” первым не стрелял, а что уже под огнем с судов, полевой артиллерии и Константиновских батарей он попытался отвечать и, едва дав несколько выстрелов, умолк”. Из их показаний выходило, что “Очаков” оставался неподвижной мишенью и сразу утратил все достоинства легкого быстроходного крейсера. Исследователь этого периода нашей истории, и, в частности, восстания на крейсере “Очаков”, Р.М.Мельников в одноименной книге пишет: “... На кораблях правительственной эскадры не зарегистрировано ни одного попадания. А ведь дистанция до флагманского корабля “Ростислав” не превышала 5-6 кабельтовых (т.е. 900-1100 м)! Ведь один “Ростислав” отчитался

в расходовании 3600 ружейных патронов”. В остатках же мятежного крейсера было обнаружено 63 пробоины.

Обвинение в том, что первым начал стрелять “Очаков”, решительно отрицал и Шмидт. Предъявление обвинения Шмидту по ст.100 - ниспровержение существующего строя - тоже “спотыкалось” о серьезные препятствия. Зачитанные на суде показания В.Г.Володзько, к моменту суда уже уволенного из флота без пенсии и права ношения мундира, выглядели показаниями крамольника и веса не имели. А вот свидетельства доктора Л.А.Флерова, который привел слова П.П.Шмидта: “Я, как социалист, - вне всяких партий, - против опасных действий социал-демократической партии, которые по своим последствиям могут привести матросов к расстрелу их другими частями войск. Я - противник всякого насилия, вооруженных восстаний, кровопролитий при политической перемене государственного строя в России, я даже против всяких демонстраций и манифестаций, часто заканчивающихся братоубийственными избиениями и никому не нужными кровопролитиями”, - сказанные им 13 ноября в канцелярии и в присутствии севастопольского градоначальника Рогули, правителя канцелярии Вуколова и его, Флерова, - вычеркнуть из судебного дела было трудно.

Когда прокурор, используя отобранные у З.И.Ризберг жандармским ротмистром Полянским интимные письма Шмидта, ненароком заметил, что Шмидт и его сын первыми бросились спасаться с пылающего “Очакова”, Врублевский не выдержал и прервал ажурную речь обвинителя знаменитой репликой: “Господин прокурор, саван должен быть чист!”. Скольких моментов у локомотива обвинения, несмотря на профессиональную подготовленность, было немало. Иногда даже не отличавшиеся особым интеллектом подсудимые ставили просвещенных судей в тупик.

“ - Ваше превосходительство, - обратился к председателю суда один из обвиняемых матросов, желая облегчить участь товарища, - так ведь кортика он не отымал...

- Откуда это тебе известно? - строго спросил судья.

- Так ведь кортик отнял я, ваше превосходительство, - просто-душно признался обвиняемый”.

Справедливости ради следует заметить, что “... в своей речи прокурор неоднократно подчеркивал идеальный и бескорыстный характер всех побуждений и поступков Шмидта в роковой день ноябрьского восстания, отдавал должное его кристально чистой и героической натуре, его рыцарской отваге и неустрашимости. Сказал, что Шмидт был увлечен событиями дальше своих убеждений”.

Подсудимые слушали прокурора в основном спокойно. Душа и истинный герой и руководитель восстания Частник смотрел на суд, как на predetermined формальность, которую надо пережить с достоинством. Богатырь Антоненко был устремлен в себя, спокоен. Спокоен был и член матросской комиссии Гладков. Шмидт рисовал карандашом во время речи прокурора. (Он оставил рисунки зала морского собрания Очакова, где проходил суд, и расположение в нем судей, подсудимых, защиты, обвинителей и т. д.).

Защитники прилагали все свое умение для того, чтобы спасти подзащитным жизнь. Зарудный, избегая пафоса, оперировал исключительно статьями свода законов Российской империи. Доказал, что матросский бунт на “Очакове” был стихийным отголоском всероссийской смуты и нельзя “вырезать” его в отдельное “Дело”. Что подсудимый Шмидт по долгу совести и верно-подданного уведомил своей телеграммой Государя Императора об истинном положении вещей на Черноморском флоте и указал ему выход из тупика - созыв Учредительного Собрания. Адвокат заметил, что если и есть вина Шмидта, так только в том, что он действовал “через голову”, минуя Главного Командира Черноморского флота и портов Черного моря.

Говоря о ст.109, Зарудный доказал, что вооруженного восстания, как такового, не было, поскольку оружия крейсер “Очаков” 15 ноября не употребил. Офицеры “Святого Пантелеймона” и

“Прута” дали себя арестовать сами, сопротивляться лейтенанту Шмидту даже не пытались.

Речь защитника Александрова была страстной и захватила всех присутствующих. Он говорил о Шмидте как о человеке, горячо любящем свою несчастную родину, готовом для ее спасения перешагнуть не только условные рамки военной дисциплины, но тысячу раз пожертвовать своею жизнью. Призывал не прибавлять к пролитым океанам народной крови еще и кровь подсудимых. Александров говорил так ярко, эмоционально и убедительно, что многие в зале плакали, тронуты были даже судьи. “Генерал Григорьев сорвался со своего места и, пожимая мне руку, громко сказал: “Мы убедились, что вы защищали героя”, - вспоминал А.М.Александров.

Врублевский просил суд отправить приговор на благоусмотрение царя. “Заканчивая свою краткую речь, он просил передать государю, что люди, которых судят, как изменников престола, в своем последнем слове восклицают: “Царь, грядущие на смерть приветствуют тебя”.

Как написал потом об этом суде присяжный поверенный Александров, “... центральной фигурой процесса был Шмидт. Часто казалось, что не его судят, а он судит... Силу его огромного нравственного авторитета и гипнотизирующего влияния испытывал даже прокурор... Собственная судьба Шмидта не беспокоила... Если бы Шмидт занял колеблющуюся позицию, смертных приговоров было бы не четыре, а вдвое больше, т.к. прокурор настаивал весьма энергично на 12-и. Шмидт, только он один, сумел вырвать из объятий смерти 7 или 8 человек... Своей смертью он уничтожил их смерть... И если бы не прямое давление сверху, то в “очаковском” процессе, вероятно, не было бы ни одного смертного приговора”.

Защитники матросов Балавинский и Винберг доказывали, что Частника, Антоненко и Гладкова нельзя выделять из общей массы восставших на крейсере “Очаков”, т.к. их поведение и поступки ничем не отличались от действий остальных участни-

ков восстания. Следствие установило, что ни один из них ни разу не выступал на митингах.

Дважды во время процесса Шмидта покидало самообладание. Первый раз - когда свидетель обвинения доктор Антонов, 15 ноября находившийся на “Очакове” в качестве арестованного, а потом опубликовавший до суда статью в “Новом Времени” “Пять часов в плену у Шмидта” и приписавший Шмидту намерение “образовать Перекопскую республику”, переиначил на свой лад речь “красного адмирала” перед арестованными офицерами на “Очакове”. И второй раз - когда казенный защитник Девиссон, который защищал всех подсудимых, потребовал медицинского переосвидетельствования Шмидта, поскольку “он (Девиссон. - **А.В.**) не допускает возможности для русского офицера, находящегося в здравом уме и твердой памяти, пойти на такое “безумное и, главное, безнадежное дело”. В заседании суда приходилось делать перерыв.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО

Суд с самого начала демонстрировал стремление не к истине, а к концу. Все замечания защиты игнорировались. Заявленный Зарудным отвод составу суда, как лично заинтересованному в исходе дела, председателем суда был безоговорочно отклонен. Не был допущен ни один свидетель защиты. А мнения свидетелей обвинения, которые характеризовали Шмидта объективно, во внимание не принимались. Так, офицер броненосца “Святой Пантелеймон” Суходоля показал, что “угрозе Шмидта “вешать офицеров” никто не придавал значения, что это были только слова, в целях произвести известное впечатление на “усмирителей”. Старший офицер “Очакова” Скаловский в своих показаниях говорил, что, узнав, что Шмидт взялся руководить повстанцами, думал, что восстание кончится мирно. Все свидетели характеризовали Шмидта как человека в высшей степени гуманного, совершенно не способного к пролитию крови”.

17 февраля 1906 г. П.П. Шмидт произнес последнее слово.

“Господа судьи! Перед вашими беспристрастными глазами прошло дело, во главе которого был я. Не могло это дело стать совершенно ясным, т.к. оно явилось здесь как обрывок общего великого русского дела, самая сложность которого не позволяет

нам, современникам, обнять его беспристрастным взором. И этот обрывок русского дела, слабо освещенный свидетельскими показаниями, ждет теперь над собой вашего приговора!

Я говорил вам, господа судьи, что не должно быть в этом деле произнесено ни одного слова неправды - только одну правду вы слышали от меня, и, я знаю, вы верили мне.

Предсмертная серьезность моего положения, ответственность перед Родиной побуждают меня еще раз сказать вам о тех молодых жизнях, которые ждут со мной вашего приговора. Клянусь вам, что те случайные свидетельские показания, которые устанавливали ряд улик против того или другого матроса и тем увеличивали вину некоторых из них, не могут, не должны быть приняты во внимание. Верьте мне, что стройное накопление улик не может руководить вами. Верьте мне, что все они были совершенно однородной массой, что никому из них нельзя вменить в вину близость к Шмидту. Все они были одинаково близки мне, и что сама правда требует, чтобы ответил я один за это дело, в полной мере. Сама правда повелевает выделить меня.

Я не прошу снисхождения вашего, я не жду его. Велика, беспредельна ваша власть, но нет робости во мне, и не смутится дух мой, когда услышу ваш приговор.

Не первая Россия переживает дни потрясений, и в истории всех народов, при взаимном столкновении двух начал - отжившей и молодой народной жизни - были всегда жертвы. В минуту государственного хаоса не могут не возникать такие глубоко трагические недоразумения.

Я встречаю приговор ваш без горечи, и ни минуты не шевельнется во мне упрек вам. Я знаю, что и вы, господа судьи, страдаете, вы так же, как и мы, жертвы переживаемых потрясений народных.

Без ропота и протеста приму смерть от вас, но не вижу, не признаю вины за собой!

Когда провозглашенные политические права начали отнимать у народа, то стихийная волна жизни выделила меня, заурядного

человека, из толпы, и из моей груди вырвался крик! Я счастлив, что этот крик вырвался именно из моей груди!

Я знаю, что столб, у которого встану я принять смерть, будет водружен на грани двух разных исторических эпох нашей Родины. Сознание это дает мне много силы, и я пойду к столбу, как на молитву...

Позади за спиной у меня останутся народные страдания и потрясения тяжелых лет, а впереди я буду видеть молодую, обновленную, счастливую Россию.

Великая радость и счастье наполняет мне душу, и я приму смерть!”.

В варианте “Последнего слова” по книге Е.Шмидта-Очаковского последнее слово заканчивается словами: “В последнюю минуту я буду думать: да живет русский Царь, да здравствует грядущее народное представительство, да здравствует обновленная, могучая, счастливая, свободная Россия!”.

Военно-морской суд вынес приговор: “Отставного лейтенанта Петра Шмидта лишить прав состояния и подвергнуть смертной казни через повешение. Старшего баталера Сергея Частника, комендора Никиту Антоненко и машиниста Александра Гладкова исключить из службы, с лишением воинского звания, лишить всех прав состояния и подвергнуть смертной казни через расстреляние”.

Кассационная жалоба защиты осталась без ответа. Игнорировали власти и вторую кассацию защиты. Главный Командир Черноморского флота и портов Черного моря Г.П.Чухнин конформировал приговор. Однако, по некоторым сведениям, на суде, при обсуждении приговора по делу Шмидта, голоса судей разбились поровну: два - за казнь Шмидта, два - за каторгу. Когда запросили по этому вопросу Чухнина, тот ответил по телеграфу: “Если вы все желаете, чтобы негодяй Шмидт был в мае месяце морским министром, то даруйте ему жизнь. Мне же кажется, что этого негодяя нужно как можно скорее повесить”.

Смертная казнь через повешение применялась в основном за тяжчайшие уголовные преступления. Военно-морской суд не преминул унизить “красного адмирала” и самой смертью. Но смертная казнь через повешение все-таки была заменена Шмидту. Не потому, что смиростивились господа судьи. По сообщениям газет тех лет, в это время было несколько случаев убийств палачей. “Палач, ехавший для казни П.П.Шмидта, был ранен”.

В своей последней беседе с защитником Винбергом после того, как кассационная жалоба осталась без ответа, Шмидт говорил: “Меня тревожит мысль, что могут поверить клевете, будто я приказал стрелять с крейсера “Очаков”. Я не могу умереть с этим позорным клеймом. Я не убил ни одного человека, скажите это всем от моего имени. Неужели поверят этой гнусной, подлой клевете?”.

Присяжный поверенный Александров вспоминал о своем подзащитном, о его последнем слове: “О предсмертной серьезности мы впервые услышали от Шмидта. Он был полон жизни и любил жизнь, он любил искусство, семью, был безгранично предан интересам народных масс, он достиг высокого расцвета духовных и физических сил, жизнь представлялась ему прекрасной - и все же он не боялся смертной казни в обычном смысле этого слова. Даже в последние минуты Шмидт не чувствует страха смерти, а сознает только “предсмертную серьезность своего положения перед родиной”. Он хочет отчитаться перед настоящим и будущим поколениями... ”.

ПРИГОВОР

Петр Петрович не хотел, чтобы Женя был в Очакове во время вынесения приговора, просил сына уехать раньше. Так сохранялся робкий призрак надежды, зыбкое состояние неоконченности происходящего. Вечер 16 февраля Петр Петрович, Евгений, Анна Петровна и Зинаида Ивановна провели в камере на гарнизонной гауптвахте вместе. Евгений запомнил его как “лучший из вечеров”. И, если бы не присутствие жандармского ротмистра, все было бы почти по-семейному. “Развалившись в кресле и попыхивая папиросой, отец небрежно кинул ротмистру Полянскому, сидевшему на своем излюбленном месте - продавленном диване:

- Ну как, милейший мой Петр Константинович, уже поставили виселицу? Кстати, где будут меня вешать?

Растерявшийся Полянский с трудом нашел силы возмущенно пролепетать: “Что вы, Петр Петрович, что вы...”

Впрочем, в этот вечер жандармский ротмистр был смущен не единожды. Шмидт шутил, смеялся, был остроумен, оживлен. Попросил Женю записать афоризм. Дремавшему Полянскому показалось, что Шмидт передал сыну записку. “Петр Петрович, вы передали сыну записку. Извольте ее показать”, - потребовал

жандарм безапелляционно. Шмидт недоумевал. Какую записку? “Да что я, шулер?! - заревел он, наступая на опешившего Полянского. - Шулера-с в России в тюрьме не сидят, господин жандарм, а на свободе ходят!” - рассказывал Евгений Шмидт в своих воспоминаниях.

На следующий день Женя должен был уехать в Одессу, а оттуда уже в Севастополь и Керчь, где в семье своей тети, Анны Петровны, ему предстояло жить. Рано утром он навестил отца на гауптвахте. Неизменного Полянского на этот раз при сем не было. В камере был защитник и доверенное лицо Шмидта А.М.Александров. Он не вмешивался в последний разговор отца и сына и помнил его до конца своих дней, как и своего необыкновенного подзащитного. Впечатления Александрова об этой встрече почти полностью совпадают с воспоминаниями о ней Евгения Петровича Шмидта-Очаковского.

“ - Я все забываю поблагодарить тебя за письмо в редакцию “Молвы”, - сказал отец, крепко пожимая мне руку. - Сколько счастья оно мне дало! С какой гордостью я его читал! И как верно, как хорошо ты говоришь о наших отношениях!

- Как бы хорошо я ни говорил о них... Словами не передать того, что значит один из нас для другого. Только мы знаем это.

- Верно, голубчик! Другие никогда не узнают. И не надо, чтобы узнавали...

- Папа, я... Я ничего не понимаю! - вырвалось у меня с рыданием. - Ты, лучший из людей, ты, не сделавший никому зла, ты, всеми, да, всеми, даже врагами, любимый, - должен умереть! Почему? Кому это нужно? Быть может, ты понимаешь? Я ничего не понимаю!

- А я понимаю, - возразил отец, прижимая меня к себе и вытирая мне слезы туго свернутым в комочек носовым платком, - я понимаю, что мы с тобой сейчас не на земле, а где-то наверху. Верь мне, голубчик, верь, сынишка мой славный, - нет и не может быть вечной разлуки для тех, кто любит друг друга, как мы с тобой! Что бы со мной ни случилось, моя душа всегда будет

около твоей души, будет радоваться твоей радостью и печалиться твоим горем. Верь, верь своему папке, мой друг единственный, мой честный и мужественный мальчик! Верь, что все к лучшему, верь, что я умру счастливым и радостным, и знай, что последняя моя мысль будет о тебе.

Отец побледнел, как мертвец, но глаза его горели восторженным, лучезарным огнем, в котором не было уже ничего земного.

- А теперь иди, беги, Женя, не то опоздаешь на пароход... Помни, - продолжал отец, положив мне руки на плечи и пристально-строго глядя в глаза: "Аня - твоя мать, Коля - твой брат, Ляля и Мака (младшие дети А.П.Избаш Сергей и Елена. - **А.В.**) - твои дети, и ты их должен поставить на ноги. И еще: всеобщее, прямое, равное и тайное". (Петр Петрович имел в виду избирательное право. - **А.В.**).

18 февраля утром на гауптвахте ротмистр был строг как никогда. Приказал быстро собрать все вещи, сказал, что сюда подсудимый уже не вернется, спешил возратить Анне Петровне деньги, оставшиеся от тех, что она давала на расходы для брата. В этот день был произнесен приговор подсудимым. На плавучую тюрьму "Прут" - свое последнее пристанище на этом свете - матросы шли в суровом, торжественном молчании. Шмидт спокойно смотрел вокруг. Кто-то из осужденных запел, Петр Петрович тихо сказал им: "Не нарушайте торжественности". "Мы (А.П.Избаш и З.Ризберг. - **А.В.**) пошли с ним рядом. Впереди нас матросы начали срывать свои погоны и бросать их на дорогу. Брат несколько раз нагибался, поднимал, бережно очищал с них пыль и клал их своей рукой мне в муфту", - вспоминала А.П.Избаш.

Приговор в окончательной форме был объявлен повстанцам уже на "Пруте". "Отставного лейтенанта Петра Шмидта лишить прав состояния и подвергнуть смертной казни через повешение. Старшего баталера Сергея Частника, комендора Никиту Антоненко и машиниста Александра Гладкова исключить из службы, с лишением воинского звания, лишить всех прав состояния и подвергнуть смертной казни через расстреляние".

Газеты тысячами, миллионами голосов кричали о недопустимости смертной казни над восставшими матросами и их командиром. Бесстрастная, “профессорская” - так называли газету “Русские ведомости”, - в тревожные дни ожидания писала:

“Внимание всей России сосредоточено сейчас на участии одного человека. Посреди массы забот и беспокойств, которые окружают русских обывателей, посреди непрерывного ряда самых мрачных и острых впечатлений, посреди новых и новых жестокостей и опасностей что, казалось бы, могла значить для общества жизнь одного человека? Почему с таким лихорадочным чувством, с таким беспокойным вниманием останавливается читатель на телеграммах, идущих из Севастополя и говорящих о будущем лейтенанта Шмидта? Приговор над несчастным вождем “Очаковского дела” волнует общество, как будто лейтенант Шмидт после долгих-долгих лет отсутствия смертной казни был единственным человеком, над головой которого нависла страшная опасность смертного приговора.

Право ли общество, так выделяя одного человека над массой других, расстреливаемых, вешаемых, казненных? Тот, кто внимательно посмотрит на причины этого беспокойного отношения общества, должен признать, что оно право. Право оно потому, что в судьбе несчастного лейтенанта Черноморского флота он увидит типичное выражение своей собственной участи. Экзальтированный, пораженный величием открывающейся перед ним цели человек, не столько руководящий событиями, сколько вдохновляемый ими, - таковым представляется нам лейтенант Шмидт. Нахлынувшие волнения довели эту впечатлительность до болезненности. Подобно многим другим, Шмидт представлял человека, которого захватило трудное время не готовым к трудной борьбе и которого налетевшие, как буря, события наэлектризовали, возбудили, сделали болезненно чутким ко всему происходящему.

И в этом отношении Шмидт повторяет историю всего русского общества в переживаемый нами момент, повторяет он ее и в той цели, к которой стремился. Как объяснил Шмидт на суде, его

цели сливаются с началами, возвещенными в манифесте 17 октября. Он защищал эти начала и за них несет теперь наказание. В таком положении находится значительная часть русского общества. Подобно лейтенанту Шмидту оно с болезненной чуткостью отнеслось к раскрывающейся перед ним задаче, подобно ему оно готово было защищать основные начала манифеста 17 октября. И так же, как он, оно стоит теперь перед вопросом, будет ли совершена смертная казнь над “незыблемыми основами гражданской свободы”.

И вот почему с лихорадочной тревогой ждет оно известий из Севастополя”.

С лихорадочной тревогой и поспешностью, желая и надеясь всеми силами спасти брата от смертной участи, Анна Петровна помчалась в Северную Пальмиру. Там, в Петербурге, мог бы быть произнесен самый окончательный приговор - не смертный. Первая надежда на влиятельного дядюшку Владимира Петровича не оправдалась. Восьмидесятилетний член Адмиралтейств Совета был в прямом и переносном смысле глух к судьбе своего мятежного племянника. Граф Витте - премьер-министр России, встретил сестру лейтенанта Шмидта очень приветливо, даже пообещал хлопотать перед Государем Императором за предводителя повстанцев. Но потом так же предупредительно поведал, что не в силах противостоять воле Государя. Князь Мещерский ободрил и обнадежил просительницу: “... он будет помилован”. О том, чтобы лейтенант Шмидт был помилован, вроде бы хлопотали перед Императором и принцесса Альтенбургская и даже сама Государыня Мария Федоровна. Но вот морской министр Бирилев и министр внутренних дел Дурново сестру “красного адмирала” не приняли. С.Ю.Витте, надеясь на монаршую милость и не найдя других веских аргументов для отмены смертного приговора, доложил Государю о психическом расстройстве лейтенанта Шмидта. Николай Второй на докладе премьер-министра наложил резолюцию: “У меня нет ни малейшего сомнения в

том, что если бы Шмидт был душевнобольным, то это было бы установлено судебной медициной”.

4 марта 1906 г. в Севастополь адмиралу Чухнину пришло высочайшее распоряжение из Петербурга: “Поступить по закону!”. Главный Командир Черноморского флота и портов Черного моря торопился выполнить распоряжение как можно быстрее и тщательней.

“Красный адмирал” и матросы ожидали подтверждения приговора в плавучей тюрьме “Прут”. Все последние дни жизни с ними общался защитник А.В.Винберг. Он был в каюте Шмидта, когда пришло известие о подтверждении смертного приговора. Как потом рассказал Винберг Анне Петровне, Петр Петрович выслушал сообщение о неизбежности смерти для себя - спокойно. Но, узнав о подтверждении смертного приговора трем матросам, зарыдал и повторял несколько раз: “Это - дети, зачем их приговаривать к смерти!”.

Защитник повстанцев запомнил их последние дни на этом свете. Узнав, что казнь будет совершена на Березани, Петр Петрович подошел к иллюминатору камеры-каюты, откуда были видны очертания одинокого безлюдного острова... Раздумчиво произнес вслух: “Мне будет хорошо умирать на Березани... Надо мной будет высокое небо, вокруг меня море - моя родная, моя любимая стихия”... Потом, видя, что Винберг взволнован (“Я был ужасно потрясен”, - вспоминал защитник), Шмидт дружески встряхнул его за плечо и сказал: “Что это за лицо Вы сделали, Анатолий Владимирович? Давайте обедать вместе”.

И все считанные предсмертные дни он думал о сыне и сестре, о матросах. Евгению Шмидт послал с “Прута” телеграмму: “Сыночка милый, будь мужественен. Я спокоен и счастлив. Принял приговор и буду тверд до конца. Крепко люблю тебя. Обнимаю. Твой друг папка”. Послал Жене текст своего Последнего слова на суде. Евгений получил его в день своего рождения 28 февраля. Последнее письмо от брата передал Анне Петровне Винберг.

“Голубка моя, Ася, сестренка моя хорошая.

Ты сегодня, по моим расчетам, должна приехать в Петербург. Когда я узнал, что милый Зарудный едет с тобой, то это очень обрадовало меня. Спокойная задушевность этого прекрасного человека, его светлый ум, знания и опыт должны быть тебе незаменимой опорой в эти мучительные, тревожные, страшные для тебя дни. Ася, милая, если бы ты могла заглянуть мне в душу, если бы ты могла постичь, как хорошо мне, как спокойно я жду своей казни, то ты, наверное, не страдала бы, а радовалась бы за меня.

Я остался верен главному, и сама смерть, направленная на “Очаков” со всех сторон, не победила меня. Если бы я был убит в бою, то это не было бы жертвой, а теперь моя смерть на эшафоте все покрывает, все очищает и успокаивает мою душу. Сознание ожидаемой казни наводит на меня никогда раньше не посещавшее меня, особенно тихое и торжественное, настроение. Я пребываю в этом состоянии непрерывно, и хорошо мне.

Сестра моя, голубка милая, говорю тебе все, что в действительности чувствую, все говорю, как на исповеди, потому что знаю, что ты одна на всем свете своей необъятной любовью ко мне все поймешь, даже если я и не в силах ясно высказаться тебе. Проникнись же, Ася, чистотой моей смерти и не страдай, а радуйся за брата своего! Знай, Ася, что ближе тебя и Жени у меня никого никогда не было за всю мою жизнь. Живи детьми, как жила всегда, и не горюй обо мне.

Прощай, голубка моя, твой Петя”.

Передал Винберг письмо от Шмидта и своему коллеге Балавинскому.

“Дорогой Сергей Александрович!

Тяжелую обязанность Вы взяли на себя! После приговора Вы поехали стучаться к Чухнину. Тяжело это! Вы попали в то положение, в котором был я до “Севастополя”: он не принял

меня, не принял и Вас. Они не любят принимать людей, которые могут помешать их убийствам!

Пусть убивают, пусть не принимают, все же мы счастливее и сильнее, чем они, все же победа за нами!

Спасибо Вам за все. Любящий Вас и глубокоуважаемый П.Шмидт.

Очаков. "Прут". 4 марта 1906 г. "

...Простился П.П.Шмидт и с Зинаидой Ивановной.

"20 февраля 1906 г., транспорт "Прут".

Прощай, Зинаида!

Сегодня принял приговор в окончательной форме, вероятно, до казни осталось дней 7-8. Спасибо тебе, что приехала облегчить мои последние дни. Живи, Зинаида. Забудь тяжелые дни и люби жизнь по-прежнему. Не жди приговора в России, поезжай в Испанию, там рассеешься, из газет все равно узнаешь, когда совершат казнь. Я совершенно счастлив и покоен.

В моем деле было много ошибок и беспорядочности, но моя смерть все довершит, и тогда, увенчанное казнью, мое дело станет безупречным и совершенным.

Я проникнут важностью и значительностью своей смерти, а потому иду на нее бодро, радостно и торжественно.

Если бы даже мне вернули жизнь, то и тогда не ломай своей, не иди за мной, а живи, Зинаида, для себя, ищи людей, они везде есть, будь счастлива...

Прощай, Зинаида. Еще раз благодарю тебя за те полгода жизни-переписки и за твой приезд. Обнимаю тебя, живи, будь счастлива.

Твой Петя.

Я далеко отошел от жизни и уже порвал все связи с землей. На душе тихо и хорошо. Прощай.

Защиту перешили Жене и проси его телеграфировать мне на "Прут", что он ее получил".

...Адвокат А.М.Александров до конца дней помнил суд над “очаковцами” и их вожаком П.П.Шмидтом и все, что было связано с ним. В письме к А.П.Избаш от 29. 07.1929 г. по поводу издания ее книги “Лейтенант Шмидт. Воспоминания сестры” он пишет: “... Вы забыли один эпизод, а других совсем не знали, т.к. тогда, в Очакове, я Вам ничего не сообщил. Первый эпизод. На другой день по приезде Вы повели меня к ней (З.И.Ризберг. - А.В.) познакомиться... Я всего ожидал, но не того, что увидел... Я был подавлен, сидел и молчал... Тогда она мне говорит (жеманным отвратительным тоном): “Вы читали письма, которые мне, - здесь она сделала ударение, - написал Петр Петрович?”. “Это не вам он писал”, - ответил я. “А кому же?”, - спросила Зинаида. “Своей мечте, фантастическому образу”. Больше я ни слова не сказал, а затем ушел.

... В Очакове Шмидт был дважды расстрелян: его расстреляло правительство, но еще большей казни его подвергла З.Р. В своих... воспоминаниях она сознательно спустилась до неслыханной клеветы и приписала человеку, да еще Шмидту, желание съесть “бутерброды с семгой” между двумя эшафотами...”.

Примечательно его письмо к М.В.Альбовой от 12 мая 1936 года.

“...Итак, наступил день оглашения приговора. Вы, конечно, знаете, что даже в процессах, которые слушаются при закрытых дверях, - приговор обязательно оглашается при дверях открытых. В назначенный час все были в сборе. В зал судебного заседания вошла и Анна Петровна, и Зинаида. Я же не вошел, а ходил в смежной с залом суда комнате. Не знаю, сколько я оставался в своем одиночестве, но, наконец, открыли обе половинки двери, и я увидел Шмидта. Он шел под руку с Анной Петровной, а с правой стороны была Зинаида. Я никогда не забуду, никогда, даже тогда, когда пробьет и мой смертный час, - лица Петра Петровича. Лицо его несколько похудело и побледнело. Склонившись к Анне Петровне, он улыбнулся, но улыбался такую чистою, светлою, счастливою и безмятежною улыбкой, как улыба-

ются дети в самом юном возрасте, когда они смотрят на свою дорожную маму... Так именно улыбался мой сын Андрей, несколько лет тому назад умерший.

...Лица, выходившие из зала заседания суда, невольно упирались своими глазами в комнату, где размещался буфет, т.к. двери буфетной были открыты. На огромном столе были расставлены целые горы закусок и бутербродов, точно ... (неразборчиво). Выходящие из зала заседания шли молча, можно даже сказать, что царило гробовое молчание... И вдруг среди этой тишины раздался громкий капризно-жеманный голос Зинаиды: "Петр Петрович (эти слова она растянула, точно пропела), как мне хочется бутербродов с семгой...". Все были ошеломлены, всех охватило негодование... Единственно, кто оставался спокойным, - был Петр Петрович. Улыбаясь, видимо, желая отстраниться от нее, он взял меня под руку и тихо, но добродушно сказал: "Слышали? Как она должна любить семгу, чтобы в такую минуту ей захотелось полакомиться".

До сих пор не могу понять, как она могла произвести, даже своим жеманным голосом, впечатление на Шмидта...".

Далее А.М. Александров описывает свое личное впечатление о З.И.Ризберг, но я не буду цитировать эту часть письма. Достаточно этой строки из него: "Это не было разочарование, это был какой-то скандал...".

КАЗНЬ

Водин из последних дней суда Петр Петрович сказал сестре: “Знаешь, я переживаю теперь какое-то особенно прекрасное чувство... мне так хорошо, я всех люблю и всем прощаю...”. Это настроение владело им до конца жизни. И еще до последнего надеялся “красный адмирал”, что власти все-таки пощадят матросов. Приговоренный к пожизненной каторге, активный участник восстания на крейсере “Очаков” Исаак Уланский вместе с другими осужденными “очаковцами” находился в ожидании утверждения приговора на “Пруте”. Привожу отрывки из его воспоминаний. “... Наша камера была в расстоянии одной сажени, через коридор, от смертников. Решетчатая дверь каземата смертников как раз была напротив нашей, также решетчатой, мы имели возможность переговариваться... 5 марта в 3 часа дня к “Пруту” подъехал катер, и нам было объявлено об утверждении приговора. Шмидт немного побледнел и задумался. Немедленно после объявления приговора приехал защитник Винберг. Беседа между ним и Шмидтом длилась очень долго, часа четыре... Шмидт жаловался, горько плакал и говорил Винбергу: “Я надеялся, что матросов все-таки не казнят. Я хотел умереть один”. Винберг его успокаивал, но не вытерпел и сам заплакал. Шмидт

говорил, что его тревожат мысли, что могут поверить клевете свидетелей, что будто бы мы стреляли с “Очакова”.

После ухода Винберга явился священник, который обратился к смертникам со словами: “Покайтесь в своих грехах... предстаньте перед Богом истинными христианами”. Смертники ответили:

- Пускай каются те, кто убивает людей, мы никого не убили. Вы, пастырь народа, помните, что в Евангелии сказано “не убий”, скажите же, зачем нас убивают?”.

Как пишет Уланский, ночь перед казнью Шмидт не спал, “все время писал, нервно и торопливо”. Приговоренные к смерти матросы выразили свое последнее желание - разрешить им провести ночь перед казнью вместе с “адмиралом”. Им отказали.

Петр Петрович попросил позволить ему принять ванну. Ванну тоже не разрешили, но принесли в каюту таз и два ведра воды. Шмидт исповедался и причастился. Потом долго беседовал с морским священником о. Бартеневым. Сын Шмидта так пишет о последних часах отца на “Пруте”: “...Отец писал письма мне, сестре и ее мужу. Покончив с письмами, вызвал начальника караула и напомнил ему его обещание, данное под честным словом - передать письма присяжному поверенному Винбергу... Этих писем нам не суждено было прочесть, и предсмертные слова отца моего навсегда остались для меня тайной...”. Известно, что П.П.Шмидт писал письма к морякам Черноморского флота и гражданам России. Давший честное слово, офицер передал последние письма Шмидта старшему офицеру “Прута”. Потом они попали к военно-морскому прокурору Крамаревскому. От него к Чухнину и, в конце концов, осели в тенетах министра внутренних дел Дурново.

После священника к смертнику пожаловал доктор, поинтересовался его самочувствием. Петр Петрович узнал в нем старого знакомого семьи еще по Бердянску. Шмидт, понимая, к чему клонит доктор, мол, если узник чувствует недомогание, можно сообщить об этом... Казнить больного человека как-то не по-хри-

стиански... “Я совершенно здоров. До места казни дойду превосходно”, - ответил Шмидт.

Рассвет уже наступил. Смертникам было приказано собираться в последнюю дорогу. У Петра Петровича был образок с ликом святого Пантелеймона, эту семейную реликвию, принадлежащую покойной маме Екатерине Яковлевне, привезла в каземат брату Анна Петровна. Шмидт написал на обратной его стороне четко: “Благословляю Асю, Владимира, Женю, Колю, Лялю, Маку. Мне очень хорошо. Господь с Вами!

Петя.

Иду на казнь. 6 марта 1906 г., 5 ч. 20 мин. утра.

Анна Петровна приехала из Петербурга в Очаков через несколько часов после казни, отыскиала священника Бартенева. Он был на Березани во время казни. Он рассказал сестре “красного адмирала”: “Царственно спокойно шел на казнь лейтенант Шмидт! (Эту фразу священник во время рассказа восхищенно повторял несколько раз, подчеркивает А.П.Избаш. - **А.В.**). Я провел эту последнюю ночь на “Пруте”, несколько раз заходил к нему. Он то спокойно лежал, глубоко задумавшись, то вставал и писал письма. Другие приговоренные просили, чтобы им разрешили видеть Шмидта и говорить с ним перед смертью, и он, узнав их желание, тоже просил об этом, но этого им не позволили. Когда близился час казни, он попросил дать ему умыться... приготовился, переделся, причесался и опять писал... Он просил одного, чтобы ни его, ни его товарищей не связывали перед казнью, но, когда его вели на катер, он, спускаясь по трапу, оступился или, быть может, пошатнулся... на него сейчас же накинули веревку. Он остановился и крикнул: “Вы же обещали не делать этого!”. Это очень взволновало его. Веревку сняли.

На катере приговоренных к смерти спустили в трюм, но он несколько раз поднимался наверх, курил, смотрел вокруг на море и на небо... К самой Березани нельзя подойти на катере, и поэтому приговоренных пересадили в лодку. Всех их вместе и меня.

Лейтенант Шмидт посмотрел на бледное лицо Частника, взял его за плечи, ласково обнял и сказал: “Бодритесь, Частник!”. Он с лаской и ободрением обращался и к другим товарищам матросам. Они говорили между собой о детстве... о том, какое небо сегодня хорошее... Когда высадились на Березань, они все спокойно пошли к месту казни... Уже издали видны были врытые столбы... и гробы стояли недалеко... солдаты рыли там могилы... Меня поражало царственное спокойствие лейтенанта Шмидта. Он не только мужественно, но и величественно шел на казнь... ”.

Березань - небольшой пустынный остров у входа в Днепровский лиман вблизи Очакова. Здесь в глубочайшей тайне и решили власти казнить руководителей восстания на крейсере “Очаков”. Привести в исполнение приговор военно-морского суда Главный Командир Черноморского флота и портов Черного моря адмирал Чухнин поручил командирам канонерской лодки “Терец”. Той самой, которая предрешила разгром мятежного “Очакова” и всего восстания, по собственной инициативе старшего офицера “Терца” Михаила Ставраки, расстрелявшего буксир, намеревавшийся пришвартовать минный транспорт “Буг” к крейсеру повстанцев. Адмирал высоко оценил инициативу своего офицера.

Как пишет И.Гелис, “... за несколько дней до казни на Березани Чухнин вызвал к себе Ставраки, интересовался настроением команды “Терца”, особенно расспрашивая о благонадежности ее... Из беседы с ним Чухнин понял, что эта команда вполне подходит для исполнения казни... ”. Знал ли Григорий Павлович, возлагая на своего доверенного офицера Михаила Ставраки столь иезуитскую миссию, что поручает ему убивать своего друга детства, юности, сослуживца? Семьи Шмидт и Ставраки некоторое время жили по соседству в Одессе. Оба подростка были сыновьями адмиралов, знали друг друга с 12 лет, дружили. Потом вместе поступили в Петербургское морское училище и даже сидели за одним столом. По некоторым сведениям, лейтенанты Петр Шмидт и Михаил Ставраки в одно время служили и

на Тихоокеанском флоте. Знал ли об этом умудренный жизненным и прочим опытом адмирал? Думается, что знал. Такого рода ответственные задания поручают только своим, проверенным людям. Более садистского, циничного решения трудно придумать! Командовать расстрелом Чухнин поручил Ставраки.

На Березани все было продумано до мельчайших подробностей. В первой к смертникам шеренге расстреливающих стояла рота молодых матросов “Терца”. Ею командовал Ставраки. Рота была разделена на четыре взвода. По числу расстреливаемых. В затылок матросам поставили боевую пехотную роту Белостокского полка. Ею командовал капитан первого ранга Радецкий. В случае если матросы “оплошают”, вторая шеренга должна была стрелять им в спину. Ну а если и во второй роте будут какие-либо колебания, верный “Терец” направил четыре свои мощные артиллерийские орудия на место казни. В полной готовности смести с лица земли и приговоренных к смерти, и исполнителей приговора. Все было чин-чином. Секретарь прочел смертникам приговор военно-морского суда. Саванов не надевали. По просьбе обреченных глаз им не завязывали. Смерть они встретили лицом к лицу. Прощались обреченные друг с другом трогательно, но без слез и надрыва.

В нескольких шагах от смертного столба физические силы изменили Шмидту, он покачнулся, но дух его и на этот раз оказался сильнее. Обращаясь к матросам “Терца”, Шмидт сказал: “Передайте мое последнее “прости” родному Черноморскому флоту, всем морякам России, торговому флоту”. – И, повернувшись к лейтенанту Ставраки, сказал: “Миша, поцелуй сына, кланяйся сестре. Прикажи целить в сердце”. Ставраки скомандовал: “Пли!”.

Шмидт был убит после первого залпа. В него попало пять пуль. Две пронзили сердце, одна - лоб. Частник был тоже убит первым залпом. Гладков упал после второго. Антоненко бился еще в предсмертных конвульсиях, когда двое матросов вышли из шеренги и добили его. “Тела положили в гробы, опустили в

могилы и засыпали землей, после чего пехота и матросы несколько раз прошлись по свежим могилам, утрамбовывая рыхлую землю”.

В одну братскую могилу легли потомственный дворянин из родовитой семьи русских адмиралов Петр Шмидт и матросы Сергей Частник, Александр Гладков и Никита Антоненко. Они не изменили своей мечте о лучшей доле для народа России и друг другу.

Сергей Петрович Частник, старший баталер крейсера “Очаков”, родился 6 июля 1874 г. в селе Чалбассы Таврической губернии в крестьянской семье, где было 11 детей. Выжили семь. Жили бедно. Не было в селе такой работы, от которой бы отказались Частники. Работали на землях местного помещика Фальц-Фейна, в заморозки месили глину, копали, кололи, пасли чужих овец, мазали хаты, жали... Родители Петр Никитович и Татьяна Ивановна мечтали о том, чтобы их дети были грамотными. Сергей был самым упорным в ученье, стал писарем, а потом и учителем в начальной школе села Брилевка. Как вспоминала сестра С.П. Частника, Мария Гришко (в девичестве Частник), он любил и умел петь душевные “Не слышно шума городского”, “Спускается солнце за степи...”, русские и украинские народные песни. Осенью 1895 года его призвали на флот. Провожало Сергея Петровича все село. Он был одним из лучших старших баталеров Черноморского флота, пользовался заслуженным уважением матросов и офицеров. Заслужил за добросовестную сверхсрочную службу узкий и широкий серебряные шевроны, отдав флоту 10 лучших лет жизни. Женат Сергей Петрович не был. Знавшие С.П. Частника запомнили его как интеллигентного, спокойного, незлобивого человека высоких моральных принципов и гражданского долга. Частник единственный из младших офицеров не оставил команду восставшего крейсера “Очаков” и остался верен ей и “красному адмиралу” до конца.

В ночь перед казнью, 5 марта 1906 года, Сергей Петрович Частник написал письмо к черноморским матросам. Оно перед вами, читатель.

“Я и другие товарищи “Очакова” приговорены к смертной казни. Сегодня или завтра нас расстреляют. Накануне смерти я хочу сказать вам несколько слов. Грядущей смерти я не страшусь – умереть за правду легко. Но меня мучит одна мысль, что некоторые из вас сделались убийцами своих же товарищей, боровшихся за лучшую долю нижних чинов армии и флота и за благо Родины. Люди эти пролили невинную кровь мучеников-борцов за свободу измученного русского народа. Я был свидетелем страданий и гибели этих людей. Там была страшная картина, не поддающаяся описанию: там были стоны, крики, плач нечеловеческий; и всю эту расправу проделали свои же товарищи! Они приняли на себя роль палачей, убили 400 жизней чистых и бескорыстных борцов за освобождение от крепостничества. Им этого не простит ни Бог, ни русский народ, ни весь мир! Горький плач матерей, жен и детей-сирот, оставшихся у убитых на “Очакове” товарищей, не даст им покоя во всю жизнь.

Я не удивляюсь, если подобные поступки делают власть имущие люди; они искалеченные душой эгоисты; у них нет правды, они сами только хотят жить. Но нам, людям того же народа, во имя которых идет великая борьба, так поступать нельзя. Народ просит хлеба и свободу, а вы будете давать ему пули в сердце! Это непростительное братоубийство. Вас самих, как нижних чинов, начальство не признает за людей, считая вас за какой-то скот, и совершенно не признает ваших человеческих прав. Сказать открыто правду в защиту человеческих прав значит совершить тяжкое преступление. Вам говорят начальники: стреляйте!

Товарищи! Передо мной стоит смерть, и завтра меня не станет, но говорю вам, что всякий начальник, приказывающий стрелять в людей, которые требуют лучшей доли русскому народу, сам является изменником родине. Подумайте, ведь русские

люди, кроме сильных мира сего, чиновников, офицеров, капиталистов и помещиков, требуют лучшей доли! Значит, выходит, все русские люди изменники, кроме этой бесчестной кучки эгоистов? Нет, это наглая ложь начальников защитить свое благополучие. Кто же тогда родина? Неужели эта кучка людей? Нет и нет!!! 140 миллионов людей, вся русская земля и ее сокровища – вот что называется нашей родиной. И ни один честный офицер или вообще начальник не станет теперь поддерживать правительство, так как оно из-за своей выгоды залило кровью русскую землю и приводит нашу страну к явной гибели!

Еще бы писал, но уже сказано готовиться к казни. Мой предсмертный совет вам, дорогие сослуживцы: помогите несчастному русскому народу добыть лучшую долю !!! Не будьте на будущее время братоубийцами – и вы утрите слезы миллионам русских матерей и сирот.

Шлю всем свой искренний последний привет.

Прощайте навеки!

Кондуктор Частник.

Шлют свой прощальный привет Гладков и Антоненко”.

Александр Иванович Гладков, машинист 2-й статьи. Родился 25 марта 1882 года в крестьянской многодетной семье из Пензенской губернии. На службу в ЧФ призван в октябре 1903 года. На “Очакове” его называли Саша-бунтарь. До службы на флоте работал слесарем в железнодорожном депо. Он первый на восставшем крейсере заявил требования матросов прокурору об улучшении условий службы, необходимости более уважительного отношения офицеров к матросам, плохом питании. Вскоре после расстрела “очаковцев” в Пензу Ивану Алексеевичу и Акулине Ивановне Гладковым пришла посылка. В ней была флотская тельняшка, небольшая подушка, набитая русым волосом, бескозырка с лентой “Очаковъ”. А в ней 12 рублей, несколько цветков бессмертника и письмо от сына Александра.

“Прощайте, дорогие родители! - писал Саша. - Прощайте навсегда, иду в могилу хладную... Дорогой братец Костя! Прошу тебя, не оставь без внимания сестренок, братишек и мамашу, и папашу, и всю семью. Братец Костя, передай всем товарищам почтение и скажи, что брат твой погиб в борьбе за свободу, за Севастопольскую революцию. Смерть мне не страшна, а жизнь свою я посвятил для блага народа...

Дорогие мои, я приговорен к смертной казни через расстреляние. Одиннадцать суток ожидал и томился... Нас погибнет четыре человека: лейтенант Шмидт, Антоненко, Частник и я. Расстреляют нас в Очакове. Дорогие родители, Вы не очень плачьтесь обо мне, потому что время теперь такое - люди гибнут по всей русской земле. Писал бы много, но перед смертью руки карандаш не держат. Пишу за 8 часов до расстрела... Костя, отдай Васю в школу... Хотелось бы, Костя, пожить и посмотреть, какая наша будет Россия, но делать нечего, придется погибать за правое дело. Я свой долг исполнил и умру спокойно за весь русский народ.

Прощайте, папаша, мамаша, братья и сестры, навсегда и навеки - больше меня не существует.

Александр”.

Никита Григорьевич Антоненко. Комендор крейсера “Очаков”, один из лучших на Черноморском флоте. Родился 15 ноября 1880 года в крестьянской семье на Ставрополье. В роковой день расстрела крейсера “Очаков” ему исполнилось 25 лет. На флоте прослужил 4 года. Успешно окончил школу комендоров. На родине у него остались двое малолетних детей и жена. Антоненко так же, как Частник, Гладков и Шмидт, последним оставил пылающий крейсер. Всем, кто знал его, Никита Антоненко, богатырь (его называли на корабле Самсон, в честь древнегреческого мифологического героя), запомнился красивым душой и телом человеком.

Письмо П.П. Шмидта.

“После казни прошу:

Настоять через печать и всеми средствами, чтобы тело мое было выдано для погребения севаستопольскими рабочими, чтобы они были полными хозяевами и распорядителями на похоронах. Я их депутат, званием этим горжусь, и они одни дали мне больше счастья, чем вся моя жизнь, со всеми людьми, с которыми я встречался.

Желал бы, чтобы были учебные заведения Севастополя, дети выказали мне много доверия. Если разрешат им - пусть будет и оркестр реального училища.

Место для могилы взять на Севастопольском кладбище, рядом с братской могилой несчастных жертв, убитых в Севастополе в ночь с 18 на 19 октября у здания тюрьмы. На этом месте, где братская могила, я произнес клятву и остался ей верен, потому и хочу лежать там, где клялся. На похоронах чтобы все было красное, ничего черного, не исключая обивки гроба.

Если когда-нибудь в будущем город даст деньги на памятник, то положить скалу, вырезать на ней мою клятву. На скале бросить якорь (корабельный, настоящий), не сломанный, как это принято делать на памятниках, а целый якорь, и воткнуть в скалу флажок с красным флагом из жести.

Я поднял знамя революции русского флота, оставшегося верным народу, и пусть этот флаг свободы развевается на моей могиле.

Такой памятник не будет стоить дорого”.

Это письмо П.П.Шмидт написал 26 декабря 1905 г. в каземате Очаковской крепости, за два месяца и десять дней до своей казни.

... Матросы канонерской лодки “Терец” в тот же день расстреляла “очаковцев” получили “за работу” по 3 рубля на брата.

Как рассказали Анне Петровне Избаш очаковские рыбаки, устроители казни хотели нанять рыбацкие лодки, чтобы перевезти на них всех участников казни от катера до Березани. “Давали

по 25 рублей каждому из нас за лодку, но мы все отказались, ни один из нас не дал “им” лодки для их дела. Пусть свои казенные берут”.

БАЛ У ДУРНОВО

Когда Березань сотрясали выстрелы, в петербургских апартаментах министра внутренних дел России господина Дурново тоже “стреляли”... бутылки с шампанским. Несмотря на то, что шла четвертая неделя поста, главный жандарм страны в ночь с 5 на 6 марта 1906 г. давал роскошный бал. Почтенная публика веселилась на славу всю ночь. За десертом гостеприимный хозяин порадовал дорогих гостей, зачитав им только что полученную телеграмму о том, что казнь государственного преступника Шмидта и его соратников наконец-то состоялась. Как сообщил потом репортер газеты “Русское слово”, “... по этому поводу один из присутствовавших, молодой, но подающий большие надежды чиновник, произнес речь о безнравственности японцев и революционеров... Очарованные великолепием бала и радушием хозяина приглашенные разъехались по домам, увозя с собой на память о прекрасно проведенном вечере котильонные значки и букеты живых цветов. Сотрудникам “Русского слова”, кроме этого, предложено было щедрым хозяином по узелку со сладостями и пирогами, а сами они себе взяли на память по деревянному подсвечнику”.

В 10 утра 6 марта Анна Петровна возвратилась из Петербурга в Одессу, где и узнала о свершившейся казни. Первая мысль: взять тело брата. Непременно. Адьютант командующего Одесским военным округом Каульбарса сказал, что генерал не может дать такого разрешения. Посоветовал просительнице обратиться на канонерскую лодку “Терец”. Она, мол, только что прибыла из Очакова, стоит на одесском рейде. Матросы обедали. Офицеры “Терца” сестру казненного встретили в высшей степени предупредительно. Просили сойти в кают-компанию и выслушать каждого из них в отдельности. Присутствовавший при расстреле доктор сказал, что Петр Петрович очень хотел видеть ее и ждал... Командовавший расстрелом Михаил Ставраки разрыдался, говорил сестре убиенного: “Войдите в мое положение, меня назначили, я не мог отказаться... Когда Петя проходил к месту казни, он прошел близко около меня... Я снял фуражку и низко ему поклонился... Он на меня не сердился... Он очень ласково ответил мне на поклон... перекрестил меня... и, проходя мимо, сказал: “Миша, кланяйся сестре и прикажи целить прямо в грудь”.

Молиться о казненных было запрещено. Анна Петровна отслужила панихиду. Священник, вопреки запрету, назвал в молитве их имена. Принимая телеграмму защитникам о свершившемся, телеграфистка никак не могла сосчитать слова, плакала... На телеграмму Главному Командиру Черноморского флота и портов Черного моря “Прошу отдать тело брата” - Анна Петровна получила ответ: “Законом мне не предоставлено разрешать. Если бы и взял на себя это право, то из-за возможной демонстрации не мог бы разрешить. Чухнин”. Предсмертных писем Шмидта военноморской прокурор Крамаревский ей тоже не отдал. В номер гостиницы, где остановилась А.П.Избаш, ей принесли вещи казненного брата. Образок святого Пантелеймона с надписью “... Иду на казнь. 6 марта 1906 г. 5 ч. 20 мин. утра”, фуражку, в которой “красный адмирал” был на “Очакове”, и маленький рисунок, сделанный им на “Пруте” 1 марта - “Мой остров”... Карандаши, две ручки с перьями, которыми он писал в последний раз, гребень,

которым причесался перед казнью и на котором остались его волосы, и ложки, которыми пользовался в каземате. И письмо к сыну: *“Дорогой сыночка, посылаю тебе эти ложки. Мы вместе с тобой пользовались ими в каземате. Береги их на память о нашей дружной хорошей жизни в Очаковской крепости... Прощай, будь счастлив, голубчик мой. За тебя покоен душой, потому что ты у Аси. Обнимаю и люблю, твой друг папка П.Шмидт”*.

Одна из российских газет в те дни писала: “Ужасное свершилось... Сердце не бьется, так много любившее... Русское освобождение уже имеет свою легенду, и эта легенда, упоительно красивая и безгранично печальная, называется “лейтенант Шмидт”.

Командир учебного судна “Прут” капитан I ранга Радецкий рапортовал 8 марта 1906 года Главному Командиру Черноморского флота и портов Черного моря: “Во исполнение предписания Вашего превосходительства от 1 марта за №234 и предписания штаба флота от 4 марта за №303, приговор Временного Военно-морского суда по делу о бунте на крейсере I ранга “Очаков” над осужденными к смертной казни через расстреляние - отставным лейтенантом Петром Шмидтом, старшим баталером Сергеем Частником, комендором Никитой Антоненко и машинистом Александром Гладковым был приведен в исполнение 6 марта в 8 часов 45 мин. утра на о.Березань, и там же тела их преданы земле.

...Для присутствия при проведении приговора суда в исполнение были назначены: по одной роте в 20 рядов при двух офицерах от артиллерии и минной роты и по взводу от командира порученного мне судна и от Литовского полка при одном офицере, а для приведения приговора суда в исполнение от лодки “Терец” выслано было при трех офицерах 24 ряда стрелков с расчетом по 12 ч. с тремя патронами на каждого осужденного...

...Все (смертники. - **А.В.**) спокойно шли на казнь... По настоятельной просьбе осужденных саваны на них не надевали и глаза не завязывали, но к столбам они были привязаны, хотя этого просили не делать. После трех залпов наряды войск были отведены, т.к. некоторых потрясла картина расстреляния, и один солдат мин-

ной роты упал в обморочное состояние, некоторые из нижних чинов той же части были расстроены, а также и офицеры.

На морских командах и на наряде Литовского полка наружных признаков произведенного на них впечатления не замечалось. При осмотре врачом расстрелянных замечено, что комендор Антоненко и машинист Гладков еще находились в состоянии агонии, почему был потребован стрелок с “Терца”, который сделал 2 выстрела в Антоненко и один в Гладкова. Трупы были в гробах снесены в общую могилу, тут же вырытую, и после краткой литии засыпаны землей, и поверхность сравнена”.

На этом рапорте капитана I ранга Радецкого вице-адмирал Главный Командир Черноморского флота и портов Черного моря собственноручно начертал: “...Командир при словесном докладе мне говорил, что два артиллерийских офицера плакали при проведении приговора в исполнение, а также солдаты. Этого в рапорте не указано, донести - почему.

Чухнин.
9марта.
Секретно”.

Вскоре после казни “красного адмирала” и матросов-”очаковцев” в одной из петербургских газет появилось объявление: “Продается виолончель лейтенанта Шмидта”. Объявление дала жена казненного Доминикия Гавриловна. Сестре Шмидта, А.П. Избаш, удалось выкупить любимый инструмент брата, виолончель оказалась проломленной...

ПИСЬМА К СЫНУ

(ВМЕСТО ЗАВЕЩАНИЯ)

Они всегда были вместе. Даже когда П.П.Шмидт был далеко от родных берегов, между небом и океаном, он всегда писал сыну письма. А когда Женя подрос, иногда брал его с собой в плавания. Письма - завещание, духовное наследство. Евгений Петрович Шмидт-Очаковский хранил их в сердце всю жизнь. Письма П.П.Шмидта свидетельствуют не только о духовном родстве отца и сына, их взаимной, мужественной любви, но и говорят о педагогическом даре Петра Петровича.

10 октября 1905 г. П.П.Шмидт пишет З.И.Ризберг: *“... Я смотрю на сына, как на первого судью своих поступков. В этом вся система моего несложного воспитания, и я думаю, что не большое было бы “нравственное наследство”, которое я должен ему оставить, если бы знал, что для его надобностей поступался тем, чем нельзя поступаться. Поэтому и для него так же, как и для Вас, все отдам, кроме того, чего не имею права отдать... Я должен жить так, чтобы мне не стыдно было рассказать Вам и ему о каждой минуте моей жизни, чтобы я ни за одну минуту своей жизни не покраснел бы перед вами двумя. И так я живу”*.

17 июля 1904 г., транспорт “Иртыш”. “Милый мой сыночка, твое решение поступить в морской корпус я одобряю, потому что каждый человек, достигший твоих лет, выбирает себе дорогу по своим наклонностям. Мало радостей дает морская служба, да, видно, у нас на роду написано от отца к сыну служить морю. С Богом, голубчик, поступай в корпус после 5-го класса во 2-ю роту. Тогда ты через четыре года пребывания в корпусе выйдешь в офицеры. И, кто знает, может быть, будем служить с тобой в одном экипаже, если я останусь на службе.

Будущее лето тебе придется призаняться, я выпишу тебе программу экзамена и пришлю. Катайся на шлюпке, сыночка, это умение управлять маленькой шлюпкой очень пригодится тебе, когда в первое лето плавания у вас будут ежедневные шлюпочные ученья. Мне хочется, чтобы ты не отставал от товарищей... Шлюпка развивает морские способности, сынка, это азбука морского дела. Садись сам в два весла и катайся чаще по бухте, кроме того, читай ежедневно хоть 20 минут нараспев, чтобы уменьшить заикание, а то оно повредит тебе на экзаменах. Христос с тобой, голубчик. Будь здоров и благополучен. Любящий тебя твой папка”. (Публикуется впервые).

22 сентября 1904 г., транспорт “Иртыш”. “Здравствуй, дорогой мой друг - оболтус мой милый! Только что получил от тебя письмо. Ты не поверишь, Женька, как я рад, что ты поступил в это училище... Возмущает меня, что ты к характеристике своих одесских товарищей говоришь об их происхождении как о чем-то таком, что неизбежно кладет на человека чуть ли не клеймо. У меня, брат, был один-единственный в жизни друг близкий, которого я любил сильнее, чем можно любить брата, и он был еврей, а я до сих пор молюсь о нем, и память мне его до сих пор дорога.

... Ты пишешь, что собираешься прочесть “Братьев Карамазовых”, эта книга как раз лежит теперь передо мной. И я уже не знаю, в который раз перечитываю это удивительное,

и, может быть, величайшее произведение из всей европейской литературы... ”.

(Без даты). *“... Ты очень хорошо сделаешь, если напишешь Марусе. Она будет очень рада и сейчас же тебе ответит. А начинать ей первой переписку не приходится, потому что она девочка, а им, брат, всю жизнь надо делать предпочтение за то, что это слабый и прекрасный пол рода человеческого”.*

18 ноября 1904 г. *“Сыночка мой, иди на все лишения, иди на горе, на бедность, не бойся ничего, но оставайся, мой мальчик, добрым и честным всегда и во всем. Тогда ты достигнешь высшего счастья, какое есть на земле, это счастье - чистая совесть, и я тогда буду счастлив, где бы я ни был, видя тебя таким. Мальчик мой хороший, ты мой друг и моя радость, и моя надежда, сильно люблю тебя, верю тебе и надеюсь на тебя, и разлука с тобой для меня большое горе”.*

17 февраля 1906 г. *(Это письмо Евгений Шмидт получил в день своего рождения 28 февраля. Последнее письмо отца). “... Ты мой честный, горячо любимый сын и друг. Мы вместе с тобой пережили этот кровавый день на “Очакове”, мы вместе хотели принять смерть, но сама справедливость спасла твою молодую жизнь. Сама справедливость спасла меня от смерти в тот день для того, чтобы я мог умереть, объяснив русским людям, за что умираю я.*

Живи, мой мальчик, живи, сын мой! Проникнись теми простыми идеалами и стремлениями, которыми жил я. Продолжай служить делу, от которого отрывает меня казнь. В каждом человеке, к какой бы партии он ни принадлежал, ты должен видеть своего друга и друга отца твоего, если этот человек искренно, всем существом своим жаждет для России всеобщего избирательного права.

Крепко обнимаю тебя, сынишка мой хороший, крепко люблю. Твой папка - друг П.Шмидт”.

ОДИН ВО ВСЕМ МИРЕ

После казни отца Евгений Шмидт жил в семье своей тети А.П.Избаш в Керчи. Осенью 1906 года перевелся в Петербургское реальное училище. В 1908 году поступил в Петербургский технологический институт на механическое отделение. Все годы собирал материалы о Севастопольском восстании матросов в ноябре 1905 года. Защитник лейтенанта П.П.Шмидта - А.М. Александров в 1929 году писал: “В последний раз я видел Женю на 4-м курсе Технологического. Он производил впечатление очень порядочного человека”.

Во время первой мировой войны Евгений Шмидт был призван на военную службу. Окончил школу прапорщиков инженерных войск. Имел звание подпоручика саперных войск. В архивных материалах Временного правительства сохранилось письмо юнкера Петроградской школы подготовки прапорщиков инженерных войск Евгения Шмидта, в котором он ходатайствовал о разрешении присоединить к его фамилии Шмидт наименование - Очаковский и именоваться впредь Шмидтом - Очаковским. Это свое решение сын легендарного лейтенанта Шмидта объяснял стремлением прежде всего сохранить в своем потомстве память об имени и трагической смерти отца. Как отмечает исследователь

жизни П.П.Шмидта А.Л. Райхцаум, опубликовавший материал о судьбе сына Шмидта в московской “Независимой газете”, “... вместе с тем, происходя от предков, поселившихся в России еще при Петре I, и чувствуя себя совершенно русским, Шмидт настаивал на русифицировании своей чисто немецкой фамилии, что, по его убеждению, вполне могло бы быть достигнуто изменением ее за счет прибавления “Очаковский”.

Комиссар Временного правительства поддержал ходатайство Е.П.Шмидта. С мая 1917 года Евгений Петрович стал носить фамилию Шмидт-Очаковский.

Революционная буря разметала по миру многих русских. Евгений Шмидт-Очаковский оказался по ту сторону революционных баррикад. Отступал из Крыма вместе с белой армией, бедствовал вместе с эмигрантами в Галлиополи. Великую Октябрьскую Евгений Петрович не принял. Но и с белой эмиграцией у него отношения не сложились. Видимо, во многом искусственный флер революционности, которым была овеяна фигура лейтенанта Шмидта, исключительная гражданская порядочность самого Евгения мешали сыну крамольного лейтенанта быть своим в среде эмигрантов. В 1921 году Евгений уезжает в Чехословакию. В 1926 году издает в Праге книгу об отце “Лейтенант Шмидт. Красный адмирал. (Воспоминания сына)”. Искреннее, честное, мужественное повествование о трагической судьбе отца. В книге он высказывает резко отрицательное отношение к советской власти. Белой эмиграции в Праге и в Париже повествование автора книги о лейтенанте Шмидте, который и по сей день не вмещается в стереотипы ни “белой”, ни “красной” масти, тоже категорически не понравилось.

В мае 1917 года Евгений Петрович Шмидт-Очаковский присутствовал на торжественном перезахоронении в Севастополе останков руководителей восстания на крейсере “Очаков” в 1905 году - лейтенанта Шмидта и матросов: Сергея Частника, Александра Гладкова и Никиты Антоненко. Вот как писал об этом

событии, своих чувствах и впечатлениях при этом сам сын “красного адмирала”:

“... Катафалк и постамент были красиво декорированы национальными флагами и искусственными цветами, гробы покрывало множество роскошных венков. Кормовой Андреевский флаг “Принцессы Марии” был приспущен, как и на всех остальных судах Черноморского флота, в знак траура, а на фок-мачте крейсера развевался малый Андреевский флаг с голубой полосой внизу - знак, что на борту корабля находится тело бывшего Командующего Флотом.

Одетый в серую шинель, я стоял рядом с гробом бесконечно дорогого для меня существа и равнодушно наблюдал безвредную пальбу тех самых судов и батарей, которые так жестоко и беспощадно расстреливали злополучный “Очаков” одиннадцать с половиной лет тому назад... Тех, кто был на нем в незабвенный день 15 ноября 1905 года, я напрасно стал бы искать среди новых лиц его экипажа... Я был центром всеобщего внимания и чувствовал на себе взоры десятков тысяч восторженных или любопытных глаз. Ничтожества, предавшие некогда моего отца, теперь униженно передо мной пресмыкались, но я не находил в душе своей ни торжествующего злорадства, ни чистой радости, ни светлого счастья. Там царствовала одна черная беспросветная ночь, а сердце сжималось от глухого отчаяния и страшной, безысходной тоски.

Я смотрел на серебряный гроб, в котором заключались священные полуистлевшие останки, и задыхался от жгучего горя, беспредельного, как море, раскинувшееся у моих ног.

- За что, за что Ты погиб, Отец мой? - смятенно вопрошала душа моя давно отлетевшую великую душу. - Для чего пролилась Твоя бесценная кровь? Ужели для того, чтобы сын Твой видел, как рушатся устои тысячелетнего государства, расшатываемые подлыми руками наемных убийц, растлителей совести народной, как все мерзкое, преступное и продажное душит все честное и высокое, как великая нация сходит с ума и даже не продает, а

отдает даром свою родину закланному историческому врагу, как с каждым днем, с каждой минутой все более и более втаптываются в кровавую грязь те идеи, ради которых Ты пошел на Голгофу?... Скажи же, скажи, Отец мой!

... Но молчала великая душа”.

... Больной, измученный угрозами наиболее агрессивных своих бывших соотечественников, Евгений Петрович в 1930 году уезжает из Праги в Париж. Работает на тяжелых, не по специальности, случайных работах. Живет в тяжелой бедности и одиночестве. “Один во всем мире, один навсегда”, - прорывается горькое признание в одном из его писем. Держится только святой памятью об отце. “Отец заменял мне не только мать, но весь мир. С его смертью жизнь потеряла для меня всякую ценность, и если я и продолжал жить, то только затем, чтобы лелеять в душе беспощадную месть его убийцам. А потом... потом жизнь стала скучной привычкой, и, рискуя ею много раз, я не находил силы самому оборвать тонкую, но крепкую нить”, - признается сын “красного адмирала”.

В годы фашистской оккупации Шмидт-Очаковский переживает за Россию, верит в победу русского народа.

ПИСЬМА ИЗ ФРАНЦИИ

Заведующая музеем П.П.Шмидта в Очакове Л.И.Иващенко, а также исследователь-энтузиаст этой темы Э.Н.Абакшина и архивист А.М.Козочкина приложили немало усилий для того, чтобы узнать и сохранить сведения о жизни сына лейтенанта П.П.Шмидта - Е.П.Шмидта-Очаковского.

В сентябре 1972 г. в музей П.П.Шмидта в Очакове пришло письмо из Главной Администрации общественной префектуры в Париже, 14-го округа. В нем директор больницы сообщал: "Господин Шмидт-Очаковский Евгений в возрасте 62-х лет скончался 25.12.1951 г. в 13 час. 45 мин. ...Больной поступил 28 мая 1951 г. под №4896. Тело было захоронено на кладбище "THIAIS" 28.12.1951 г. Расходы на похороны были оплачены "Маленькими сестрами бедных", 277, ул. Сен-Жак, 75. Париж, 14".

А в январе 1973 г. в Очаков пришло письмо из приюта "Маленькие сестры бедных". Добродетельные работники милосердного французского приюта писали: "...Господин Шмидт Евгений действительно находился в нашем приюте... Действительно умер в больнице. Он был хорошим человеком, как мы узнали, хорошим товарищем, интеллигентом. Он был холост. Наши приюты принимают только одиноких пожилых бедняков, чтобы дать

им кров, одежду и пропитание. Наше учреждение хоронит своих умерших, но, увы, не имеет больших средств, так что, вероятнее всего, что господин Шмидт покойся вместе со своими товарищами того времени в одной общей могиле”.

Эти горестные сообщения подтвердило и известие из посольства Франции в СССР 19 февраля 1973 г. В нем говорилось: “Е.П.Шмидт-Очаковский после пребывания во Франции с 1930 по 1944 г.г. вернулся во Францию 10 августа 1950 г. Затем он был госпитализирован вплоть до своей смерти 25 декабря 1951 г. после пребывания в Париже на ул. Сен-Жак у “Маленьких сестер бедных”.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Восстании черноморских матросов в Севастополе в ноябре 1905 г. всего участвовало около 6000 матросов и солдат. Из них арестовано около 4000. Предано суду свыше 400 человек. Наказано без суда не менее 1000.

ИСААК УЛАНСКИЙ. Во время восстания на крейсере “Очаков” 15 ноября исполнял обязанности командира. Военно-морским судом приговорен к бессрочной каторге. Бежал с этапа в Сибирь из железнодорожного вагона вместе с заключенными по этому же делу Александром Пятиным, Петром Моишеевым и Григорием Ялиничем. Добрался до Одессы. Получил паспорт на имя мещанина Мазуренко. Работал на бойне. В марте 1917 года переехал в Севастополь. С тех пор жил и работал под своей фамилией. В годы ВОВ был в партизанском отряде. Награжден медалями: “За оборону Одессы”, “За победу над Германией” и др. С 1953 г. был на пенсии.

ЗИНАИДА РИЗБЕРГ. Спустя 11 лет после казни П.П.Шмидта вышла замуж за профессора из Киева. Взяла фамилию второго мужа - Русецкая. Опубликовала свои воспоминания о П.П.Шмид-

те и его письма. Последние годы жила в Москве. Похоронена на Ваганьковском кладбище в 1961-г. в Москве. Надпись на надгробии возвещает, что покойная была "... друг лейтенанта Шмидта...".

ДОМИНИКИЯ ШМИДТ (урожденная Павлова). После того, как в начале 1905 г. уехала из Севастополя, оставив своих сына и мужа, в одиночестве пребывала недолго. В 1906-г. жила с новым избранником на принадлежащем ему хуторе Устье на Вологодщине. Летом 1907 г. Доминикия Гавриловна вместе с новым мужем, дальним родственником П.П.Шмидта, переехала в Севастополь. Супружеская чета сняла квартиру на ул. Соборной, 19, неподалеку от дома №14, по той же улице, где не так давно жили ее шестнадцатилетний сын Евгений и первый муж - казненный лейтенант П.П.Шмидт.

МИХАИЛ СТАВРАКИ. Через месяц после казни на Березани был произведен в капитаны второго ранга. Несколько позже - в капитаны первого ранга. Окончил Морскую академию генерального штаба. Был флаг-офицером у вице-адмирала Чухнина. В годы первой империалистической войны служил помощником военного губернатора тыловой базы Мариупольского района Батуми до февральской революции. С весны 1917 г. служил в штабе Колчака, потом начальником обороны и командиром брандвахты и на других командных должностях, как во время английской оккупации, так и при грузинском правительстве. Весной 1921 г., когда в Батуми установилась советская власть, вступил в кандидаты РКП(б). Во время чистки партии был исключен из нее как балласт.

В 1922 г. Михаил Ставраки являлся смотрителем Батумских маяков. В этой должности был уличен в растрате спирта и керо-

сина, в отсутствии учета, расходуемых материалов, в то время как маяки освещались из рук вон плохо.

Выездная сессия военной коллегии Верховного суда РСФСР, состоявшаяся 1-3 апреля 1923 г., рассмотрела в открытом судебном заседании дело 56-летнего М.М. Ставраки о его участии в расстреле руководителя восстания матросов на крейсере “Очаков” в ноябре 1905 г. лейтенанта П.П.Шмидта, матросов - С.П.Частника, А.И.Гладкова, Н.Г.Антоненко, - и приговорила Ставраки к высшей мере наказания - расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 5 мая 1923 г.

Дело Ставраки слушалось в здании бывшего Морского Собрании г.Севастополя, после 1917 года переименованного в клуб имени лейтенанта П.П.Шмидта.

КАРКАЗ. Лейтенант, старший офицер броненосца “Ростислав” дослужился на Черноморском флоте до генерал-майора. Как известно, П.П.Шмидт перед казнью простил всех, кроме старшего офицера “Ростислава” Карказа, издевавшегося над ним во время пленения на броненосце. Об этом П.П.Шмидт написал своему сыну Евгению перед казнью. 25 июля 1917 г. в ЦИК Севастопольского Совета поступило заявление солдата, в котором говорилось о том, что “преступник Карказ в чине генерала преспокойно здравствует в свободной стране”. Выразил удивление по этому поводу и сын казненного Шмидта Е.П.Шмидт-Очаковский.

Дело Карказа рассматривалось в военно-революционном трибунале в Севастополе 17 января 1918 г. Председатель революционного трибунала, левый эсер, выступил за смягчение наказания Карказу, сказав: “Мы не должны строго судить и мстить нашим врагам”. Трибунал признал Карказа виновным в издевательствах над П.П.Шмидтом и приговорил Карказа к 10 годам тюрьмы. Матросы, присутствовавшие на суде, были возмущены столь мяг-

ким приговором. Дело должно было быть пересмотрено, но на Севастополь наступали немцы. Пересмотр его не состоялся. 30 апреля 1918 г. матросы расстреляли Карказа.

Г.П.ЧУХНИН. Вице-адмирал, Главный Командир Черноморского флота и портов Черного моря, застрелен на своей даче “Голландия” в Севастополе 28 июня 1906 г. боевиком Я.Акимовым. О том, как это было, Я.С.Акимов написал воспоминания “Как я убил усмирителя Черноморского флота - адмирала Чухнина”. Напечатал их в Америке в газете “Русский голос” в октябре 1924 г., затем в России в журнале “Каторга и ссылка” (№5(18) 1925 г.).

И.А.РОНЖИН. Полковник, военный прокурор. Вскоре после суда над “очаковцами” произведен в генерал-майоры с переводом в Морское ведомство и зачислением по адмиралтейству.

КРЕЙСЕР “ОЧАКОВ”. Выгорел дотла. По утверждению ряда исследователей этой трагедии, пожар на “Очакове” был вызован некоторым высокопоставленным особам Черноморского флота, поскольку скрыл злоупотребления при строительстве. Перед восстанием на крейсере следственная комиссия проверяла версию о том, что в его конструкциях прочный, дорогой металл подменен менее прочным и более дешевым. В сгоревшем корпусе “Очакова” были зафиксированы 63 пробоины. 25 марта 1907 г. ремонтировавшийся мятежный крейсер, по велению самого царя, был переименован в “Кагул”. Потом командование Добровольческой армии дало ему третье название - “Генерал Корнилов”. Во время перевоза останков П.П.Шмидта, С.П.Частника, А.И.Гладкова, Н.Г.Антоненко с о-ва Березань в Севастополь 8 мая 1917 г. крейсер “Очаков” стоял на севастопольском рейде под своим первоначальным именем.

“ДИАНА”. Океанский транспорт, на котором в 1902-1904-г. г. был капитаном П.П.Шмидт. После аварии у берегов о-ва Мэн был отремонтирован в Копенгагене. После революции 1917 г. переименован в “Карл Маркс”. С этим именем служил советскому торговому флоту до 60-х г.г. прошлого столетия.

“ИРТЫШ”. Угольный транспорт, на котором П.П.Шмидт был старшим офицером в составе эскадры адмирала Рожественского. После Цусимского сражения затонул там же.

* * *

Прошло сто лет после первой русской революции 1905 г. Это общественно-политическое явление само дискредитировало себя. А вот феномен по имени лейтенант Шмидт волнует многих и по сей день. И его почитатели, и противники пытаются понять, осмыслить глубины и мотивы жизненных принципов этой незаурядной личности. Вопрос “Кто вы, гражданин Шмидт?”, как и сто лет назад, и сейчас задают некоторые пристрастные исследователи этой трагической судьбы. Задавал себе этот вопрос и сам гражданин П.П.Шмидт.

ИВАН ВОРОНИЦЫН - член севастопольской социал-демократической организации, один из руководителей восстания в Севастополе в ноябре 1905 г.

“Шмидт помимо воли был поставлен обстоятельствами на пост вождя и играл роль, которая его убеждениям не соответствовала. Тем больше славы его героизму и его большому чувству революционного долга. Он сумел возвыситься до взгляда на свой суд и на свою казнь, как на служение делу освобождения Родины. И соответственно с этим взглядом, не отрекаясь в то же время от своих убеждений, держал себя”.

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВ - адвокат, присяжный поверенный, член четвертой государственной думы России.

“Я часто думал о Шмидте, стараясь постигнуть эту поразительную личность, стоящую так неизмеримо высоко над общим уровнем. Больше всего поражало меня в нем господство духа над телом. В этом отношении он был точно бестелесен. В великие и ответственные моменты его жизни его душа точно освобождалась от материальной оболочки и парила на таких высотах, которые совершенно недоступны обычной психологии человека.

... Сила ораторского дарования Шмидта не поддается описанию; как оратор, Шмидт превосходит все, что я слышал до сих пор в России и за границей. После первой его речи я невольно вспомнил Жореса, которого я неоднократно слышал в больших выступлениях, но как ни велико было впечатление от этого самого мощного французского оратора, сила впечатления от речи Шмидта была значительно больше”.

ИОСИФ ГЕЛИС - историк, публицист.

“Центральной фигурой среди тогдашней севастопольской интеллигенции до восстания и в моменты его апогея является лейтенант Петр Петрович Шмидт... С его именем связана была вся картина восстания флота во всей ее жуткой красоте, - с его же именем нераздельной остается и катастрофа 15 ноября 1905 г. Именно благодаря тому, что Шмидт был самым ярким и сильным проповедником “мирной борьбы”, точнее, именно благодаря его фактической тактике, насквозь пропитанной этим политическим миролюбием, - восстание было проиграно”.

КОНСТАНТИН ПАУСТОВСКИЙ - писатель.

“... Жизнь нанесла романтику один из последних ударов. Он вынес его мужественно. Он резко переменял отношение к З.И.Р. Он встречал ее во время нескольких дальнейших (последних. - **А.В.**) свиданий добродушно и насмешливо, как дальнюю родственницу, приехавшую его навестить.

Так кончилась мечта о небывалом мудром счастье, и в душе не осталось ни горечи, ни сожаления, - личная жизнь Шмидта как была “каторжной”, так и осталась ею до конца.

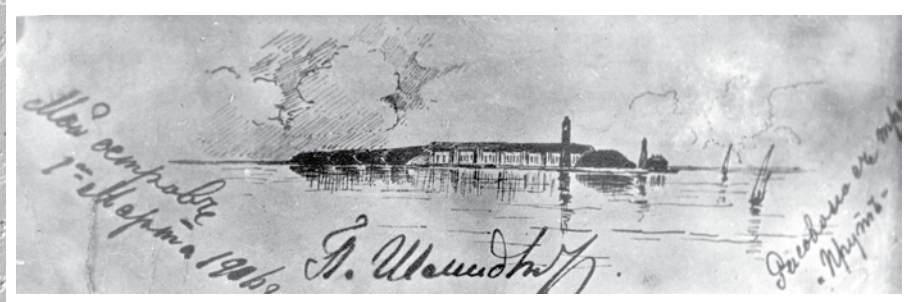
Нельзя безнаказанно выдумывать людей и неосторожно обращаться с прекраснейшими вещами в мире - фантазией, любовью, человеческой теплотой и, наконец, с самим собой, как это делал Шмидт”. (Первое издание повести “Черное море”, 1936 г., глава “Мужество”, новелла “Дон Кихот”).)

“... Я думаю, что в истории русской революции нет имен, овеянных такой чистотой и благородством, как его имя...”

Лейтенант ПЕТР ПЕТРОВИЧ ШМИДТ о себе.

“... Все, что я делаю, это не глухая, упорная, тяжелая борьба, а это фейерверк, может быть, способный осветить другим дорогу на время, но потухающий сам. И сознание это приносит мне много страданий, и бывают минуты, когда я готов казнить себя за то, что нет выносливости во мне”.

(Из письма П.П.Шмидта З.И.Ризберг от 19.09.1905 г.)

ФОТОДОКУМЕНТЫ И ПИСЬМА

(Фотографии из альбома семьи Шмидт)

Екатерина Яковлевна Шмидт (1835 - 1877), урожденная фон Вагнер - незабвенная мама лейтенанта П.П.Шмидта. Умерла в 42 года, когда ее сыну Пете было 10 лет. На всю последующую жизнь он унаследовал ее нравственное влияние, болезненную восприимчивость к боли, бедам других людей, а также любовь к общественным наукам, музыкальность. "Память о маме - это святая святых моего внутреннего мира", - напишет потом лейтенант Шмидт.

Петр Петрович Шмидт - отец лейтенанта П.П.Шмидта (1828 - 1888). Контр-адмирал. Доблестный участник Крымской войны 1854 - 1855 гг. Позже был 10 лет градоначальником города и порта Бердянска. Много сделал для его процветания. «Отец был красивый, сильный человек, с громадным темпераментом, вспыльчивым до потери сознания и удивительно добрым, простодушным, доверчивым», - вспоминала об отце его дочь Анна, родная сестра Петра Шмидта.

Воспитанник Петербургского Морского училища Петр Шмидт (1880г.). Профессия моряка - родовая в семье Шмидт.

Ему 13 лет. В детстве и отрочестве на Петр шмидта оказали большое влияние отец и дядя - военные моряки. Они привили ему большую любовь к морю, к профессии моряка. Такое отношение к морскому делу поощряла и мать, которую сын боготворил.

Петр Шмидт произведен в мичманы. 1886г. Ему 19 лет. Отпуск после присвоения первого офицерского чина проводит в Бердянске. Читает книги из библиотеки мамы. Занимается музыкой, играет на скрипке. Уходит на лодке в море. Рисует. Часто беседует с гимназисткой местной гимназии Евгенией Тилло. Но делу - время.... Юный мичман в отпуске работает в литейном, формовочном цехах на заводе сельскохозяйственных орудий Д. Гриевза.

Старшая сестра Шмидта Мария Шмидт, в замужестве Логвенова. После смерти мамы 16-летняя Мария взяла на себя обязанности по дому, воспитанию сестры Анны и брата Петра. Аскетичная, душевно чуткая, строгих правил, Мария считала: «Всякий, увидевший преступление и закрывший на него глаза, всякий, услышавший его гнусный голос и прошедший мимо, - соучастник».

Анна Петровна Избаш (1865-1942гг.), в девичестве — Шмидт, сестра лейтенанта Шмидта. Снимок 1906г. Проявила титаническую энергию для спасения жизни брата. Это ей 15 февраля 1905г., в ожидании приговора на Очаковской гауптвахте, подсудимый «красный адмирал» напишет строки из Байрона: «Сестра моя, когда б название было бы нежней, то было бы твоим; Меж нами даль, нас море разделило, но все ж тобой я должен быть любим. Твой брат П.Шмидт. Спасибо тебе, Ася (так в семье звали Анну Петровну), за твою героическую защиту меня !».

Сделать счастливым хоть одного человека будущий лейтенант Шмидт считал своим нравственным долгом... Он хотел вытащить ее из тины проституции, отдал ей все: фамилию, деньги, самого себя, научил грамоте... Потом она писала на своего арестованного мужа клеветнические письма в газеты, давала объявления: «Продается виолончель лейтенанта Шмидта»... Это спустя 17 лет Шмидт скажет: «Лучший способ отомстить адмиралу Чухнину - это подарить ему на день рождения мою жену». А пока юный альтруист верит, что спасет Доминикию Павлову, женившись на ней.

Семья для П.П.Шмидта - основа основ, святое. Вопреки всем каверзам судьбы и жены Доминикии Гавриловны (урожденной Павловой), он всеми силами старается сберечь мир в семье. На снимке 1903 г. справа налево: П.П.Шмидт, сын Евгений, Доминикия Гавриловна, Сережа Павлов - ее племянник, воспитывавшийся в семье П.П.Шмидта.

В семье своего друга, однокашника по Морскому училищу графа Константина Толстого П.П.Шмидт был желанным гостем. В письме к жене Константина Толстого Софье Дмитриевне от 8 июля 1905 года Шмидт с горечью откровенничает: «Знаете, дорогая Софья Дмитриевна, я всегда старался избегать разговоров о моей семейной жизни, несмотря на то, что с Вами чувствовал себя, как с самыми близкими и дорогими мне людьми. Эта уродливая моя жизнь, на которую ушли все лучшие годы, жизнь, побудившая меня держаться постоянного пребывания в море, чтобы меньше чувствовать ее безобразие, теперь кончилась навсегда. Мы расстались с женой так же уродливо... Что же касается маленькой Катуси, то этот несчастный ребеночек умер, пока я еще был на переходе из Петербурга в Суэц. Он не был моим, это была страшная ложь; моя бывшая жена устроила весь этот подлог и взяла ребенка из дома брошенных детей, притворяясь так долго больной...»

На снимке П.П.Шмидт с дочерьми Константина и Софьи Толстых Лизой и Марусей.

В квартире на ул. Соборной,14 в Севастополе отец и сын Шмидт прожили, как они сами об этом говорили, счастливые дни. Самым большим богатством здесь была библиотека - паспорт души и атмосфера в доме. На снимке: Шмидт в своем кабинете. Фотографировал Евгений Шмидт.

Десять лет П.Шмидт плавал в торговом флоте, только на океанских линиях, пять лет из них капитаном больших океанских пароходов. «В году набирается не более 60 дней стоянки урывками. Остальное время - между небом и океаном», - откровенничал Шмидт в письме к З.И.Ризберг. На снимке: Шмидт - капитан транспорта «Диана».

Океанский транспорт «Диана», на котором П.П.Шмидт был капитаном. Ранее уже рассказывалось, как Шмидт спас «Диану», один из лучших в то время пароходов российского торгового флота. В ноябре 1903 г. по вине помощника капитана «Диана» наскочила на камни у датского острова Мен. Благодаря профессиональному умению и мужеству Шмидт спас от гибели транспорт и всю команду. Евгений Петрович Шмидт – Очаковский вспоминал: «В море от подчиненных отец требовал полного и беспрекословного повиновения: здесь он не допускал ни малейшего послабления... Но в то же время отец всей душой уходил в заботы о своих помощниках и матросах и никогда не задумывался сцепиться в защиту их интересов с каким угодно начальством».

Погрузка угля на транспорте «Иртыш», где Шмидт был старшим офицером. Он был призван из запаса флота на действительную службу в апреле 1904 г. ввиду войны с Японией. Шмидт предложил проект приспособления, не требующего больших затрат, но значительно сокращающего время погрузки и облегчающего труд матросов. Командование не сочло нужным реализовать этот проект (фото из альбома П.П.Шмидта). “Команда давно бы устроила настоящий бунт, если бы не я, в такой угольной каторге люди перестают бояться последствий” (из письма П.П.Шмидта, май 1904 г.).

Шмидт, бывало, «приглашал» на пароход свою любимую собаку – сенбернара Лорда. Бывал Лорд с Петром Петровичем и на угольном транспорте «Иртыш». 3 августа 1904 г. Шмидт писал Доминикии Гавриловне по поводу его пребывания на корабле: «...Больше всего люблю время от 6-и вечера, когда почти все уезжают на берег. Мне лучше стало, когда со мной Лорд, все-таки живая душа. Дела на Востоке так плохи, что, видимо, и на нашу долю останется повоевать. И я боюсь за Лорда. Мне будет ужасно, если его ранят, он такой ласковый и любящий...»

Шмидт встретил ее случайно, в полутемном вагоне поезда 22 июля 1905г. И до последних дней жизни, более полугода, писал Зинаиде Ивановне письма-исповеди. Иногда она сетовала, что их «долго читать»... «Странный» офицер написал ей более 100 писем - шедевров искренности, которые возвысили их получательницу в собственных глазах.

Здание Военного собрания в Очакове, где с 7 по 18 февраля 1906 г. проходил суд над лейтенантом Шмидтом и другими участниками восстания на крейсере «Очаков».

11 ноября 1905г. лейтенант Шмидт получил известие об увольнении из военного флота и поспешил сфотографироваться. “Снимался 12 ноября, в плаще и сидя, опять для тебя”, - пишет он Зинаиде Ивановне. Этих своих фотографий Петр Петрович не увидел. 15 ноября 1905 г. восстание черноморских матросов было подавлено, а «красный адмирал» арестован.

17 октября 1905 г. царь издал Манифест, провозгласивший свободу слова, собраний и т.д. А 18 октября, когда безоружная толпа севастопольцев устремила к зданию городской тюрьмы с требованием освободить политических заключенных, по ней был дан орудийный залп. 8 убитых и около 50 раненых. 20 октября 1905 г. в Севастополе хоронили убитых. Очевидцы вспоминали, что в похоронах участвовали многие тысячи горожан, матросов и солдат. Это запечатлел неизвестный фотограф.

П.П.Шмидт брал иногда сына в плавания В письме из Плимута от 14 июля 1903г. Петр Петрович сообщает жене: "Сынка, слава Богу, отлично себя чувствует, поправился, хорошо слышит и говорит (у Жени были проблемы со слухом, он заикался - авт.). Жаль, что не все лето он будет на пароходе, он стал серьезный и такой славный, что я не нарадуюсь на него. Работает и вахты стоит всею душою. Добросовестность – это его основная черта... Часто он подходит ко мне и говорит: "Хорошо нам с тобою, папочка".

Евгению Шмидту папа подарил велосипед, в то время новинку техники.

Делать уроки лучше с папой. Лейтенант Шмидт был отличным педагогом.

Евгений Шмидт. Снимок сделан после казни П.П.Шмидта.
Публикуется впервые. «Отец заменял мне весь мир», - скажет
потом сын убиенного лейтенанта Шмидта.

77 дней томился “красный адмирал” в каземате Очаковской крепости. Суд над Шмидтом и другими “очаковцами” был назначен на 7-е февраля 1906г. На время суда Шмидт был помещен в отдельную камеру гарнизонной гауптвахты Очакова. Городок был максимально “очищен” от нежелательной публики и переполнен военными всех родов войск, полицией и жандармами. На снимке: подсудимого П.П.Шмидта конвоиры ведут в здание Военного собрания, где проходил суд. Тогда эта улица называлась имени Горича, теперь – Шмидта

Слева направо, сидят: - Ф.Е.Врублевский, С.А.Балавинский. Стоят: - А.М.Александров, Дэвиссон, А.С.Зарудный, А.В.Вицберг. Факт защиты руководителей восстания на крейсере “Очаков” П.П. Шмидта, С.П.Частника, А.И.Гладкова, Н.Г.Антоненко и других “очаковцев” занимает особое место в истории российской адвокатуры. Сразу пятеро выдающихся адвокатов того времени выразили желание защищать в судебном процессе “очаковцев” бесплатно. (Адвокат военно-морского суда Дэвиссон – единственный на кого защита возлагалась по штату.)

Все пятеро адвокатов – добровольцев в этом процессе проявили недюжинные: талант, профессиональные знания и огромное человеческое участие в судьбе своих подзащитных. Все пятеро до последних минут расстрела П.П.Шмидта, С.П.Частника, А.И.Гладкова, Н.Г.Антоненко прилагали настоятельные усилия для отмены смертного приговора. С этой целью А.С.Зарудный ездил с сестрой лейтенанта Шмидта в

Санкт_Петербург, обращался к правительству. С..А.Балавинский добивался отмены смертного приговора от Чухнина. А.В.Винберг до последних часов жизни был со смертниками на плавучей тюрьме “Прут”. Просил начальство разрешить обреченным провести последнюю ночь перед казнью вместе, в чем ему было отказано. А.М.Александров так близко к сердцу принял трагическую судьбу П.П.Шмидта, что стал его доверенным лицом, другом, сохранил на всю жизнь последние откровения своего подзащитного “красного адмирала”. Написал воспоминания о лейтенанте П.П.Шмидте, читал публичные лекции о Севастопольском вооруженном восстании в ноябре 1905г.

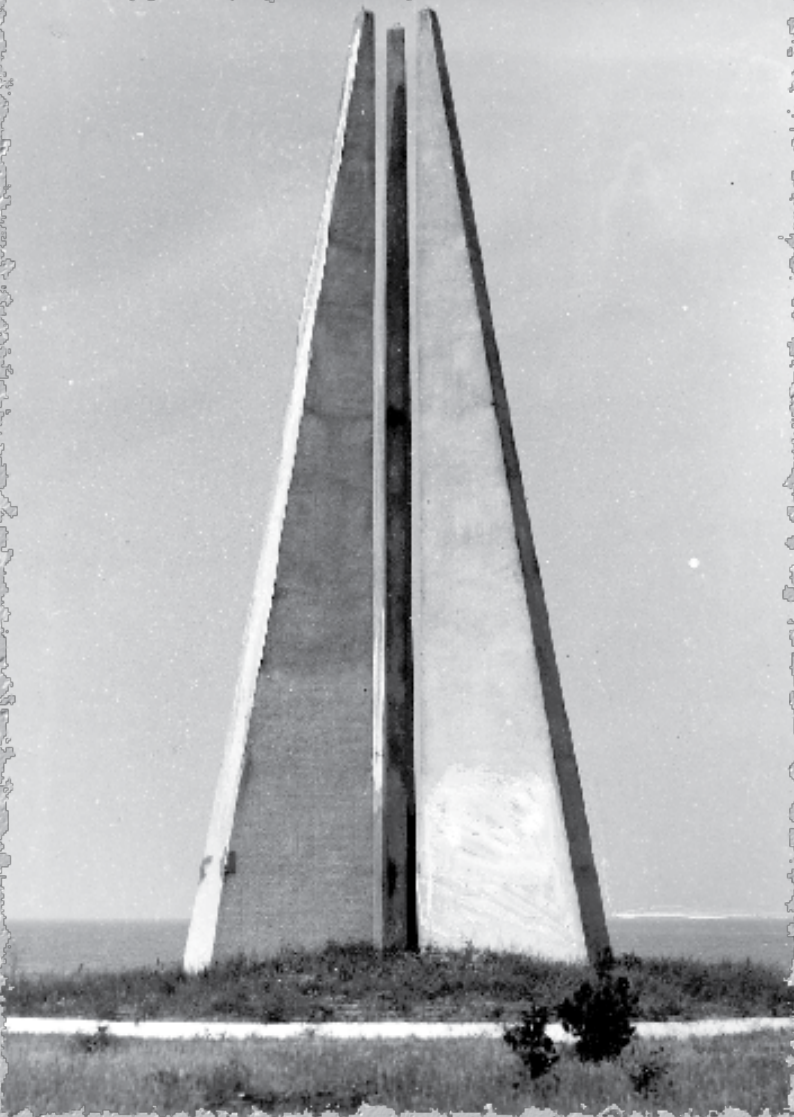
Самого А.М.Александрова постигла тяжелая участь. В гражданскую войну, во время революционной октябрьской смуты он натерпелся и от “белых”, и от “красных”. Остался без крова. Бедствовал. Потерял горячо любимого сына... И, несмотря ни на что через всю жизнь пронес светлую память о П.П.Шмидте и “очаковцах”.

Участники восстания на крейсере «Очаков» во время суда над ними в Очакове. 18 февраля 1906г.

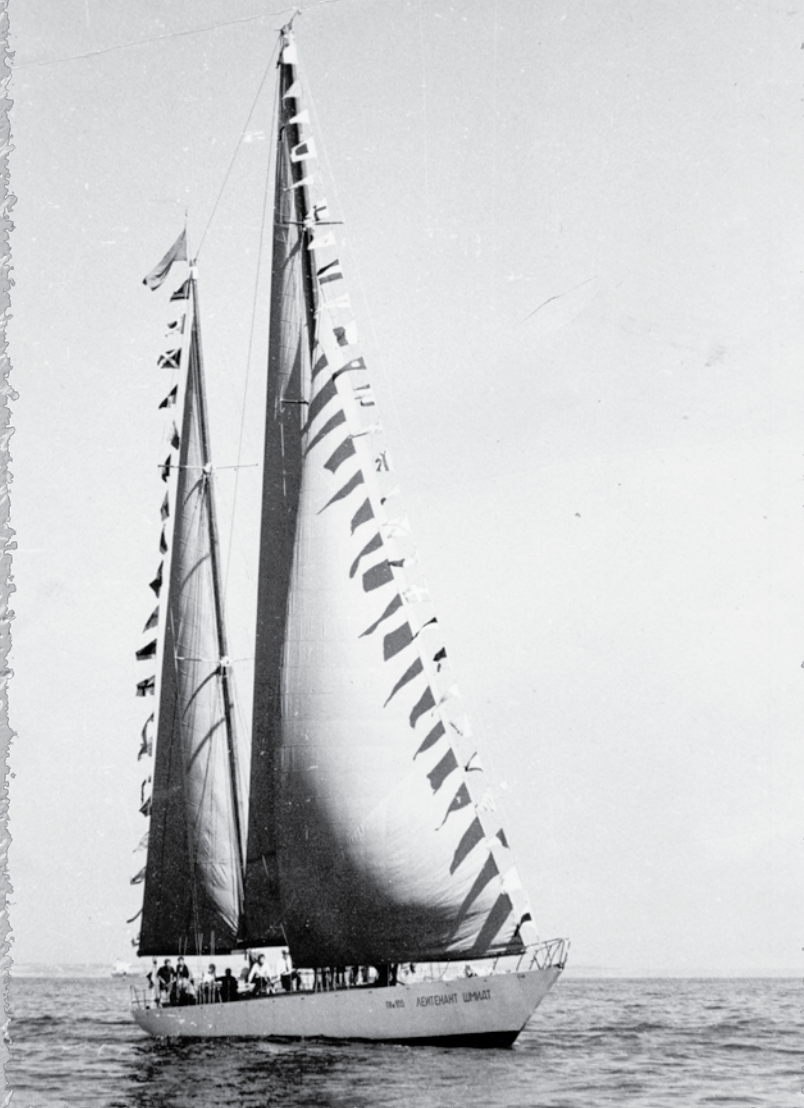
С.П. Частник был единственным из кондукторов (младший офицерский чин), который не покинул восставший крейсер "Очаков", когда с него съехали все офицеры. Он стал верным помощником П.П.Шмидта и фактически руководил командой восставших. Частник не потерял самообладания во время расстрела "Очакова", объявшего его пожара. Потомственный крестьянский сын из села Чалбасы (потом Виноградово), что на Херсонщине, С.П.Частник запомнился сослуживцам и односельчанам интеллигентным, доброжелательным, стремящимся к знаниям и справедливости человеком, искренне обеспокоенным горькой судьбой своего народа. Мужественно принял смерть, как и его товарищи. "...Мой предсмертный совет Вам, дорогие сослуживцы, помогите несчастному русскому народу добыть лучшую долю!!!", - писал С.П.Частник в письме к Черноморским матросам перед казнью 5 марта 1906 года.

Обелиск на острове Березань в память о расстрелянных здесь 6 марта 1906 года вожаках восстания матросов на крейсере «Очаков» лейтенанте П.П.Шмидте, матросах С.П.Частнике, А.И.Гладкове, Н.Г.Антоненко. Построен студентами Одессы и Николаева.

Остров Березань. (Фото А.Кремко)

Яхта "Лейтенант Шмидт" ("Маяна") построена в 1910 г. на средства одесситов в Великобритании. Имя "Лейтенант Шмидт" получила после октября 1917 года. В 1977 году затонула во время шторма под Одессой.

Репродукции с двух картин П.П.Шмидта без названия (масло). Одна из них — зимний пейзаж — имеется в музее Шмидта в Очакове. Репродукции опубликованы в журнале “Огонёк” за 1967г.

Строки из писем Петра Петровича Шмидта к Зинаиде Ивановне Ризберг от 10 ноября 1905 г. (Севастополь), от 7 и 30 января 1906 г. (Каземат Очаковской крепости), от 20 февраля 1906 г. - последнее письмо, написанное им в плавучей тюрьме транспорта "Прут" перед казнью.

Ясно всему миру, что не они преступники, что насильственно создается реакция. Куда вы они могли бежать? Не страшная небывалая в истории народов кровавая революция? Или дорога направо только к этому, вы теперь кажется и повернуть то поздно. Переели грабь, не успокоили деревню и учредительное собрание, порвалась структура душе, не автоматизм кажется уже самым страшным тайной массы преступлений. Вся тема и диалектика которого так бережно охранялась всеми людьми от света света. Эта тайна обрывается на свет и правды и виноватых и похорошеет так, что светит, попадает на путь. Горько, душа надорывается. Зинаида Ивановна да что, да что они так мучают нашу радость? За что они преступники судятся над злодейскими измывательствами над народом?

Горе, горе страшное во душе и возмездия одного возмездия терзало я. Никто не может достать меня этим злодейством. Буря в груди и мучающая смерть или своим или врага, тем же миром не могу как коварь эти русские люди безжалостны!

то он опять отходит, потому, что ты не можешь
идти к нему. Это новое чувство, которое
не может иметь места на расстоянии, так сильно и
так неумолимо, оно так властно помыслил про
смерть, что мне подвигались оттого
чувства смертная казнь казалась так то совершенно
невозможной, уродливой, противуестествен-
ной и прямо неслыханной. Это и есть та
"неприличная жажда жизни" о которой говорил Шамис
Нариналов. Ах, в тридцать (помыслил?) "клевня
местами березы...." Я балуюсь нежить козу, Зина,
я требую жизни. Пусть тысяча миллионов, пусть
счастья, которые ты вынесла ко мне, я прошестую,
прошестую передь великим законом мироздания;
передь небом и звездами, прошестую передь всемогущим
ожидающим меня, каменем. Не должно быть, не должно быть!
Мы будем счастливы, Зина, будем жить!

просто указывая на то, как разнится
во взглядах и сочувствиях к другим. Один при виде
чужих страданий правдоподобно саму чуждоту,
потому что он не может Зина за других, душа
не выдерживает, а другой моментом видя то совер-
шенно спокойно все и не чувствует "сраченного".
У меня и во мне не было ни равнодушия теперь
о безразличиях, каких то безразличий за сдвинутым
клетью Зина, я аматри так; если бросилось она с той
утомленной или горю, или в отчаянии, то советом
и из немалых страданий добро, а для удовлетворения
своих и т.д. Я не могу видеть, что человек
погибает, и спасаю его для себя, чтобы избавиться
от страданий при виде его гибели, и раз я знаю
далеко для чуждоты в ин души моей и т.д.
то само собой кажется, что не могу Зина за не могу
просто и основанно ^{указывая на себя} ~~на~~ так же так чувствую со стороны
других. Я ведь тогда просто указывая на то,
какая разница во взглядах, как разнится развитое чувство
"сочувствия" и только этой и потому не могу Зина, ты не можешь

Уважаемый Александр Иванович Носович
Получка подорожал, сегодня пришло 2 письма
наизящнейших под естрадой и я не успеваю
за все это время ни одного ответить о Вас.
Здоровы ли Вы? Я думаю уже два раза
перезабыл модель общества. Вспомню, тогда
пейзаж, а теперь и совершенно здорове и
веселее. Счастливее как никогда в
жизни, потому что теперь
можно учиться с искусными соизнанием
искусствования. Мне есть душа
тот, что Россия не позволит мне
продать смертную казнь, но право
думать, что моя смертная казнь была
и полезная для почитаемого народа
тот моя жизнь. Моя смерть подни-
мала десятки тысяч новых борцов
наше готовых отдать о восторжен-
ного жизни за свободу. Замену-
емого народа, может быть моя смерть
подняла бы новую небывалую волну
народного недовольства и движется в
приближении ослепительной победы
народа над всеми преступными
оприказками. Это же не поистине
замышлять меня и я найду на смерти

113

Притом.. 20 - Февраля

Приходи? Зима! а!
Сегодня пришло приговоро
в окончательный дурман.
Вроде до казни осталось
дней 7-8. Спасибо тебе, что
приняла облегчить мне
последние дни. Иди Зима-
да! Забудь тяжелые дни,
и люби жизнь по привычке.
Иди приговора в Россю,
поужай в Петербург, там
разрешив, а уж газет
все равно узнаешь, когда
совершат казнь.

Я совершенно счастлив
и доволен.

Все наши дела были
сделаю амбар и бергма-

доверии, но моя смерть
все доверитъ и тогда,
увѣнчанное казнью, мое дело
станетъ безупречнымъ и
совершеннымъ.

Я прошумитъ вамъ скоро
и дождетъ ливнемъ своимъ
смерти, а пока идя
по ней бодро ~~идите~~ и
торжествуйте.

Если бы дали мне верну-
ти жизнь, то и тогда не
поменяю своимъ, не аба за
своей, а живи Зинаида
для себя, ищи любви, аки
ведь есть, будь счастлива!
К. Светловую прои
немедленно вернуть

18
проси ее не писать писем
обо всем в газетках.

Мои письма, если захочешь
удовольствие непростительное
проси поправить
Зарудного или Врублев
также, чтобы не было ника
ких промахов
иногда всегда тогда
тогда и письма
т.н. в мне смысл
книжки было под
влиянием раздражения
и печали в полити
ческие отношения
не влияет состав
важно состав взгляд
Очень приятно тебе

ПАМЯТЬ ДОЛЖНА ЖИТЬ ВЕЧНО

Возник музей П.П.Шмидта в Очакове не по указке свыше, а из людской любви и благородного сострадания к жертвам трагедии, разыгравшейся на Черноморском флоте в ноябре 1905 г. Заслуженный работник культуры Украины Лидия Ивановна Иващенко, основатель и ангел-хранитель музея, искала, собирала и сберегла для истории документы, материалы, воспоминания современников о лейтенанте Шмидте и восстании матросов на крейсере "Очаков".

Это было в 1962 году. В Очакове, в Доме офицеров флота, состоялась читательская конференция по книге М.Чарного "Лейтенант Шмидт". Подготовила и провела ее в то время заведующая библиотекой Лидия Иващенко. Увлеченная образом "красного адмирала", она всю жизнь заботливо собирала материалы о П.П.Шмидте.

Музей П.П.Шмидта "родился" в восемнадцатиметровой комнате по соседству с книгохранилищем. Поначалу не значился ни в штатном расписании, ни в бухгалтерских ведомостях. Сюда и стали люди присылать и приносить материалы о восстании на крейсере "Очаков" в ноябре 1905 г. и его вожаках. Жительница Очакова А.И.Тодосенко первой передала вырезку из газеты "Одесские ведомости" с очерком Скитальца-Петрова о расстреле "красного

адмирала" и открытку с его портретом. Краевед Ф.Т.Каменский из Николаева подарил музею протоколы суда и план гауптвахты, где сидел Шмидт. Н.Л.Мироненко - фотографии перевоза останков П.П.Шмидта, С.П.Частника, А.И.Гладкова и Н.Г.Антоненко с о-ва Березань в Севастополь в 1917 году. Большой вклад в создание музея, пополнение его документами и материалами внесли племянники П.П.Шмидта - С.В. и Н.В. Избаш.

В 70-80-х годах прошлого столетия музей П.П.Шмидта в Очакове по количеству документов, материалов, экспонатов, воспоминаний о руководителях восстания на крейсере "Очаков" в ноябре 1905 г. стал едва ли не самым значительным в бывшем СССР. Его посетили миллионы неравнодушных к нашей истории сограждан со всех концов бывшего СССР.

Сейчас музей П.П.Шмидта (его содержимое) является частью Очаковского военно-исторического музея им. А.В.Суворова. Хотелось бы, чтобы все то, что бескорыстные хранители нашей истории собирали десятилетиями с любовью и вдохновением, не жалея сил и времени, было сбережено и передано потомкам.

Память должна жить вечно.

В 1965 г. в Киеве в издательстве "Радянський письменник" вышел сборник стихов Аркадия Рывлина "Пока есть время". В нем есть стихотворение "Хозяйка комнаты Шмидта" (вначале музей размещался в одной комнате). Предваряют его слова поэта: "Посвящается комсомолке Лидии Иващенко - организатору комнаты Шмидта при Очаковском доме культуры" (из соображений цензуры, вместо "дом офицеров" напечатано - "дом культуры").

Герои влюблялись
В мещанок черствых.
Влюблен был и Шмидт,
И чего скрывать,

В числе сувениров
Она и остров, где он был расстрелян,
Могла продать.
И вы так по-женски,
Немножко скрыто
Грустите, что не было вас при нем...
Есть комната лейтенанта Шмидта,
Есть комната -
Больше, чем целый дом.

В нее вы собрали дыханье бунта,
И порох,
И ветер, что вечно свеж,
И это не комната,
А как будто
Каюта,
и флагман,
и сам мятеж.
А вы в ней хозяйка
С девичьим взглядом,
И я понимаю,
что иногда
Невесты и жены
Не те, кто рядом, -
А те, кто поймут нас через года.

И кажется,
Будто пробили склянки.
И кажется мне
В предрассветной мгле,
Что карточка
Вовсе не той мешчанки,
А ваша стоит
На его столе.

В создании этого уникального музея в разное время принимала деятельное, бескорыстное участие многие неравнодушные к нашей Истории люди из разных уголков бывшего СССР. Наиболее активные из них: Эльга Абакшина, Алла Козочкина, Георгий Самолис, Павел Краухов (сын участника восстания на крейсе-

ре “Очаков” Василия Карнаухова-Краухова), Николай, Сергей, Марина Избаш, Клавдия Заварина, Сергей Павлов - родственники П.П.Шмидта, Мария Гришко - сестра С.П.Частника. А также Евгения Рахт, Александр Меч, Виктор Кравченко, Инна Максимовская, Георгий Гаштури, Юрий Желтопятав, Эмиль Газизов, Геннадий Черкашин, Игорь Пуппо, Вадим Водынин, Владимир Рудько, Инна и Алла Иноземцевы, Валентина Чаусова, Зинаида Иванова, Артём Пономаренко и другие.

Спасибо им, всем, кто бережет нашу Историю.

НА СНИМКЕ: Л.И.Ивашенко с дочерью Татьяной. 1972 г.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Севастопольское вооруженное восстание в ноябре 1905 г. /Документы и материалы/. М. "Воениздат Минобороны СССР", 1957.
- Избаш.А.П. Лейтенант Шмидт. Воспоминания сестры. 3-е изд. Л., 1925.
- Шмидт-Очаковский Е.П. Лейтенант Шмидт. Красный адмирал. Прага, 1926.
- Военные моряки в период первой русской революции 1905-1907 гг.: Сборник материалов. М. "Воениздат Минобороны СССР", 1955.
- Мельников Р.М. Крейсер "Очаков". Л., "Судостроение", 1986.
- Гелис И. Ноябрьские дни в Севастополе в 1905 году. /История восстания в Черноморском флоте, рабочем Севастополе и частях гарнизона 11-15 ноября 1905 г./. "Пролетарий", 1924.
- Вороницын И.П. Лейтенант Шмидт. М. - Л., "Государственное издательство", 1925.
- Александров А.М. Лейтенант Шмидт. Воспоминания защитника. В сб. "Революционное движение в Черноморском флоте в 1905 году". М., "Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльных поселенцев". 1925. /Из фондов музея П.П Шмидта в Очакове/.
- Граф Г.К. Моряки. Очерки из жизни морских офицеров. 1930. /Из фондов музея П.П.Шмидта в Очакове/.
- Рахт Е.Н. Воспоминания о лейтенанте Шмидте. Страницы из дневника тех лет. /Из фондов музея П.П.Шмидта в Очакове/.
- Паустовский К. 1-е издание повести "Черное море".
- Куприн А. Листригоны. Рассказы, очерки, воспоминания. События в Севастополе. Симферополь, "Таврия", 1984.

- Акимов Я.С. Как я убил усмирителя Черноморского флота адмирала Чухнина. “Каторга и ссылка”, 1925 г., №5.
- Черкашин Г. Клянусь землей и солнцем. Л., “Детская литература”, 1983.
- Степанов А. Сибирской флотилии лейтенант. Владивосток, “Дальневосточное издательство”, 1986.
- “Николаевцы. 1789-1999 г.г.”. Энциклопедический словарь. Николаев, “Возможности Киммерии”, 1999.
- История городов и сел УССР. Николаевская область. Киев, 1971.
- Самолис Г. Лейтенант Шмидт. М., “Политическая литература”, 1982.
- Следствие по делу о собрании офицеров кают-компаний судов практической эскадры в связи с революционными событиями в Севастополе. ЦГА ВМФ СССР. Ф.1025, л.373. Военно-морской суд Севастопольского порта.
- Письма: П.П.Шмидта жене Д.Г.Шмидт и сыну Евгению за 1903, 1904, 1905, 1906 г.г.; П.П.Шмидта Е.А.Тилло за 1884-1885 г.г.; П.П.Шмидта Е.Н.Рахт; Евгения Шмидта отцу; П.П.Шмидта З.И.Ризберг из каземата Очаковской крепости 18 января 1906 г.; П.П.Шмидта в г-ту “Новое время”. /Из фондов музея П.П.Шмидта в Очакове/.
- Публикации из газет: “Флаг Родины”; “Чорноморська зірка”; “Одесские новости” за 1.01.1906 г.; “Русь” за 9.02.1906-г. и многих других.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО	8
РОДОСЛОВНАЯ	15
ЖЕНИТЬБА	22
МЕЖДУ НЕБОМ И ОКЕАНОМ	33
ПЕРЕД БУРЕЙ	43
СЕВАСТОПОЛЬ. СОЮЗ ОФИЦЕРОВ - ДРУЗЕЙ-НАРОДА	50
БУНТ НА “ПОТЕМКИНЕ”	58
КЛЯТВА	64
ПЕРВЫЙ АРЕСТ	73
13 НОЯБРЯ	81
15 НОЯБРЯ	90
РАССТРЕЛ	101
ПИР ПОБЕДИТЕЛЕЙ	106
ВСТРЕЧА НА “ДУНАЕ”	114
ТАИНСТВЕННЫЙ ОСТРОВ	122
ВОЛНА ПРОТЕСТА	132
ПИСЬМА ИЗ КАЗЕМАТА	136
В ОЖИДАНИИ СУДА	178
СУД	184
ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО	190
ПРИГОВОР	194
КАЗНЬ	205
БАЛ У ДУРНОВО	216
ПИСЬМА К СЫНУ	220
ОДИН ВО ВСЕМ МИРЕ	223
ПИСЬМА ИЗ ФРАНЦИИ	227
ВМЕСТО ЭПИЛОГА	229
ФОТОДОКУМЕНТЫ И ПИСЬМА	237
ПАМЯТЬ ДОЛЖНА ЖИТЬ ВЕЧНО	280
ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА	284

Историко-документальное издание

Агнесса Викторовна Виноградова

РАССТРЕЛЯННАЯ МЕЧТА.

Хроника жизни лейтенанта П.П.Шмидта.

Письма, воспоминания родных, близких, сослуживцев, современников,
документы, материалы.

Компьютерный набор: А.В. Виноградовой

Корректор: Т.И. Чернова

Компьютерная верстка: А.С. Непомнящего

ISBN 966-96187-5-4

Сдано в набор 02.09.03. Подп. в печать 29.12.03.

Формат 60х90/16. Бумага офсетная. Гарнитура “Таймс”.

Печать офсетная. Усл.печ. лист. 15,5.

Тираж 1000. Зак. №501

Типография ЧП Гудым И.А.: 54027, Николаев,
ул. Адмиральская, 20. Тел. (0512) 35-23-36, 35-20-18.